

11 32
5

АРХИТЕКТУРА С С С Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

12 193

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНО
ОБЪЕДИНЕНИЕ

Технический редактор — Б. Соморов
Выпускающий — Э. Алейникова
Корректор — М. Гутцайт
Фото — И. Сосфенов
Репродукции — Л. Вильвер
Чертежи — А. Ахтырко

Сдано в производство 19/X 1935 г. Подписано к печати 27/XI 1935 г.
Формат 62 × 94 $\frac{1}{2}$, 8 листов. Тираж 6 500. 128 тыс. зн. в бум. листе.
Ув. Главлита Б-15909. Заказ № 631
Типография и цинкография Жургазобъединения
Москва 1-й Самотечный пер., 17

ОРГАН
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
АРХИТЕКТОРОВ

12

МОСКВА ДЕКАБРЬ 1935

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ

Адрес редакции: Москва, 2
Новинский бульв., 9. Тел. 4-17-43

ЛУЧШИЕ ЛЮДИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ

14—17 ноября 1935 г. в Кремле происходило первое всесоюзное совещание стахановцев промышленности и транспорта. Это совещание знаменует собою величайший триумф социалистической культуры, сумевшей создать героическую армию борцов за самую высокую в мире производительность труда. «Как в те суровые годы гражданской войны на призыв Ленина и Сталина шло все лучшее в нашей стране, чтобы разгромить врагов советской власти, так и в годы развернутого строительства социализма на призыв товарища Сталина встанут миллионные массы наших рабочих и колхозников, инженеров, техников, всех трудящихся на победоносное строительство социализма» (С. Орджоникидзе).

Стахановское движение претворяет в жизнь марксистско-ленинское учение о социалистическом обществе, как новом типе хозяйства, открывающем эру невиданного роста производительных сил, необычайного под'ема материального и культурного уровня трудящихся масс.

В то время как в странах капитализма труд — «презренное занятие», в СССР «самым желательным делом, заслуживающим общественного одобрения, становится возможность быть героем труда, возможностью быть героем ударничества, окруженным ореолом почета среди миллионов трудящихся» (Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 10, стр. 393, 394).

Вот почему история капиталистического общества так бедна подлинными героями трудового энтузиазма. Знаменитый ученый, художник, архитектор Леонардо-да-Винчи, живший на заре капитализма, вынужден был искать покровительства у многочисленных коронованных разбойников, бросавших ему ничтожные крохи со своего стола. Десятки и сотни тысяч талантливейших людей техники, науки, искусства осуждены в современном капиталистическом обществе на физическую и духовную смерть. Для миллионов пролетариев капитализм и сознательное, радостное отношение к труду несовместимы. Только в стране социализма возможно массовое движение за высшие формы организации труда, за превышение всех норм и планов, за изобилие машин и продуктов, за лучшие жилища для рабочих и колхозников.

Выступая 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной армии, тов. Сталин говорил: «Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии, — наша страна будет непобедима. Не будет у нас таких кадров, будем хромать на обе ноги». Всесоюзное совещание стахановцев показывает, что эти кадры уже созданы. Тысячи партийных и беспартийных большевиков заседали в Кремле. Кто они такие? — Представители всех специальностей, люди разного возраста и пола, семнадцатилетние юноши, не знавшие никогда иной власти, кроме советской, и седовласые рабочие, испытавшие на себе все ужасы капиталистической каторги. Всех их объединяет одно стремление — поднять на недосягаемую высоту хозяйственную мощь нашей родины. Все они научились творить чудеса, сумели опрокинуть нормы, для капиталистической техники и науки являющиеся предельными.

«Всем стало ясно, — сообщил на совещании тов. Алексей Стаханов, — что на участке можно так организовать работу, чтобы на 100 процентов использовать отбойный молоток, чтобы в несколько раз превзойти существовавшую производительность забойщика. Надо только строго специализировать труд рабочих: забойщик должен рубить, а крепильщик крепить, уступы надо увеличить».

Другой участник совещания тов. Бусыгин рассказал: «...явилась у меня привычка присматриваться, как работают другие, и думать, правильно ли, да как бы я на его месте работал. Был такой случай, что один кузнец плохо работал. Я посмотрел, подумал, как правильнее деталь поставить и начал работать сам. Получилось у меня лучше и брака почти не было». В этих простых и скромных сообщениях героев стахановского движения заключен глубокий смысл. Если при капитализме трудящийся является лишь придатком к машине, лишенным творческой инициативы, то в условиях социализма трудящийся превращается в подлинного организатора, творца.

Развитие стахановского движения означает начало нового, высшего этапа социалистического строительства. Оно открывает огромные возможности в деле досрочного выполнения планов, в борьбе за количественный и качественный рост советской продукции. Для архитекторов СССР стахановские методы работы являются мощным орудием успешной реализации тех грандиозных задач, которые возложены на советскую архитектуру партией и правительством. Мы должны понять, что многое из того, чему мы учились у старых мастеров, ученых, теоретиков, требует самого решительного пересмотра.

Прежние привычные нормы устарели, потому что «наши нормировщики учились у старых наших профессоров, у старых наших ученых, которые в свою очередь все учились в старой, дореволюционной России, исходя из старой, отсталой техники» (из речи тов. Орджоникидзе от 16 ноября 1935 г.). Социалистическая эпоха, критически осваивающая все достижения прошлого, выдвигает новые приемы труда, новую организацию труда, новые нормы труда — нормы Ленина и Сталина.

Так поставила вопрос история, и поэтому не случайно железный нарком тов. Л. М. Каганович предостерегал против того, чтобы рассматривать стахановское движение, как обычную кампанию.

Стахановцы — лучшие люди социалистической страны. Их породила и воспитала большевистская партия во главе с тов. Сталиным — великим другом и вождем трудящегося человечества. С высоты кремлевских трибун они выражали глубокую благодарность тов. Сталину за счастливую жизнь, за неуклонные заботы о живом человеке. «Спасибо, большое, стахановское, огромное, как наша любовь к Вам, спасибо за учебу, дорогой Иосиф Виссарионович», — обратились стахановцы к гениальному учителю мирового пролетариата. А когда тов. Сталин взошел на трибуну, трудно передать восторг, охвативший самых знатных людей социалистической родины.

Выступление тов. Сталина не только подвело итог совещанию стахановцев, оно вооружило трудящиеся массы Советского союза глубоким пониманием коренных задач нашей эпохи. Тов. Сталин показал все величие стахановского движения, которое подымает на новую, высшую ступень социалистическое соревнование масс. Тов. Сталин объяснил, что в лице героев труда мы имеем людей, побеждающих старую буржуазную культуру, уничтожающих ограниченность буржуазного мышления, преодолевающих узость буржуазной науки и техники. Сочетая в своем лице непосредственное участие в труде с глубокой организаторской, творческой деятельностью, стахановцы кладут начало стиранию граней между умственным и физическим трудом. Развитие стахановского движения стало возможно только на основе побед социализма, на основе создания передовой техники, на основе той радостной и счастливой жизни, которая завоевана трудящимися одной шестой части земного шара. «Жить стало лучше, жить стало веселей». А отсюда мощный подъем трудового энтузиазма, мощный подъем любви рабочих, колхозников, деятелей искусства, науки и техники к своей социалистической родине.

Историческая речь тов. Сталина проливает яркий свет на самые существенные вопросы социалистического строительства, она дает трудящимся массам программу борьбы за еще больший расцвет нашей прекрасной родины, она вдохновляет ее лучших сынов на новый подъем трудового энтузиазма. Вот почему с такой необычайной силой звучат слова участников первого всесоюзного совещания рабочих и работниц стахановцев, обращенные к своему любимому вождю: «Мы несем с собой искры сталинского пламени и понесем их в массы. Со сталинской настойчивостью мы будем добиваться социалистической производительности труда. Мы будем выращивать зерна коммунизма, которые Вы своей прозорливостью разглядели в стахановском движении. Да, эти зерна уже зреют, а Вы являетесь тем солнцем, под которым они всходят буйным цветом».

Решение Ленинградского областного комитета ВКП(б) о генеральном плане реконструкции Ленинграда с энтузиазмом было встречено ленинградской пролетарской общественностью, представителями технической, научной и художественной мысли. Подготовительные работы по составлению плана проводятся в чрезвычайных темпах. Общие установки углубленно прорабатываются в комиссиях и подкомиссиях Ленсовета; предложения технических аппаратов, прежде всего АПО Ленсовета, а также всех связанных с ним институтов, трестов и управлений, проверяются, критикуются. Проблемы реконструкции обсуждаются в Союзе архитекторов, на общегородских собраниях инженеров и техников, на заводах и т. д.

Сейчас еще невозможно дать полную характеристику всему тому огромному комплексу предложений и проектировок, результатом которых должен явиться генеральный план реконструкции Ленинграда. Приходится ограничиваться предварительными замечаниями о некоторых основных принципах плана.

Данные на пленуме Ленсовета тов. Ждановым основные установки предварительной схемы генплана реконструкции и развития Ленинграда резко меняют направление территориального развития города, внутреннюю его характеристику.

Нет нужды подробно сопоставлять две системы развития Ленинграда — ту, которая была в свое время составлена АПО и отвергнута Ленсоветом, и систему, предложенную тов. Ждановым. Первая являлась ориентировочным предположением, вторая выражает необходимую потребность жизни и является единственно возможным сейчас принципиальным решением вопроса в целом. Но следует отметить главнейшие моменты расхождения. Не останавливаясь пока на первом из отмеченных коренных изменений — на направлении территориального развития, — обратимся к изменениям во внутреннем содержании всего городского тела.

Первое кардинальное изменение — это новый подход к планировочной реконструкции промышленной зоны Ленинграда.

Схема АПО подходила крайне осторожно, пожалуй робко, к этому вопросу. Ее авторы, «гипнотизированные» удельным весом ленинградской промышленности в общем балансе производительных сил страны, пытались только палиативно смягчить отрицательное влияние существующего размещения промышленности на бытовые условия жизни в городе.

Сейчас намечен вынос целого ряда предприятий за городскую черту и ограничен дальнейший рост на городской территории заводов и фабрик. Это решение развязывает руки планировочной работе во всех других ее моментах.

В настоящее время промышленность кольцом располагается вокруг центрального ядра города. Она имеет два сильнейших выброса: на юго-запад—

Кировский промрайон и на юго-восток — Володарский промрайон. Особенно сильно нормальное развитие города задерживалось южной дугой центрального кольца, образовавшего на Обводном канале барьер. Сильное движение города в новых своих частях на юг требует уничтожения этого барьера или, по крайней мере, установления в нем разрывов.

Необходимо произвести вынос предприятий и в северной части кольца — из культурного района Кировских островов и с правого берега Невы.

Вторым моментом, характеризующим новые установки, является коренная реконструкция ленинградского ж. д. узла. Основные, наиболее громоздкие сооружения его проникли глубоко в тело города. Необходим их вынос, тем более, что существующая конструкция ленинградского ж. д. узла не только неблагоприятна в отношении городской планировки, но и транспортно несовершенна.

Сейчас выработаны и рассматриваются несколько вариантов реконструкции. Ряд вариантов учитывает требование размещения промышленности и грузового обслуживания, но недостаточно считается с определяемыми новой схемой коренными изменениями в распределении жилых массивов и с перемещением центра города значительно южнее существующего его положения. Последние два варианта, дающие в этом отношении наибольшие возможности, и будут, вернее всего, утверждены.

Важнейшей проблемой реконструкции Ленинграда является также разрешение взаимосвязи жилья и мест работы.

Установка, преобладавшая в планировке городов до сих пор, предписывала максимальное приближение жилья к месту труда. Этот бесспорно эффективный и в большинстве случаев целесообразный прием, очевидно, для больших наших центров, является в значительной степени устаревшим.

В старой схеме АПО отстаивалась необходимость развития новых крупных жилых массивов в составе самого города Ленинграда. Предполагалось, что эти внутригородские массивы обеспечат возможность близкого взаиморасположения производства и жилья до момента полного развития внутригородского транспорта — когда можно будет жить во всех частях города, а не привязанно к месту работы.

Установки тов. Жданова ставят на очередь уже теперь свободное расселение населения в определенных рамках развития плана города и вместимости отдельных его жилых районов.

Это обязывает в первую очередь реконструировать внутригородской транспорт и предусмотреть в планировке и застройке города соответствующие возможности удобной транспортной связи отдельных районов. Из указанных двух принципиальных установок по реконструкции города: изменений в системе размещения промышленности и расширения системы транспортной связи населения с местами труда, логически вытекает и третье коренное условие реконструкции — новые формы размещения населения.

При централизованном размещении промышленности ценный старый жилой фонд в центральных частях города был переуплотнен.

Старый план предполагал известное снижение плотности (с 2 500, 2 000, 1 500 в центре города до 1 000 чел. на га квартала нетто в среднем).

Новые установки уже радикально решают задачу: принята следующая проектная плотность населения — для частей старого центра — 500 чел. на га и для остальных районов — 400 чел. на га. Это соответствует нормам, принятым для Москвы. Наша страна обладает достаточными материальными ресурсами для того, чтобы обеспечить такие высокие по качеству нормативы, даже определяя этажность только в 4—5 этажей.

Наконец, важнейшее значение приобретает еще один момент, предука-

занный тов. Ждановым: это установка на устранение всякой замкнутости, всякой обособленности во всех отраслях жилой и общественной застройки и всяких хозяйственных и строительных форм, этому способствующих.

Конструктивные формы города и его выражение должны способствовать живейшему участию городских жителей во всех моментах деловой и культурной жизни, во всем жизненном процессе города.

Последний существенный момент — это установление 6-этажного предела для высоты жилых зданий.

Под знаком этих основных изменений должна пройти вся реконструкция существующего Ленинграда и строительство в новых границах города.

Раньше предполагался рост населения города, примерно, до 3 200 000 жителей и его расселение на территории в 38 000 га. По новой схеме Ленинград, при том же, примерно, количестве населения, займет до 55 000—60 000 га. Это вызвано понижением норм плотности и увеличением доли новых жилых частей сравнительно со старыми. Свыше двух третей этой территории приходится на вновь осваиваемые части.

Ленинград значительно богаче, чем Москва, водными пространствами, кроме того, вследствие некоторой разницы в высотной норме, он расположится сравнительно шире, чем Москва. Рост территории Ленинграда в одном преобладающем направлении — на юг, наряду с почти полным прекращением строительства в старых частях города, при намеченных быстрейших темпах роста жилой площади (9 млн. кв. м в десятилетку), обозначает не постепенное смещение центра города на юг, а формирование в ближайшие годы нового центра, за пределами современного плотного строительного освоения.

Ленинград после революции прошел несколько этапов строительства, различающихся по методам и принципам территориального размещения.

Первый этап в начале восстановительного периода характеризовался жилым строительством небольшими гнездами в окраинных районах и общественно-культурным строительством.

Позже была сделана попытка строительства большими массивами на новых местах в периферийных частях Ленинграда (концентры начала реконструктивного периода).

Третий этап отмечен стремлением к надстройкам и застройке пустырей в центре, с некоторым строительством небольших массивов в периферийных частях.

Во втором и третьем периодах общественное строительство разбрасывалось по всему городу.

Установки генплана ограничивают реконструкцию старых частей и кварталов надстройкой и застройкой пустырей. Строительство здесь лимитируется только потребностями культурно-бытового обслуживания (школы и др.) и интересами архитектурного дооформления кварталов.

Вся масса жилого строительства вместе с обслуживающими его объектами общественного, вузовского, научного и т. п. строительства выводится на юг, на новые места.

Тем самым открывается возможность строительства города крупными массивами в масштабах, несоизмеримых с наметками 1930—31 г. Это определяет и соответственные его формы в будущем.

Концентрированное строительство предполагает также и концентрацию работ по благоустройству по преимуществу в новых частях города.

Старые центральные части города благодаря этому разгружаются. Прекращается давление на центр в отношении предоставления площадок для государственного и областного строительства. Надстройка и достройка ограничиваются рамками минимально-необходимого дооформления магистралей. Со-

храняются, а затем путем ликвидации амортизирующихся строений и вывода некоторых промпредприятий и учреждений увеличиваются свободные территории, необходимые для организации зеленых насаждений.

Для осуществления всех этих реконструктивных планов необходимо использовать все передовые приемы инженерного оборудования города и, в первую очередь, транспортного.

Это предполагает повышение требования ко всяким подземным и надземным линиям проводов, трубопроводов, к подземному и надземному хозяйству улиц в целом.

Новые виадуки, мосты, вокзалы и промежуточные станции, сооружения самих линий — должны принять и новые формы.

Важное значение приобретают в связи с этим вопросы технического оборудования улиц и площадей и культуры их оформления. Колоссальное увеличение уличного транспорта особенно ясно подчеркивает всю важность этой задачи.

Наконец, промышленные территории, так же как и складские и всякие технические, должны принять в процессе реконструкции новые формы.

Как сказано, по новым установкам Ленинград сильнейшим образом двинется на юг, захватывая огромные, почти совершенно свободные, территории.

Какими строительно-архитектурными возможностями он может располагать?

Основное центральное направление на юг захватывает ровную местность, довольно однообразную, почти безлесную. Однако, по середине в меридиональном направлении разнообразие вносится тальвегом речки Волковки и грядой рядом с ней. На ней может быть построена система центрального южного парка. На юге у самой границы города эта система соединяется с системой протоков, ведущих по параллели к Неве на восток. На юго-востоке эта система подходит к участку Невы, богатому поворотами (Кривое колено, поворот у Мурзинки и пр.). Берега Невы здесь рельефны, на правом берегу находится большой массив парка, подымающегося по восточной границе к естественным лесным массивам севера. Эта часть дает богатые возможности планировки города. На западе южная часть города упирается в высоты Пулкова (до 80 м), которые вносят совершенно новый момент в общий аспект города.

Юго-западный конец города сильно выдвигается за Пулковскими высотами вдоль побережья взморья до Стрельны. Глубинные места этой части от Петергофского шоссе и за Ораниенбаумскую ж. д. представляют высокую террасу, изобилующую искусственными парками, живописными местами, чередующимися с застроенными дачными местами (Урицк, Дачное и др.).

Чрезвычайно важным моментом архитектурно-планировочной реконструкции Ленинграда явится будущая трактовка Невы. Все ее верхнее течение в пределах города явится основной магистралью, на которой будут расположены не только рабочие элементы города — фабрики, заводы, склады, пристани, как сейчас, но по преимуществу жилые и общественные здания. Живописность берегов Невы, мощные повороты русла, образующие мысы, дадут богатый материал для формирования на них архитектуры города.

В результате Ленинград должен стать в целом городом технически оборудованным (вероятно, с довольно однородной в высотном и объемном отношениях застройкой), соединенным мощными путями сообщения, городом живописным в отношении рельефа, богатым свободными пространствами, городом с сильным зеленым кольцом (примерно в 10 км ширины), городом с ровными центральными частями, обеспечивающими правильную геометрическую планировку и дающими ясность плану.

ПЛАНИРОВКА МОСКВЫ И МИРОВЫЕ ЦЕНТРЫ

Н. Э. НЕСИС

Утверждение генерального плана реконструкции Москвы — событие величайшей исторической важности, ибо впервые в истории человечества создается план реконструкции города в интересах трудящегося человека.

Все исторические работы по реконструкции городов должны были демонстрировать мощь и величие господствовавших классов. Людовики, Кольбер, Наполеоны, Осман были очень далеки от заботы о трудовом населении Парижа, когда по их воле прокладывались новые магистрали и площади в трупном теле Парижа. Не заботой о жителях Рима диктуются современные попытки фашистской Италии вернуть Риму его блеск и величие времен Августа. Совершенно безнадежны все проекты ликвидации трущоб Лондона и Нью-Йорка, до сих пор сохранившихся в этих гигантских городах.

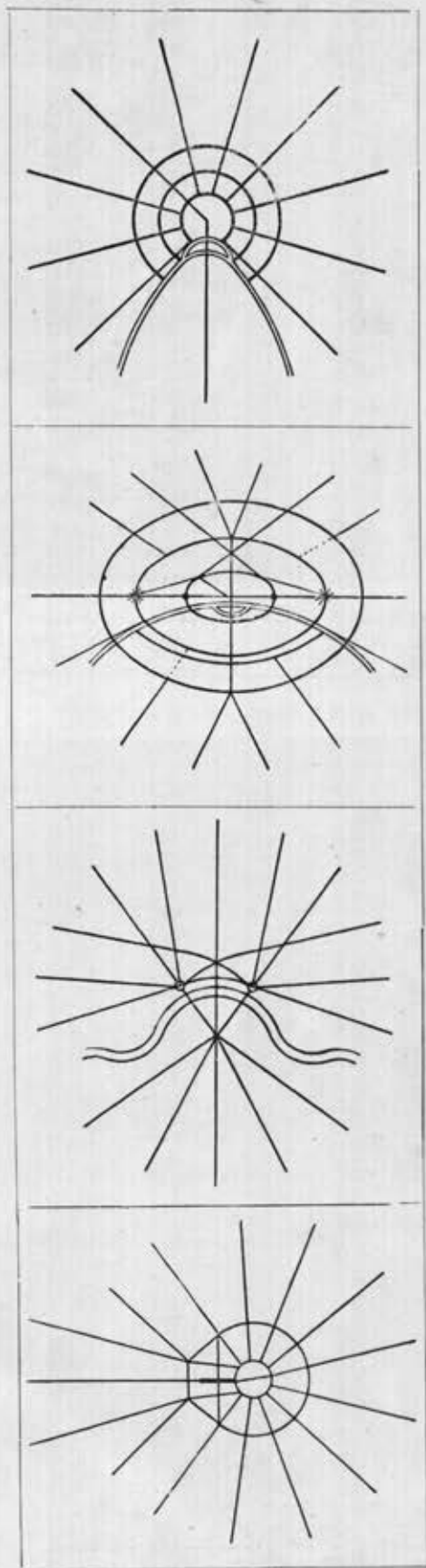
В отличие от всех этих реконструктивных мероприятий планировка столицы мирового революционного пролетариата, в тех формах, которые указаны постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома, есть выражение основной идеи социалистического градостроительства. Москва будет единым городом трудящихся, радостно строящих социализм, в то время как города капиталистического мира — единые территориально, — разделены глубокой социальной пропастью на две части: великопелия и убожества, как метко характеризовал капиталистический город журналист Bogardus: „The city special: nearness and social distance“.

Зонирование мировых центров начинается с выделения районов для пролетариата, районов, всегда находящихся в худших климатических и топографических условиях (на низменных территориях, с подветренной стороны, в районах, лишенных солнца и света). Это Остен в Берлине, Уестенд в Лондоне, районы трущоб в Нью-Йорке и т. д. и в противоположность им — буржуазные районы в лучших частях городских территорий: западный район — в Берлине и Лондоне, бульварное кольцо в Париже, парковые территории, предусмотренные для жилья финансовых магнатов районной планировкой Нью

Йорка, и район, расположенный на живописных северо-западных холмах в Риме.

Все теоретические рассуждения планировщиков западных городов о благах функционального зонирования города, в смысле приближения промышленности к жилью и сохранения от расхищения застройщиками зеленых массивов, опровергаются этим принципом классовой планировки капиталистических городов. Напрасны предложения Томаса Адамса о рациональном зонировании Нью-Йорка и окрестностей; бессмысленными нажутся лицемерно-утопические проекты зонирования Лондона — проекты превращения пролетарских трущоб в рекламные города-сады. Только большевистский план реконструкции Москвы может воплотить в жизнь мечту лучших умов, работавших на протяжении веков над проблемой города. Зонирование Москвы есть научно-обоснованное решение основных принципов планового хозяйства города. Оно предполагает удобную связь промышленности с жильем, подчинение основных частей городского организма интересам трудящихся (транспорт, система зеленых насаждений, размещение основных точек социально-культурного обслуживания). Москва будет расти в направлении юго-запада именно потому, что это самая лучшая в санитарно-гигиеническом и санитарно-топографическом отношении часть города.

Почти все проекты перепланировки мировых центров носили утопический характер, так как архитектор не был в состоянии предусмотреть развитие города и основных его производительных сил даже на ближайший период времени, наоборот, «трезвые» реальные планы ограничивались только решением вопросов регулирования транспорта, диктуемых неотложными задачами сегодняшнего дня. При этом противоречия, казалось бы, устраненные после реконструкции, возникали вновь буквально на завтра в еще более обостренной форме, потому что планировочная мысль не могла предопределить основного направления развития города. Характерным выражением этого бессилия решить проблему развития города на научной

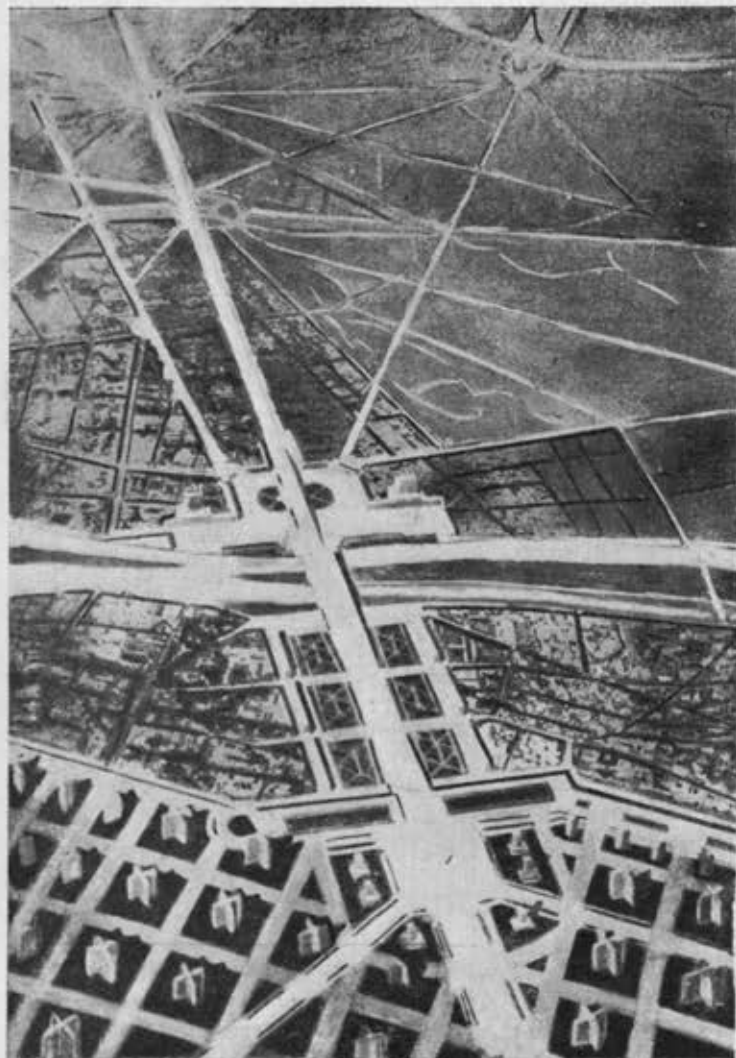

Схемы основных магистралей Москвы, Парижа, Лондона, Берлина (сверху вниз)
Schèmes des voies magistrales de Moscou, Paris, Londres, Berlin (du haut en bas)

Париж. Площадь Согласия

Paris. Place de la Concorde

Париж
Проект
перепланировки
„Триумфальной
дороги“
Арх. Бо и
Мейер-Гейне

Paris
Projet de
réaménagement
de la „voie
de Triomphe“
Arch. Beau et
Meyer-Heine

базе является, прежде всего, невозможность для строителя капиталистического города заранее определить прирост населения. Июньский пленум ЦК в 1931 г. указал на необходимость прекратить размещение новых промышленных предприятий в Москве и Ленинграде. Это дало возможность в постановлении о генеральном плане Москвы с твердым обоснованием наметить количество населения Москвы в 5 млн. человек на перспективный период. Между тем, планировка Нью-Йорка совершенно произвольно предугадывает население города на 1965 г. в 21 млн. человек, а планировка Рима предусматривает в 1950 г. население города в 2 млн. человек (при 150 тыс. авто). Планировщики Лондона и Парижа отказываются вообще от какого бы то ни было прогноза относительно количества населения. Отсюда вытекает и качество решения основных вопросов распределения территории и организации ее обслуживания.

Невозможность исчислить население города сказывается в первую очередь в отсутствии твердых границ городского плана. Если в эпоху французского абсолютизма границы Парижа искусственно определялись межевыми столбами для того, чтобы парижская знать не размещала своих дворцов в привольной природной обстановке пригорода, а прикреплялась к дворцовым площадям, то в XIX—XX вв. пригороды росли стихийно, город терял свои явно выраженные границы в хаосе промышленных и жилых территорий, выросших буквально за ночь на сельскохозяйственных угодьях.

В XIX—XX вв. уничтожение сельскохозяйственных земель и зеленых массивов принимает неслыханные размеры и катастрофические для жизни города формы. Возникает «большой Лондон», «большой Нью-Йорк», «большой Берлин», лишенные всякого планировочного единства. Даже английские города-сады вышли из намеченных их первоначальной планировкой границ и в своем росте превратились в свое отрицание. Лэчуорс Говарда, основанный в 1903 г. как маленький город-сад, теперь превратился в город с 15 тыс. жителей, 66 фабриками и 51 мастерской. Вельфин, основанный в 1919 г., имеет 9 036 жителей и 64 предприятия.

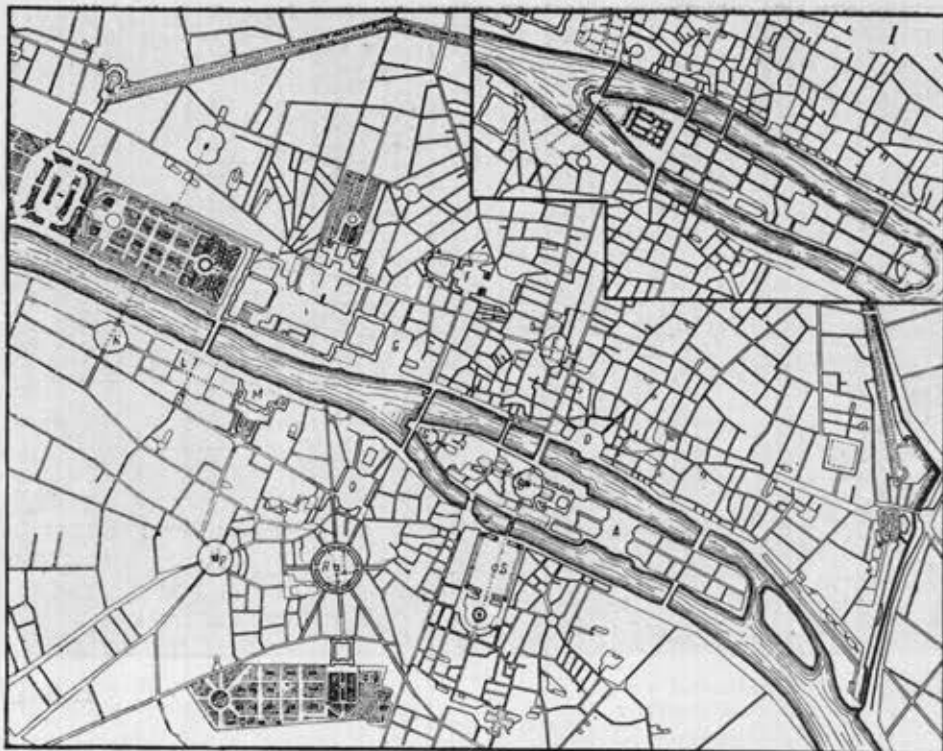
При таком неограниченном росте города приходится поневоле заменять планировку города «районной планировкой» в тщетных поисках средств решить основные вопросы расселения города в каких бы то ни было границах. Искусственное раздувание границ города нуж-

но для обоснования попыток расселения по Адамсу и для создания сателлитов и городов-садов по теории английских и американских планировщиков.

Только планировка Москвы могла наметить границы города и четко увязать формы расселения с фокусами трудового тяготения, по принципам функционального зонирования. В этом отношении планировка Москвы является величайшим достижением в области правильного зонирования города, в то время как английские и американские принципы зонирования, рекламируемые как последнее достижение планировочного искусства, являются лишь эфемерным обоснованием стихийно-сложившегося «районирования» города и еще незастроенных территорий, или средством взвинчивания цен на земельные участки и привлечения к ним внимания спекулянтов (районная планировка Нью-Йорка, предложения по планировке большого Лондона).

Планировка капиталистических городов уже давно свелась к прокладке отдельных улиц или пробивке новых магистралей. Вопросы архитектурной реконструкции города, вопросы архитектурного ансамбля города совершенно не затрагиваются в планировочной практике последних столетий. Видный теоретик планировки городов Томас Адамс указывает на два типа планировки: на архитектурную планировку, которая имела место в средние века и до начала XIX столетия, и на современную планировку городов, ограниченную, главным образом, реконструкцией уличной сети.

Формула Адамса является выражением действительного упадка планировочного искусства на современном Западе. Задача коренной архитектурной реконструкции города никогда не была под силу обществу, в котором царит эксплуатация. Самые большие работы по планировке города не выходили из рамок реконструкции отдельных улиц и площадей. Прокладка новых улиц и магистралей иногда подсказывалась интересами классовой борьбы с пролетариатом (как это имело место в Париже при Османе) и всегда сопровождалась неслыханной спекуляцией участками, освобожденными от малорентабельной низкой застройки для более высоких и доходных домов. Осман в своем дневнике подробно описывает выгоды его больших работ по «санитарии» парижского центра (очищение его от бедноты). Работы по прокладке знаменитой лондонской магистрали Kingsway (Holborn to strand), проложенной в райо-

Проекты площади Рояль в Париже. 1765 г.

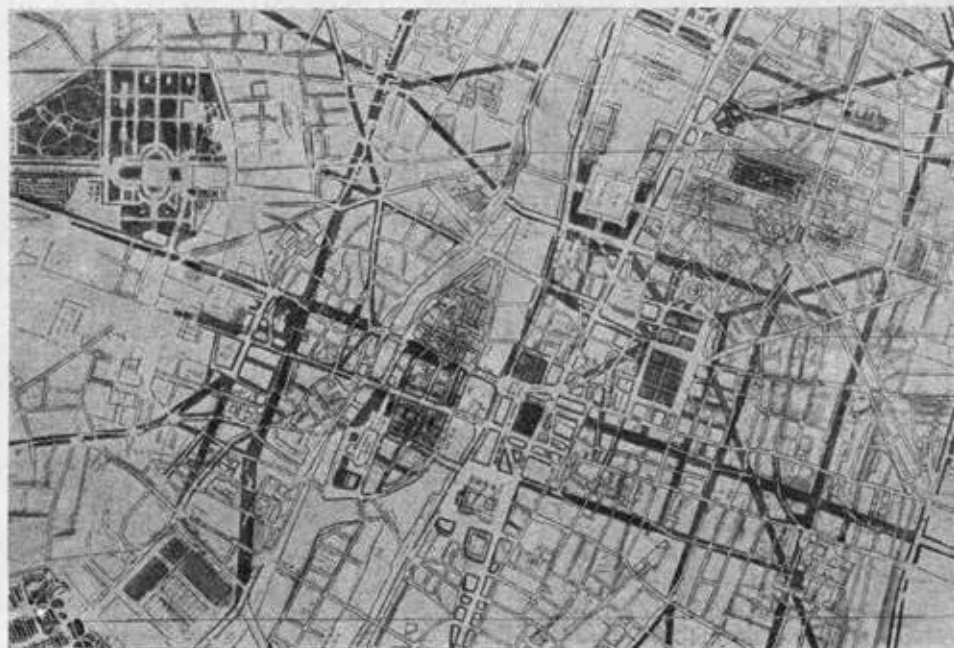
Projets de la place Royale à Paris. 1765

А—Проект Суффло. В—Проект Питру. С—Проект Бoffран. D—Проект Руссэ. Е—Проект Шеволэ. F—Проект Бoffран. G—Проект Детуш. Н—Проект Шеволэ. I—Проект Бoffран. К—Проект Гуни. L—Проект Обри. М—Проект Констан. N—Проект Слотц. O—Проект де Л'Эстрад. P—Проект для Красного креста. Q—Проект Руссэ. R—Проект Полир. S—Проект Газзи. T—Проект Сервандони

I. Проект реконструкции квартала Ситэ и его окрестностей

Париж. Османовский проект пробивки новых магистралей

Paris. Projet du percement des artères nouvelles par Haussmann

Лондон

Londres

не трущоб, производились в течение 30 лет и обошлись в 5 млн. фунтов, а продажа прилегающих участков дала 4½ млн. фунтов; таким образом, почти вся их стоимость была покрыта за счет спекуляции земельными участками.

Частная собственность на землю, сковывающая возможность широкой планировки и реконструкции городов, превращает частичные реконструктивные мероприятия в источник добавочной эксплуатации пролетариата. Капиталистический город очищает свои центры

от пролетарских малорентабельных домов, отодвигая их население на далекую периферию, связанную дорогово-оплачиваемым транспортным сообщением с местами производства. Не только Осман, но и Корбюзье в плане Вуазен решает планировочную структуру центра Парижа за счет сноса «нерентабельных домов». И это обстоятельство окрыляет буржуазных планировщиков!

Пролетарская революция открыла новую страницу в истории планировки городов. Отмена частной собственности

на землю создала исключительные предпосылки для планировки города, не ограниченной ничем и диктуемой только целесообразностью и рациональностью с точки зрения интересов трудящихся. Гигантская реконструкция Москвы уже не ограничивается пробивкой отдельных улиц и магистралей; это комплексная социалистическая реконструкция всего организма города. Приведение города к плотности в 450 чел. на га, строительство детских домов и яслей обозначает реконструкцию почти всего жилфонда и строительство нового. Реконструкция городского транспорта — это не мероприятие случайной терапии, а программа движения, рассчитанного по грузопотокам и пассажиропотокам, увязанного с плотностью города и шириной его магистралей.

В этом свете смешным покажется советским планировщикам тот факт, что планировочные работы в Лондоне проводятся в условиях полного игнорирования этих работ ведомствами, которым подчиняются железные дороги и другие виды транспорта. Это парализует всякую творческую мысль в области планировки города. Смешным покажется, что планировка Праги сделана без всякого учета реконструкции транспорта, причем генплан города впоследствии пришлось приспособить к сложившейся сети и перспективам развития городских железных дорог.

В комплексном плане реконструкции Москвы реконструкция железнодорожного узла и водного транспорта проведена не только в интересах транспорта, но и впервые в истории планировки в интересах всего трудового населения города и в соответствии с задачей превращения столицы СССР в красивейший город в мире. В самом деле, реконструкция трассы Окружной железной дороги, проблема Волга — Москвы, являясь необходимыми мероприятиями транспортного характера, водоснабжения и т. д. одновременно выступают как эстетические факторы. Москва-река вводится в центр архитектурной композиции города, по набережным водной системы города намечается строительство новых архитектурных ансамблей.

Интересно планировочное решение берегов рек мировых городов — Гудзона, Темзы, Сены, Чикаго-Рива и т. д. По течению Темзы в центре Лондона расположена самая беспорядочная застройка, отдельные районы связываются отсталой системой неудобных мостов, водное зеркало реки чрезвычайно за-

Лондон. Проект пробивки новой магистрали «Кингс-Уэй» в трущобном районе города

Londres. Projet du percement de l'artère nouvelle «Kingsway» dans la région de taudis

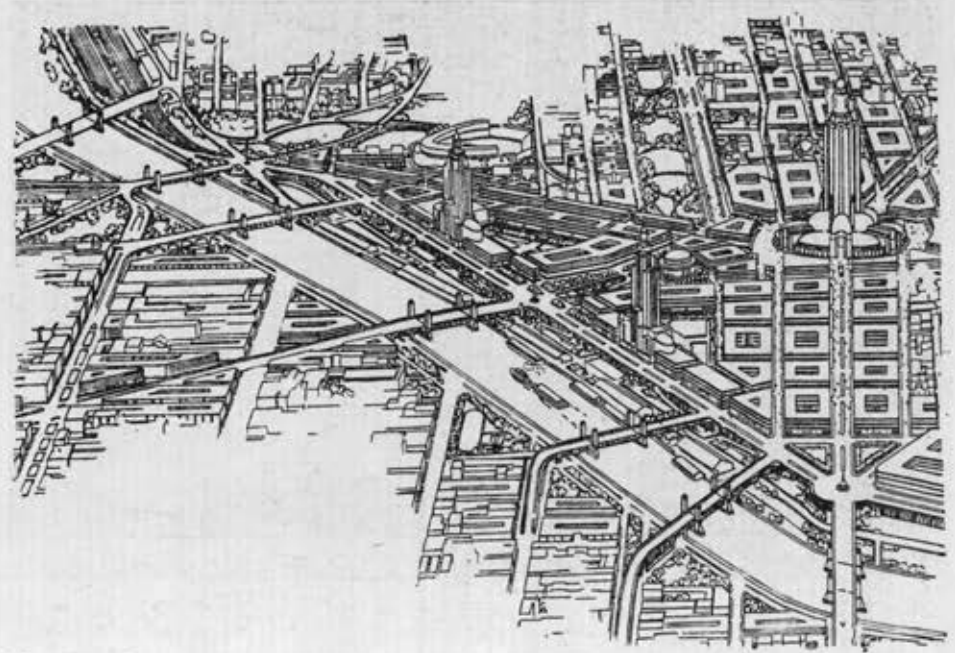
грязнено; если не считать ансамбля Вестминстерского аббатства и частично расчищенного района Тоуэрхилла, набережные Темзы характеризуются архитектурным разнообразием и пестрой убогой застройкой.

Река Гудзон в районе Менхэттена является загруженной торговой пристанью. Только уцелевшие исторические ансамбли вдоль Сены выделяются на фоне планировочного хаоса набережных больших центров. Большие работы в Чикаго не украшают его водной артерии: хаотическое нагромождение огромных строительных масс здесь как бы поглотило все водное пространство.

Система Волго-канала наполнит русло Москва-реки, Яузы, существующего и новых каналов чистой волжской водой. Поднятое зеркало воды отразит в себе новые ансамбли, которые будут отстроены в ближайшие годы на берегах этих водных артерий города.

Постановление о генеральном плане Москвы является новой страницей в истории архитектуры города. Требование целостного архитектурного оформления улиц, площадей, магистралей, набережных является совершенно новым в планировочной практике последних столетий, когда самое понятие архитектурного ансамбля города было исключено из словаря архитектора-практика. По своим масштабам это архитектурная реконструкция, равной которой нельзя подыскать во всей прошлой истории развития городов. Последние работы в области строительства городов на Западе свидетельствуют об упадке архитектуры населенных мест, на что, начиная с конца XIX столетия, указывают виднейшие теоретики планировочного дела — Камилл Зиттэ, Бринкман, Энвин и др. Широкая магистраль Фермунт (Америка), улица Дель-Империо в Риме, Кингс-Уэй в Лондоне — все эти последние работы по расширению до предельных размеров городских улиц поражают бедностью своего архитектурного оформления, — задача архитектурного ансамбля здесь даже не поставлена.

Париж дает пример большого планировочного решения, которому подражали на протяжении долгих лет. Французские планировочные решения парков и дворцов-резиденций повторялись в течение всего XIX и даже в начале XX вв. Площадь Вогэз (Людовик XIII), площадь Согласия (Людовик XV), улица Риволи (Наполеон I), бульвары Нольбера в этом прославленном городе служили долгие годы теа-

Нью-Йорк. Проект архитектурного оформления района Гарлем-Ривер-Валлей
Арх. Адамс

New York. Projet de l'arrangement architectural de Harlem River Valley
Arch. Adams

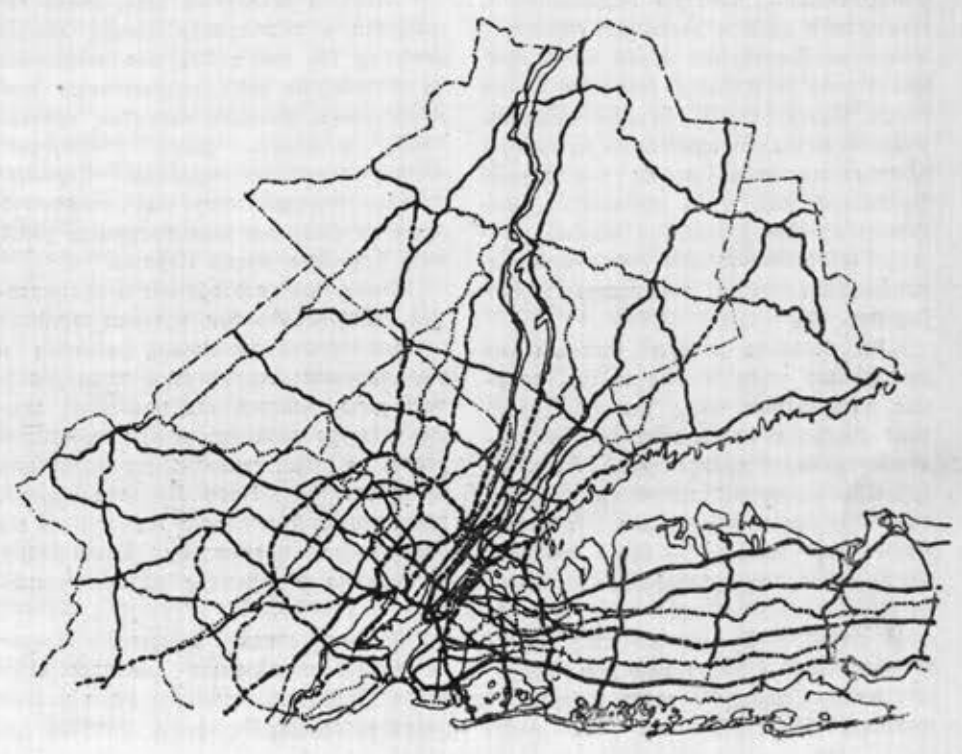
тральными декорациями, за которыми скрывались нагромождение, теснота и скученность перенаселенных парижских кварталов. Кулисный характер ансамбля способствовал концентрации больших человеческих потоков на сравнительно узких и ограниченных по

размерам площадях. Необходимость урегулирования этих потоков ставит под угрозу дальнейшее существование даже самых прекрасных архитектурных ансамблей Парижа.

Парижский ансамбль является ценным ожерельем на теле бесплано-

Нью-Йорк
Система основных магистралей города

New-York
Système des principales voies magistrales

Редборн. Снимок 1929 г.

Radburn. Photo de l'année 1929

разросшегося города, который в своем последующем строительстве не пошел дальше бережного отношения к историческому ансамблю, ставшему преградой к решительной реконструкции города.

Оссман, назначенный в 1853 г. Наполеоном III префектом департамента Сены, начал без всякого генерального плана прокладывать основные магистрали Парижа: с севера на юг — Страсбургский и Севастопольский бульвары на правом берегу и Сен-Мишель на острове Ситэ — на левом берегу. Оссман смело наметил трассы бульваров Оссмана и *Magenta*, продолжил улицу Риволи, начатую Наполеоном I, шириною в 23 м и расширил городские кварталы Елисейских полей — на правом берегу и бульвар Жермена — на левом берегу Сены. Скупая дешевые участки, он создал единственную группу зеленых массивов Парижа (на западе Булонский лес, а на востоке — Венсенский, парк Монсо, на северо-востоке *Buttes Chaumont*), являющихся и поныне основными массивами зелени Парижа.

Но большие работы Оссмана по проведению улиц и проспектов, впервые получивших такие размеры (проспект Дюбуа в 120 м ширины), не выделяются своей архитектурой. Архитектурный разноряд неизбежно сопутствует реконструктивным работам. Архитектор Бальтар — автор вокзала, построенного по указаниям Наполеона III, Гитторф — архитектор Елисейских полей и Булонского леса, архитектор Бали — автор мэрии и Лувра, архитектор Давиуд — автор театров на площади Шателэ, — все они рабо-

тали в различных направлениях, все они более или менее талантливо отвечали на социальный заказ и установки Оссмана, но не могли подняться до высоты ансамблевых решений.

Прокладка трассы бульвара Оссмана в 1923 г. была последним планировочным дерзанием в истории Парижа. До 1924 г. о планировке Парижа не говорят. Париж разрастается стихийно, сносятся лишь для строительства богатых жилых домов в новом бульварном кольце крепостные валы, замыкается кольцо бедноты и трущобных застроек вокруг большого Парижа.

Лишь в последние годы вновь заговорили о планировке города, выросшего за 100 лет с 600 тыс. населения до 3 млн., но все предложенные планировочные решения кажутся чрезвычайно жалкими. Даже утопические «хирургические» проекты Корбюзье только подчеркивают всю половинчатость и бессилие архитектурных решений будущего плана Парижа.

Не лучше дело обстоит с планировкой Лондона. Англия, которая гордится своими планировочными работами и выдающимися теоретиками планировочного дела, Англия, где проведено свыше четырех десятков районных планировок, не имеет генерального плана для своей столицы. План Лондона Врэна, вдохновивший молодого Анфана на его прекрасную планировку Вашингтона, остался на его родине неосуществленным.

XIX век отмечен в истории Лондона рядом интересных планировочных работ. В 1893 г. возникает идея планировки Риджент-Стритт и Трафальгар-

ского сквера. Талантливый Нейш горячо берется за новые планировочные решения. Лондон начинает гордиться своей системой парков и зеленых насаждений. В начале XX века рассчитывается застройка перед Вестминстерским аббатством, открывая его чрезвычайно интересный силуэт на фоне каменной массы города. В 1910 г. конференция английских планировщиков вновь выдвигает проблему реконструкции и планировки Лондона. Многие предложения, из которых некоторые чрезвычайно интересны, вошли в книгу «Лондон будущего», опубликованную «Лондонским обществом» (*London Society*), но они не получили применения и вызвали только оживленные прения. В 1912 г. был составлен первый план Лондона. Не опубликованный во время войны, он успел устареть и не отвечает больше потребностям послевоенного строительства. Планировка Лондона уперлась в проблему ликвидации его многочисленных трущоб. «*Slumproblem*» стала основной и решающей для планировки Лондона. Баланс снесенных и построенных домов почти уравнился. Число вновь построенных домов совершенно ничтожно по отношению к тем 9 млн. негодных домов, которые подлежат, по определению специалистов, сносу.

Общество британских архитекторов в своей «Красной книге», изданной в 1934 г., жалуется на недопустимость развития Лондона без генерального плана и без авторитетного планировочного органа для разрешения основных вопросов застройки и зонирования города. Реконструкция Лондона является

Washington
Centre de la ville

проблемой непосильной для английской буржуазии. Многочисленные предложения о расселении, о децентрализации, о создании новых промышленных центров в незастроенных районах являются лучшим доказательством бессилия разрешить на деле противоречия капиталистического Лондона. Если общие показатели количества зеленых насаждений и плотности населения Лондона довольно благоприятны, благодаря огромной площади его пригородов, то в пролетарских районах восточной части Лондона отсутствуют самые элементарные санитарно-гигиенические нормы. О новых ансамблях никто в Лондоне не говорит.

Нашумевшая работа английского планировщика Томаса Адамса, сделанная по заказу Благотворительного общества районной планировки Нью-Йорка, является наиболее совершенным выражением последних достижений в области западной планировки вообще. Адамс пытался наметить систему зонирования промышленности, жилых и торговых предприятий Нью-Йорка, закрепляя их в основном в существующих границах и намечая, в порядке популяризации и пропаганды своих принципов, новые зоны на неосвоенных территориях. Он выдвигает систему зонирования, систему «рецентрализации», «субцентрализации» и т. д. с целью отвлечь целый ряд промышленных предприятий от их тяготения к Сити и намечает компромиссную связь жилья с промышленностью путем глубоких радиальных примыканий секто-

ров жилья к промышленным предприятиям. В части решения транспортной проблемы его предложение сводится к созданию трех видов окружных сверхскоростных магистралей, шириной 175—245 футов, второстепенных магистралей, а также системы примыкающих. Далее, Адамс предлагает развитую систему железнодорожного транспорта, реконструкцию тупиковых вокзалов и их связь при помощи метрополитена и автобусов. Все эти грандиозные предложения по организации всех видов транспорта являются совершенно нереальными, так как огромная централизация в нью-йоркском Сити вызывает все новые и новые осложнения в решении транспортной проблемы. Никакое расширение улиц уже не в состоянии радикально разрешить транспортную проблему при необузданном росте плотности населения в прилегающих небоскребах. Потоки автомобилей ползут по Менхеттэну медленнее, чем поток пешеходов. Количество небоскребов, несмотря на некоторые ограничения застройки улиц, неизменно возрастает.

Как для Лондона, так и для Нью-Йорка основной неразрешимой проблемой является проблема трущоб. Впрочем, предложенная Адамсом планировка Нью-Йорка была сделана как попытка пропаганды планировочных идей среди промышленников и землевладельцев. Поэтому в этой работе проблема жилья не могла найти серьезного отражения. Архитектурные предложения Адамса для лечебного центра, для набережных, для планировки долины

реки Гаарлем отмечены схематичностью и безвкусицей и ничего не могли изменить в безобразной архитектуре нью-йоркского Сити.

В Англии рекламным козырем всегда служила планировка так называемых городов-садов. При планировке Нью-Йорка в этих же рекламных целях указывают на Редборн (штат Нью-Джерси) как на последнее достижение в планировке городов «автомобильного века». Группы небольших коттеджей, размещенных вдоль тупиковых дорог и зеленых насаждений на скрещивающихся больших автомобильных магистралах—вот что представляет собой убогий в архитектурном отношении Редборн, являющийся «образцовым» достижением американской планировки.

Генеральный план Москвы, являющийся выражением всех последних достижений в области городского строительства и благоустройства, возвращает искусству планировки городов его разительный и мощный язык, поднимая его на совершенно невиданную историческую высоту.

План Москвы отличается от лучших исторических планов тем, что он будет в кратчайший срок осуществлен, так как он является выражением огромной мощи коллектива, огромной воли строящего свой город освобожденного пролетариата. Планировка Москвы станет историческим примером строительства города в интересах трудящихся и явится могучей лабораторией социалистического градостроительства.

П Р А К Т И К А

АРХИТЕКТУРА МОСКОВСКИХ ШКОЛ

Д. М. АРАНОВИЧ

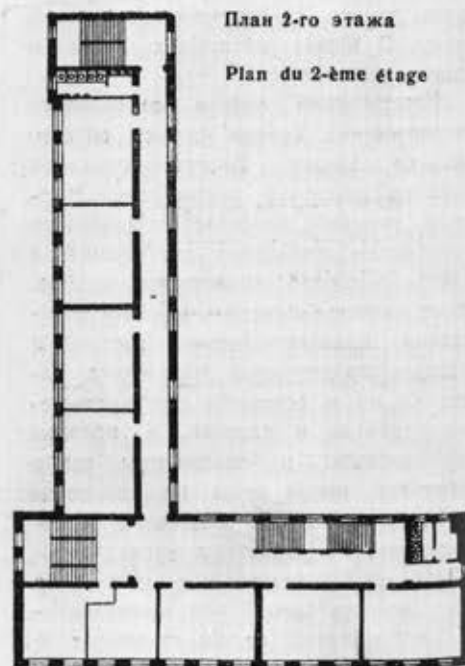
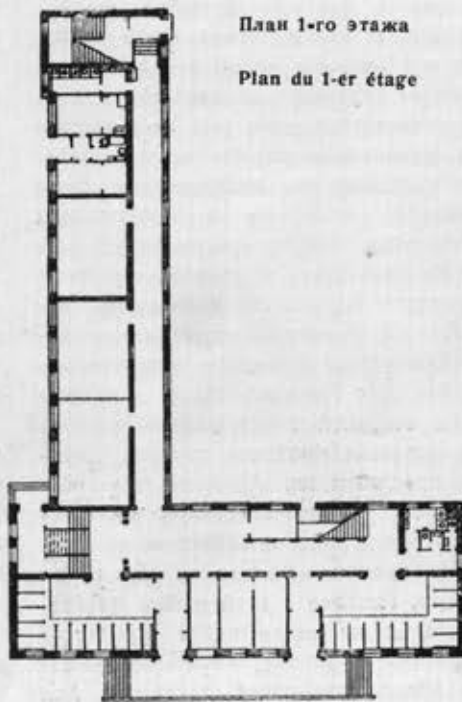
72 новые, красивые и светлые школы построены в 145 дней. 127 тысяч учащихся 1 сентября сели за новые парты в этих школах.

72 новые школы Москвы это часть тех 374 школ, которые отстроены за последние месяцы по всему Союзу. Таким образом для дальнейшего школьного строительства собран богатый материал в виде проектов школ и осуществленных по ним зданий. Но при этом мы должны откровенно признать, что не все проекты этих школ равноценны. Есть лучшие и худшие. Наряду со счастливыми творческими находками было допущено и немало ошибок. Сейчас, когда новые школы вступили в строй, следует заняться проверкой проектных решений на опыте эксплуатации новых школьных зданий. Правда, пока срок эксплуатации новых школьных зданий еще недостаточен для окончательного суждения по целому ряду вопросов, но, вместе с тем, многое ясно уже сейчас. Уже сейчас обмеры, наблюдение потоков, замечания педагогов, руководителей школ и обслуживающего персонала дадут возможность судить о практической пригодности того или иного решения. Необходимо обобщить этот разнообразный творческий опыт, использовать его полностью для проектирования к строительству 1936 г.

Школа на Б. Почтовой ул. в Москве
Арх. М. И. Свиявский

Ecole rue Gr. Potchtovaia à Moscou
Arch. M. I. Sinlavsky

Из 72 новых школьных зданий Москвы 12 приходится на переходящее строительство по иному проектному заданию. 60 школ, реализованных по типовому проектному заданию 1935 г., распределяются по отдельным районам Москвы неравномерно. Из них Бауманский район получил 4 школы, Красная Пресня — 9, Пролетарский район — 5, Фрунзенский — 6, Сокольнический — 6, Сталинский — 5, Кировский — 4, Ленинский — 8, Октябрьский — 4, Дзержинский — 7.

Из новых школ Бауманского района следует выделить школу на Б. Почтовой и школу в Елоховском проезде. Первая построена по проекту арх. М. И. Синявского и поучительна, главным образом, как иллюстрация того, какими неудобствами грозит школе мало подходящий для застройки участок. Крайне незначительные размеры участка (38 на 54 м) и довольно резко выраженный уклон участка в сторону 4-го Ильинского пер. предопределили угловое планировочное и архитектурно-пространственное решение. Из наиболее отрицательных последствий неудачного выбора участка следует выделить: 1) непосредственное примыкание школы к фабрике-кухне с внутренней стороны участка; 2) совершенно неприемлемый школьный двор в виде небольшой площадки, закрытой с трех сторон высокой застройкой; 3) непосредственный выход части классов прямо на тротуар; 4) чрезмерную близость школы к улице.

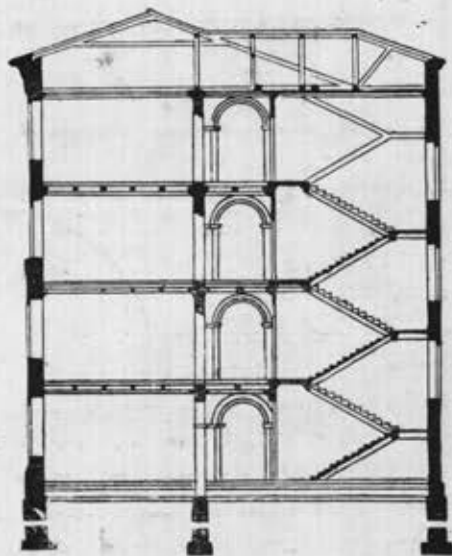
С удовлетворением следует отметить, что архитектор успешно преодолел трудности внутренней планировки. Лишенный возможности решить внутреннюю планировку, в силу отмеченного углового расположения участка в виде прямоугольника, М. Синявский вынужден был остановиться на сложной конфигурации плана. Им принята форма двух перпендикулярно пересекающихся, почти у их оснований, прямоугольников, каждый из которых идет параллельно одной из пересекающихся улиц. В данном случае другого выхода не было.

Школа в Елоховском проезде в Москве
Арх. Л. О. Бумажный

Ecole rue Elokhovsky à Moscou
Arch. L. O. Boumajny

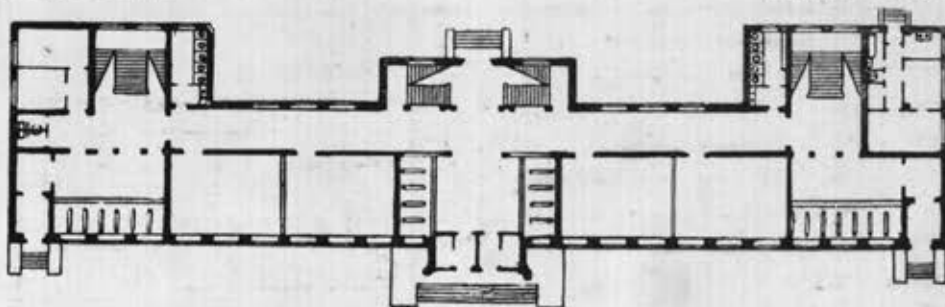
Разрез

Совре

План 1-го этажа

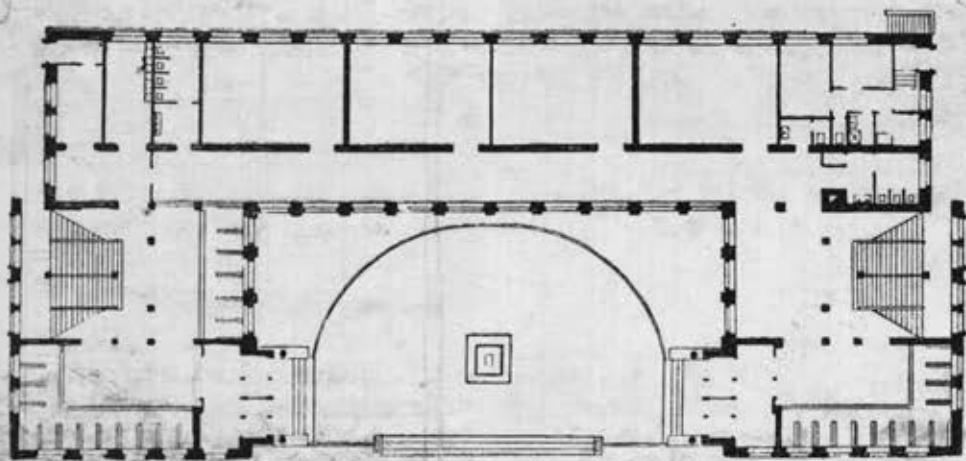
Plan du 1-er étage

Школа на Бужениновой улице в Москве
Арх. А. В. Машинский

Ecole rue Boujéninova à Moscou
Arch. A. V. Machinesky

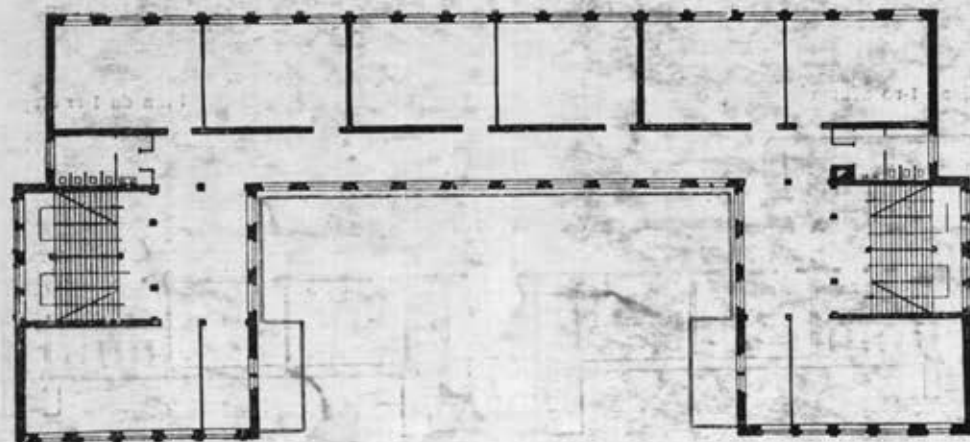

План 1-го этажа

Plan du 1-er étage

План 2-го — 3-го этажей

Plan des 2-ème—3-ème étages

Площадь обоих прямоугольников, имеющих в длину 40 и 38 м, при резко отличной их ширине, использована, в целом, безупречно. Размещение отдельных секторов школьного здания решается М. Синявским следующим образом. В решении эвакуационного сектора следует отметить оправданное концентрирование входов при наличии двух вестибюлей (для младших групп — площадью в 84 м² и для старших групп площадью в 100 м²) и двух лестниц (третья — запасная). Гардеробы расположены по периметру со стороны главного фасада и, частично, со стороны торцов. Разветвление потока школьников лишь на площадке открытой лестницы с архитектурной стороны довольно выразительно и с функциональной стороны возражений не вызывает. Размещение классных помещений в данной школе имеет свои особенности. Из-за зажатости участка и довольно сильного уклона кверху со стороны 4-го Ильинского пер. в первом этаже, вопреки требованиям типового проектного задания, удалось разместить только три класса. Ориентация участка по странам света и крайне незначительные размеры участка заставили архитектора расположить 9 классов непосредственно со стороны улицы. Остальные классы, со стороны 4-го Ильинского пер., тоже выведены непосредственно на улицу. В отличие от обычных решений, библиотека в школе на Б. Почтовой расположена не во втором этаже, под физической лабораторией, а в третьем этаже. Это не совсем удобно, так как вызывает лишние переходы по лестнице. Обе лаборатории размещены, как и во всех школах, по вертикали в 3 и 4 этажах. Довольно просторно решена учительская (5,95 на 5,7 м).

В то время как коридоры 3 классов, расположенных со стороны Б. Почтовой (которые обслуживают 120 школьников) имеют ширину в 5,5 м, коридоры со стороны 4-го Ильинского пер. (которые обслуживают по 4 класса или по 160 школьников) имеют в ширину всего лишь 2,5 м. Объясняется это

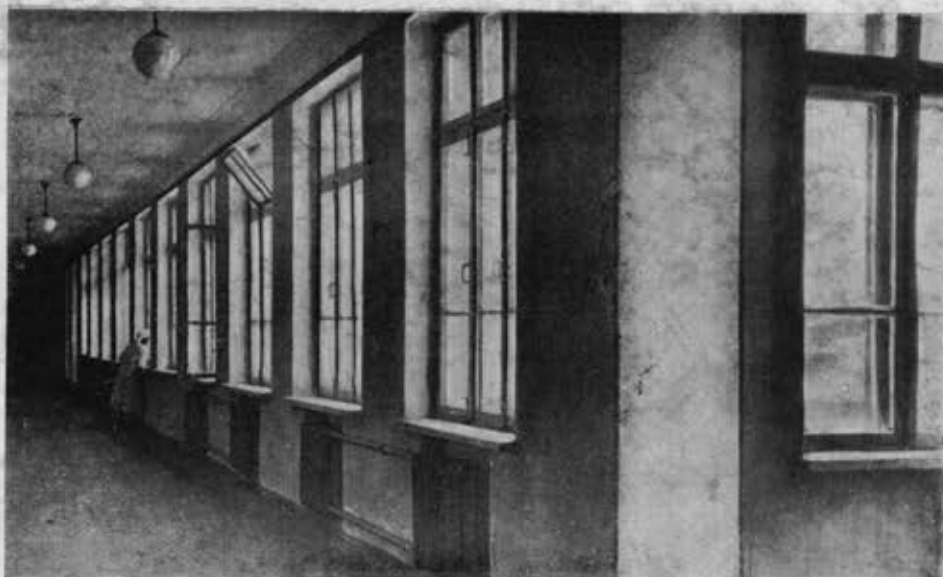
область участка. Конечно, предложенное решение отнюдь не является единственно возможным. Но так как на более широкий коридор приходится внутренняя лестница, другое решение найти было довольно трудно. Недостаточная ширина одного из коридоров компенсируется двумя сравнительно широкими буфетами (около 34 м² каждый).

Планировка помещений санитарного обслуживания вызывает ряд возражений в части корпуса со стороны Б. Почтовой; стена уборной отстоит от класса всего лишь на 2 м, а сама уборная, сделанная за счет использования части коридора, выходит в узкий (2 м), плохо проветриваемый его отрезок; квартира директора не имеет непосредственной связи со школой и т. д.

Архитектурно-пространственное решение рекреационных помещений в натуре оказалось значительно лучше, чем это можно было ожидать, анализируя проекции. Так, довольно рискованное выведение внутренней лестницы по продольной оси коридора, за счет срезки части площади пола, благодаря хорошему соотношению координат (высота — 3,47, ширина — 5,5, длина — 23,5 м), не разрушило цельности его пространственного очертания.

Внешняя архитектура школы в проекции производила более благоприятное впечатление, нежели внутренняя. Сейчас приходится сказать обратное. Несмотря на угловое положение здания, объемную композицию его архитектор решает не по угловой оси, а с выделением плоскости со стороны главной улицы. Не только в проекциях отдельных фасадов, но и в нарисованной перспективе были видны лишь одни положительные стороны подобного решения. Отрицательные стороны не были показаны. Они выявились в натуре, ибо при небольшой ширине Б. Почтовой ул. (не говоря уже о переулке) можно было убедиться, что архитектор начертал свою импозантную перспективу с вымышленной точки зрения.

В проекции главный фасад казался почти безукоризненным. Композиционная схема его построена М. Синявским

Школа на Бужениновой улице в Москве
Коридор
Арх. А. В. Машинский

Ecole rue Boujeninova à Moscou
Coulloir
Arch. A. V. Machinesky

по всем правилам позднего ренессанса. Однако, членение плоскости главного фасада по вертикали не связано у архитектора с художественно-конструктивной характеристикой объема. В качестве прообраза своей композиции М. Синявский принял ту схему композиции Палладио и его школы, где нет традиционного для первоначального ренессанса трехчленного деления фасада по вертикали на части несущую, несомую

и венчающую. В принятом членении плоскости главного фасада несущая часть отсутствует. Непосредственно за небольшим цоколем следует, выступающая сама по себе, основная плоскость здания, которая охватывает первые три этажа. Как и у мастеров палладианской школы, необходимая и неизменная в ренессансных решениях художественно-конструктивная выразительность в проекции фасада получила свое выра-

Школьный двор

Cour de l'école

Лестница и коридор

Escalier et couloir

Школа в Дангауэровском рабочем поселке
в Москве

Арх. Д. Ф. Фридман

Ecole dans la cité ouvrière Dangauérovskala
à Moscou

Arch. D. F. Fridmann

жение в конструктивной, рустованной обработке углов.

В основу членения главного фасада по горизонтали архитектором принято осевое расположение входов. Объединенные в центре декоративным портиком с антаблементом и сильно выступающим карнизом поверх окон второго этажа и с трехчетвертными колоннами на высоких пьедесталах средние окна давали в проекции четкий композиционный центр. Находящаяся на общей оси с ними открытая лестница входа усиливала это ведущее композиционное пятно всего фасада. Подчеркнуто-простран-

ственное решение последнего этажа баллюстрадой и пилястрами и завершение его антаблементом с сильно выступающим карнизом давало в проекции законченное венчание всему объему в целом.

Не все здание еще оштукатурено полностью и не выделены декоративные элементы фасада. Но уже сейчас очевидно, что нарисованная перспектива, по которой утверждался проект, отличалась частично другими пропорциями. В первую очередь это относилось к сечению декоративных колонн. Так как колонны уже оштукатурены,

можно сказать совершенно определенно, что сечение их не пропорционально ни масштабу всего здания в целом, ни даже масштабу условного портика. Они тонки до крайности. Совершенно сырое впечатление производит фасад со стороны 4-го Ильинского пер. Благодаря противоречию между угловым положением и осевым решением по главному фасаду, здание композиционно не увязано с улицей. Не использованы возможности рельефа, с помощью которого можно было легко подчеркнуть доминирующее положение школы в пределах ее микрорайона.

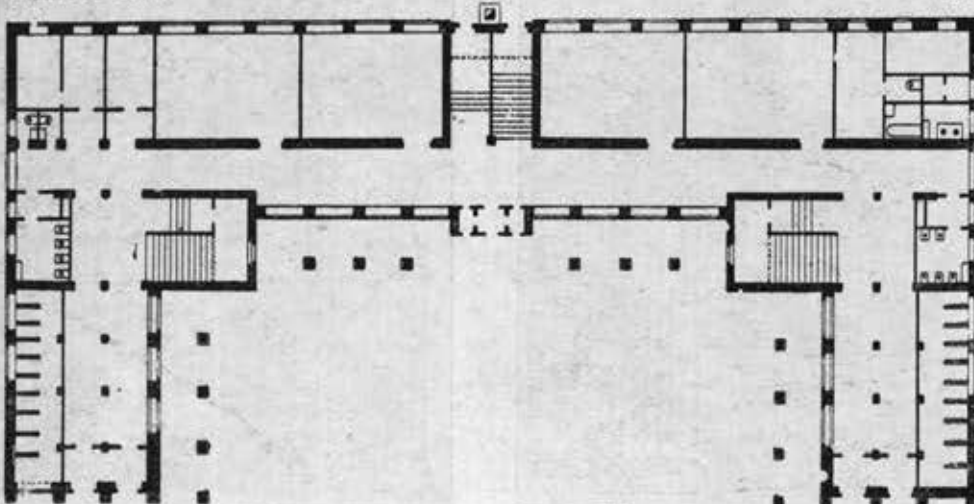
Строителями допущен ряд искажений первоначального замысла архитектора. Так, видоизменен по сравнению с проектом архитектора карниз условного портика: изменен его профиль, утяжелен гусек, неправильно решен его вынос. Не по рисунку архитектора сделаны филенки и балясины, баллюстрады у входа, что, конечно, недопустимо.

Благодаря наличию большого, просторного участка, проектировщик другой школы Бауманского района, арх. Бумажный находился в более благоприятных условиях. В значительной мере облегчило архитектору решение задачи также расположение школы во дворе, за выходящим на улицу жилым домом.

И решенная в целом удовлетворительно, внутренняя планировка школы вызывает ряд возражений. Прежде всего, слишком «роскошно» решен эвакуационный сектор. Три входа и три вестибюля для школы на 680 учащихся, излишняя ли это роскошь? Входы и вестибюли поглощают слишком много кубатуры, они будут охлаждать первый этаж; они, наконец, неприемлемы с экономической точки зрения, так как требуют лишнего обслуживающего персонала. С первого дня работы школы один вход уже закрыт. Он, — говорит директор школы, — будет закрыт у нас всегда, он нам не нужен.

В целом расположение школьных помещений не вызывает возражений. Неудачно расположены только учительская и кабинет директора: в тупиковом

План 1-го этажа

Plan du 1-er étage

ответвлении коридора... рядом с уборной для школьников.

В проекте не была предусмотрена комната для врача. Довольно скупо решены рекреационные помещения: ширина коридоров — 3 м. Кроме того, школа не имеет достаточной площади буфетов. Один буфет имеет площадь 5,4 на 6,5 м. Другой буфет представляет собой уширение коридора над лестничной клеткой среднего входа. Слишком мала комната пионеров (2,73 на 5,7 м). Цветовое оформление коридора безвкусно. Расположенная во дворе квартира директора затемнена застройкой. Внешний вид оголенной, еще не покрытой штукатуркой, школы ничем пока не напоминает нарисованной перспективы проекта. Все членения фасада даны очень схематично и плоско. Придаст ли штукатурка должную рельефность поверхности фасада? Это покажет ближайшее будущее.

Из новых школьных зданий Сталинского района следует выделить школы на Бужениновой улице и в Дангауэровском поселке. Первая, построенная по проекту арх. А. В. Машинского, выделяется прежде всего своим жизне-радостным внешним видом. Этого впечатления автор добивается, олагодаря выразительной об'емной композиции (в плане «П»-образной формы) с найденным соотношением продольной и выступающих частей. Способствуют выразительности подобного об'емного силуэта и заданные масштабы об'ема. Расположенный в центре «П»-образного пространства массивный фонтан и газон увязывают здание школы с улицей. Удачно и композиционное решение фасадов. Они также еще не оштукатурены. Тем не менее и сейчас уже композиционный замысел выявлен. Объясняется это тем, что, в отличие от других школ, у А. Машинского он строится не на лепнине, а на художественном освоении конструктивных элементов стены.

Благодаря тому, что ориентация участка позволила архитектору вывести в сторону главного фасада не классы, а комнаты, которые дают четыре механически од-

Школа в Дангауэровском рабочем поселке в Москве
Арх. Д. Ф. Фридман

Ecole dans la cité ouvrière Dangaouérovskala à Moscou
Arch. D. F. Fridmann

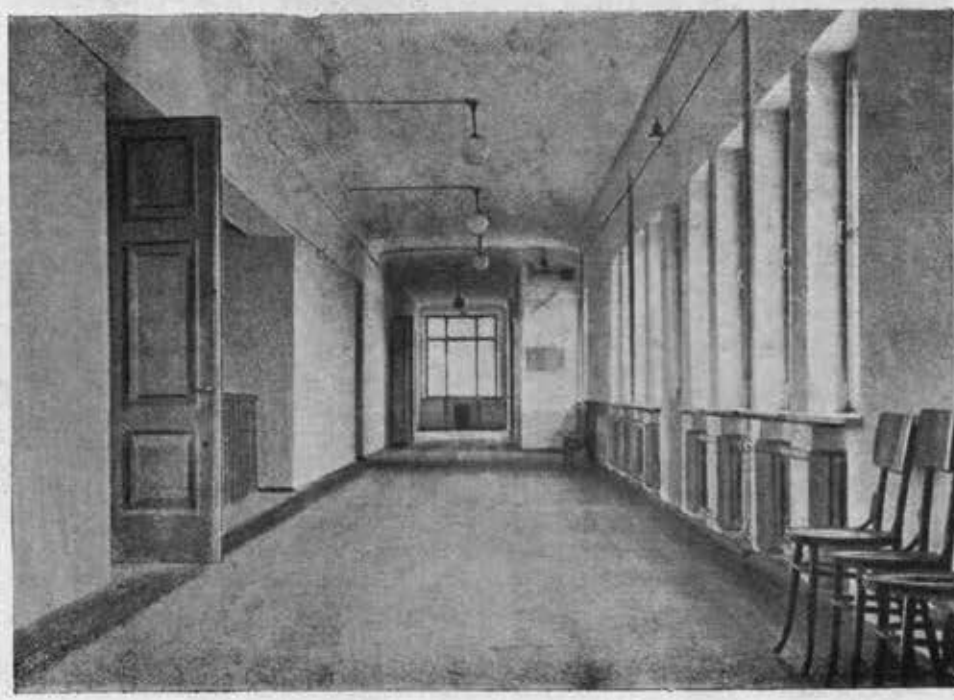
нообразных ряда стандартных оконных проемов, а рекреационные коридоры, композиция фасада обогащается еще разнообразной конфигурацией оконных проемов. Так как окна верхнего этажа меньших размеров, они включаются в венчание здания. Расположенные по сторонам лоджии придают венчающей

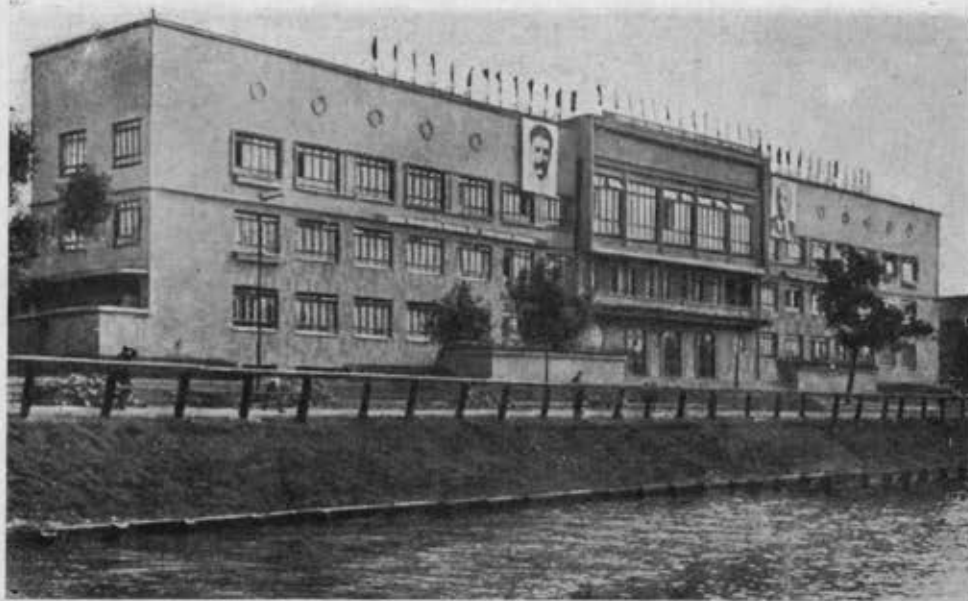
части боковых крыльев обогащающую общий замысел легкость.

К сожалению, внутренняя архитектура школы решена А. Машинским менее удачно. Хорошо, что архитектор ограничивается двумя входами и вестибюлями, но лестничная клетка слишком «роскошна» (ширина марша 3,5 м). Как

Коридор

Couloir

Школа на Садовнической набережной
в Москве

Арх. И. А. Звездин

Ecole quai Sadovnicheskaja
à Moscou

Arch. I. A. Zvézdine

Деталь фасада

Détail de la façade

и в других школах, эта расточительность сказалась отрицательно на рекреационных помещениях. Ширина коридоров в школе на Бужениновой ул.—2,7 м. Хотя эта форма несколько и превышает проектное задание, но она мала в функциональном отношении и невыразительна при данном соотношении координат с композиционной точки зрения. Другой существенный недостаток внутренней планировки, наблюдающийся, к сожалению, в целом ряде школ,—отсутствие кладовых. Квартира директора не связана с внутренней планировкой школы; вход в нее со двора.

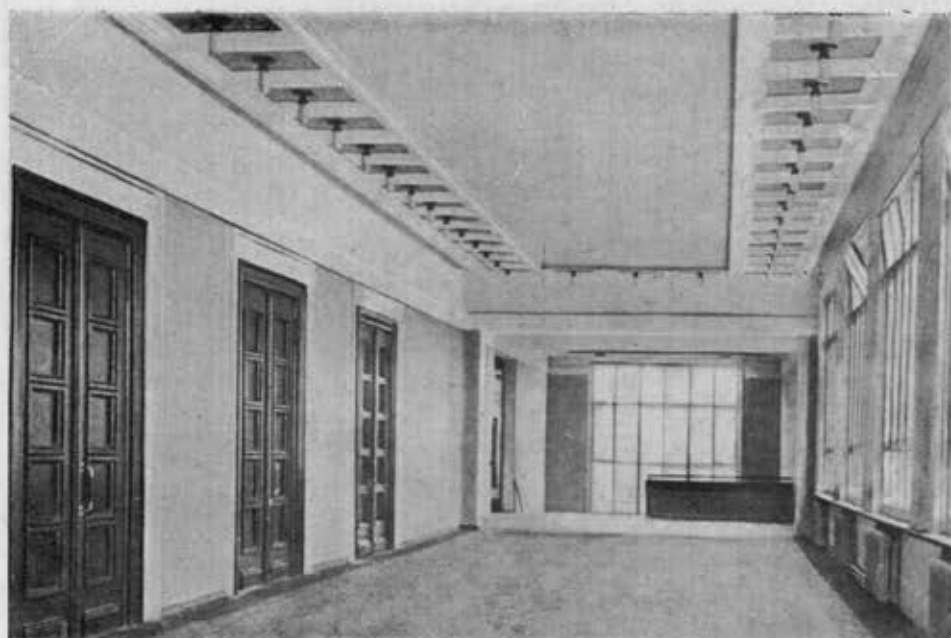
Построенная по проекту Д. Ф. Фридмана школа в Дангаузоровском поселке (Центральный проезд) в целом должна быть отнесена к числу лучших решений, хотя в то же время она имеет и ряд существенных недостатков. Расположение школы в новом районе дало возможность отвести под нее просторный участок, надлежащим образом оформляющий улицу. По своему стилю школа Д. Ф. Фридмана гармонирует с окружающей застройкой жилых кварталов, но, как это ни странно, основным камнем преткновения для архитектора оказалась внутренняя планировка школы. Те или иные критические замечания можно сделать по целому ряду секторов внутренней планировки школы. Так, эвакуационный сектор решен отчасти слишком «роскошно», отчасти просто неудачно. Хорошо, что, по сравнению с другими школами, довольно просторно решаются вестибюли (площадь каждого из боковых вестибюлей: 8,78 на 11,68 м). Но, как и в некоторых других школах, устройство трех входов и трех лестничных клеток ничем не оправдано.

Один из входов (в данной школе—средний) с первого дня функционирования школы... закрыт за ненадобностью. Между тем затраченная на него кубатура могла бы быть использована весьма продуктивно, так как общий объем кубатуры по проектному заданию 1935 г. весьма невелик. В то же время очень непривлекательна с архитектурной точки зрения одномаршевая центральная

Лестница

Escalier

Коридор

Corridor

ральная лестница. Не совсем благополучно размещены и классные помещения. Кабинеты физики и химии расположены в одном уровне в двух противоположных крыльях третьего этажа. Во всех других школах, в целях более экономичного оборудования и обслуживания лабораторий водой и газом, они располагаются по вертикали, в третьем и четвертом этажах. Еще один недостаток, который относится и ко всем другим школам: при лаборатории нет маленькой вспомогательной комнатки для хранения громоздких приборов и *подготовки опытов до начала занятий. Конечно,

можно всразить, что мала кубатура по проектному заданию и т. д. Но подобная ссылка на «объективные» условия будет неправильна. Ведь нашли же наши архитекторы сотни квадратных метров для ненужного третьего вестибюля и лестницы (запасную противопожарную лестницу можно было сделать гораздо экономнее). Почему же не нашлось десяти квадратных метров для вспомогательного помещения при лаборатории? Правильно расположены помещения учебной части, канцелярии и кабинета директора: все рядом, в первом этаже, недалеко от входа. Но учительская расположена на третьем эта-

же, в отдалении от уборных и библиотеки. Кроме того, комната преподавателей мала и плохо освещена. Далее, очень грубо выполнена окраска деталей в классах.

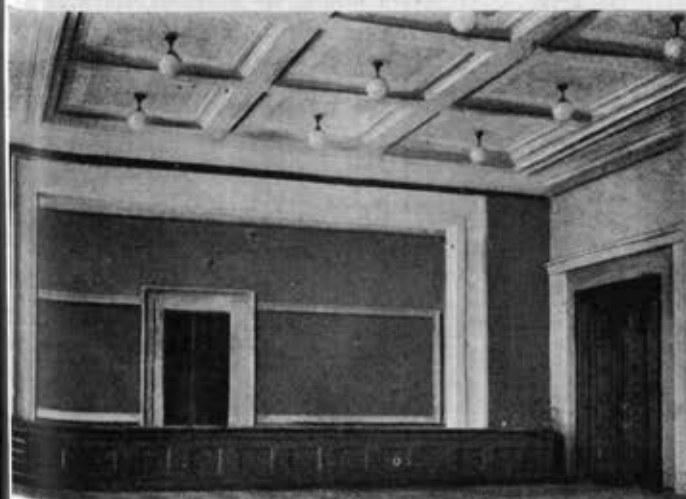
Двойственное впечатление оставляет также рекреационный сектор. Прежде всего, мала ширина коридоров (3,4 м). Близкое примыкание крайних уборных тоже мало привлекательно. Чтобы учащиеся не садились на подоконники, директор школы счел целесообразным сделать их с некоторым уклоном в сторону коридора. Как положительный момент следует отметить, что коридоры каждого этажа окрашены в другой цвет.

Зал

Salle

Вестибюль

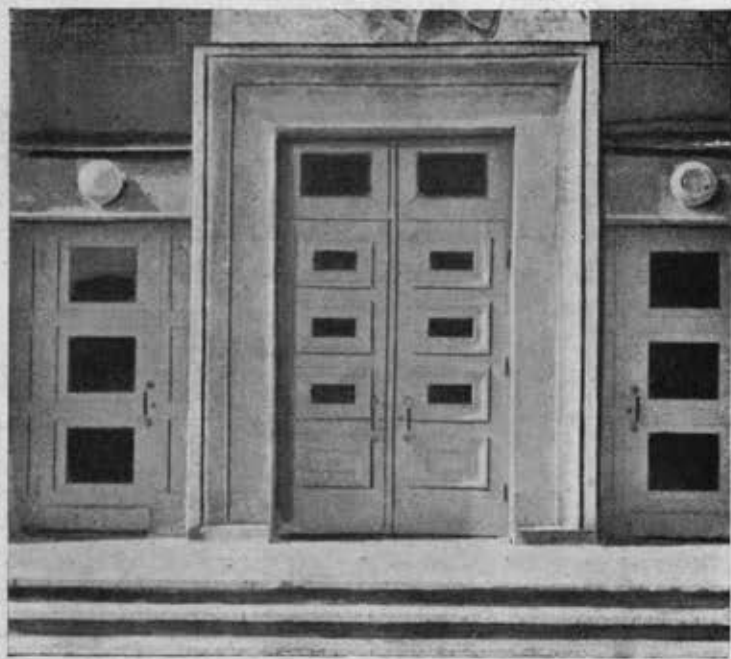
Vestibule

Школа на Мясо-Бульварной ул. в Москве
Арх. Л. Н. Павлов

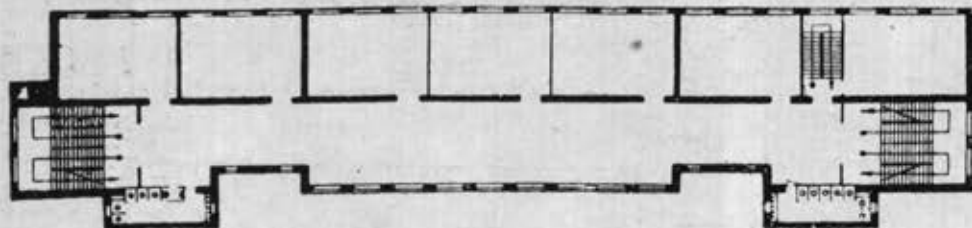
Ecole rue Miasso-Boulevardnaia à Moscou
Arch. L. N. Pavlov

Деталь фасада

Détail de la façade

План 2-го этажа

Plan du 2-ème étage

При идентичной планировке каждого этажа это необходимо в первую очередь для ориентации. Буфет, по сравнению с другими школами, просторен. Врач и педолог имеют две небольших отдельных комнатки, — лучше было бы их объединить вместе, как в других школах.

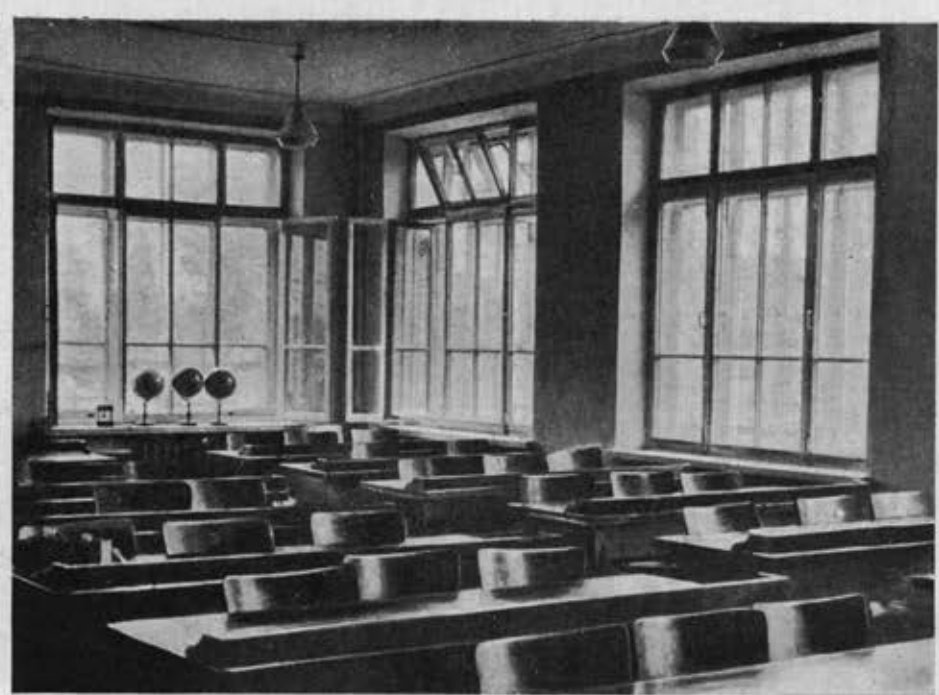
Внешняя архитектура школы в Дангауровском поселке достаточно привлекательна. Удачная вертикальная планировка участка выразительно выделяет школьное здание из окружающей застройки. Хорошо задуманы и выполнены сходы, обрамленные огромными четырехгранными вазами. Объемная композиция решается по принципу «П»-образной конфигурации плана. Несмотря на сомнительность некоторых пропорций в целом, испытанная композиционная схема «вывозит», и можно говорить только о частных недостатках объемной композиции: 1) боковые пристройки недостаточно спаяны с основным объемом, 2) чрезмерно выступают балконы над боковыми портиками, 3) нет полного завершения венчающей части по главной оси, 4) упрощенно решается карниз под парапетом. Ряд положительных моментов можно отметить в обработке поверхности стен. Так, соразмерно членятся несущая и несомая часть здания. Хорошо сгруппированы окна в центре главного фасада посредством пилластр и нижнего пояса из декоративных пилластровых пьедесталов и филонек. Удачно подобрана цветовая гамма в окраске здания (черно-серый и серый цвета внизу, по несущей части здания, и кремовый и светлосерый сверху, по несомой части). Обогащают фасад окрашенные в коричневый цвет массивные рельефные двери с глубокими филонками.

Из новых школ соседнего Пролетарского района наиболее дискуссионной является школа на Мясо-Бульварной ул., построенная по проекту Л. Н. Павлова. Школа на Мясо-Бульварной решена наиболее «остро» в части своей внутренней планировки. Архитектор, не выходя из пределов заданной кубатуры в 14,5 тыс. м³, добился

того, что рекреационные коридоры имеют в ширину по 6 м и представляют собой, таким образом, почти нормальные рекреационные залы. Это существенное преимущество внутренней планировки обратило на проект Л. Н. Павлова в свое время общее внимание. Однако опыт эксплуатации школы свидетельствует о том, что подобное решение было неправильным. Каким образом, за счет каких «внутренних ресурсов» удалось арх. Павлову добиться такой обширной рекреации. Оказывается, архитектор добился эффективной ширины коридоров за счет площади эвакуационных помещений, помещений бытового обслуживания, служебных помещений и т. д. Все эти совершенно необходимые для школьного здания помещения в данном случае или вовсе отсутствуют, или же решены по «голодной» норме.

График движения школьников от входа через вестибюль, мимо гардеробов к лестнице наверх, решается у Л. Н. Павлова с предельной четкостью. Но вестибюли малы. Крайне малы тамбуры (глубиной 1,9 м), так что школьники будут сталкиваться в дверях и остужать помещение. Ширина лестничных маршей внизу 3 м. Классные помещения размещены нормально. Окраска их выполнена довольно тщательно.

Недостаток планировки кабинетов физики и химии — отсутствие, как и в других школах, небольшого помещения для лаборанта. Помещение учительской вызывает два замечания. Во-первых, неправильно расположение учительской в четвертом этаже. Во-вторых, она непомерно мала (2,85 на 6,15 м). Куда деваться в такой комнатке тридцати преподавателям? Буфетов совершенно нет. Кладовых нет. Комнаты для заведующего учебной частью нет. Комнаты для дворника нет. Комната истопника для жилья непригодна. Конечно, иметь коридоры шириной в 6 м приятно, но не такой ценой. Директор школы считает, что было бы правильнее дать ширину коридоров в 4,5 м и все необходимые подсобные помещения. Уменьшение шири-

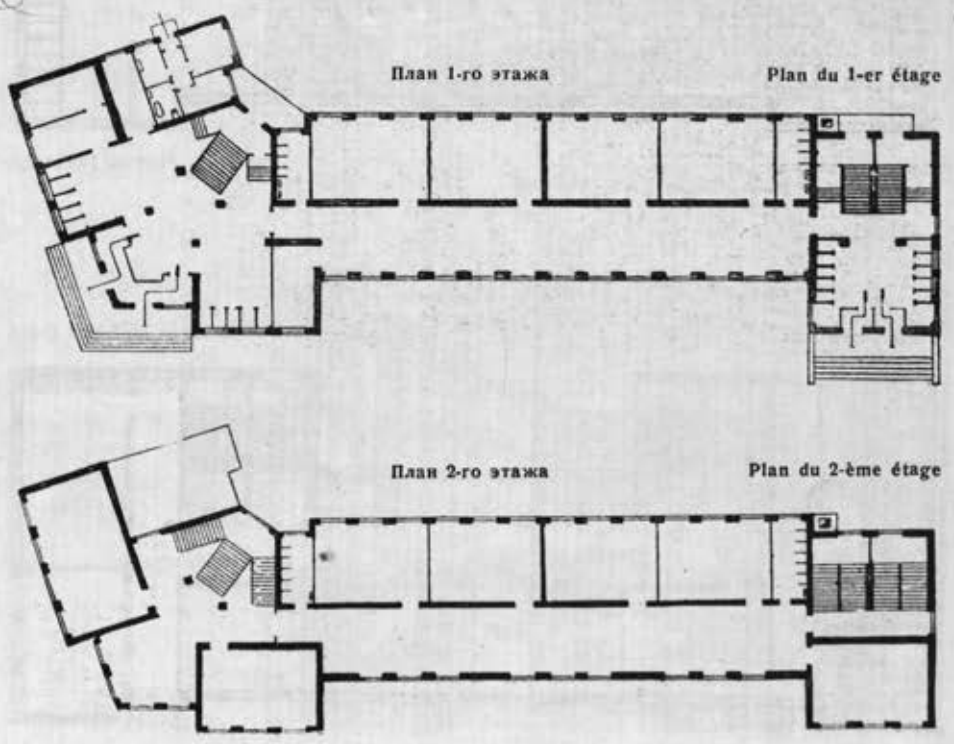
Школа в Истоминском проезде в Москве
Физический кабинет
Арх. Л. О. Гриншпун

Ecole rue Istominsky à Moscou
Cabinet de la physique
Arch. L. O. Grinechpoune

ны коридора на 1,5 м дало бы около 400 м² площади для подсобных помещений.

Так же самостоятельно, но на сей раз без «загибов», решена Л. Н. Павловым внешняя архитектура школы. Композиция объемов, в целом, оправдана. Выведенные по сторонам глухие плоско-

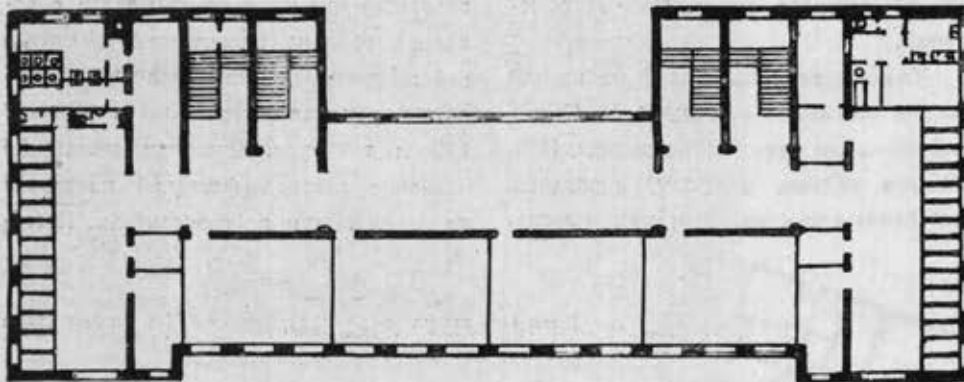
сти стен лестничных клеток (освещаются с торцов) читаются по контрасту с основной обильно остекленной центральной плоскостью вполне убедительно. Несколько непропорциональны невысокие объемы тамбуров. Слишком монотонно членение главной фасадной плоскости по вертикали и по горизонтали. Поста-

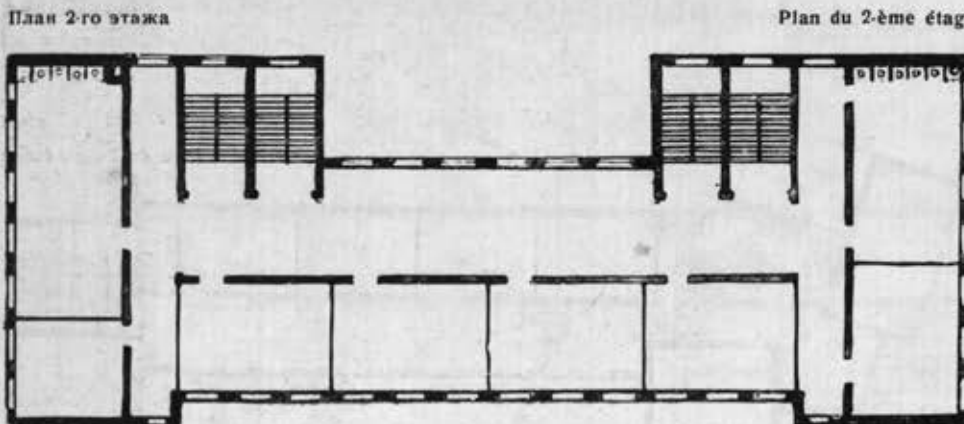
Школа на улице Кропоткина в Москве
Арх. М. О. Барщ, Г. А. Зундблат

Ecole rue Kropotkine à Moscou
Arch. M. O. Barsch, G. A. Zoundblate

План 1-го этажа

Plan du 1-er étage

План 2-го этажа

Plan du 2-ème étage

новка здания школы с большим отходом от линии тротуара и широкий сквер с газоном и цветниками выгодно выделяют здание школы среди окружающей застройки.

В Кировском районе следует выделить новые здания школ на Садовнической набережной и на М. Татарской ул. Первая, построенная по проекту арх. Звездина, является школой переходного строительства. Как известно, проектные задания до 1935 г. ставили перед архитектором несравненно более легкие задачи, так как в них под классы отводилось не 60—65% площади, а всего лишь 35 и даже 30%. В то время как в школах, построенных по типовому проектному заданию 1935 г., на 14,5 тыс. кубометров всего здания приходится 22 класса, в школе на Садовнической ул. при общей кубатуре ее в 18 200 м³ имеется всего лишь 17 классов. Казалось бы, что при таких условиях общий уровень планировки должен быть много выше. К сожалению, этого сказать нельзя. Правда, школа имеет большой зал для физкультуры, используемый одновременно и для массовых мероприятий. Перед залом имеется довольно просторное фойе. Имеются в школе столовая и кухня. Но этим все преимущества школы на Садовнической исчерпываются.

Наряду с явно расточительной планировкой эвакуационного сектора школы характеризует очень плохое размещение классов и рекреационных коридоров. Имея в своем распоряжении почти 27 м³ суммарной кубатуры на школьника против менее 17 м³ суммарной кубатуры на школьника по проектному заданию 1935 г., арх. Звездин допустил такие дефекты внутренней планировки, каких нет ни в одной школе, спроектированной в 1935 г. Отметим главнейшие из них: 1) Благодаря расположению классов, как в худших старых школах, по обе стороны коридора, последний затемнен и не получил нормального проветривания. Источник света рекреационных коридоров — окна в концах коридоров, преимущественно в торцах, и... фрамуги.

2) Несмотря на то, что под классы арх. Звездиным отведен очень незначительный процент общей кубатуры здания, рекреационные коридоры непомерно узки, в то время как другие архитекторы, исходя из значительно меньшей внеклассной кубатуры, дают без ущерба для вспомогательных помещений коридоры шириной в 4,5 — 5 м.

3) Классные помещения распределены по этажам весьма нецелесообразно: количество классов в каждом этаже обратно пропорционально площади рекреационных помещений. Так, в первом этаже, который, помимо коридоров, располагает огромным вестибюлем, всего 2 класса. Во втором этаже, где нет никакого вестибюля, в узкий и темный коридор выходят... 9 классов. В третьем этаже, где имеется огромное фойе, всего 3 класса. Подобную группировку классных помещений, как и расположение классов по обе стороны коридора, без их нормального освещения, можно объяснить только небрежной внутренней планировкой. Даже в том случае, если бы участок был слишком короток, этих дефектов легко можно было бы избежать при «П»-образной конфигурации плана, как это наблюдается в большинстве других школ, построенных в 1935 г. Все это лишний раз подсказывает, что высокий уровень внутренней планировки определяется в первую очередь не большими «кубатурными» возможностями (в данном случае они налицо!), а самим архитектором, серьезностью, глубиной проработки плана. Второй вывод: необходимость исходить из детально-разработанного проектного задания, которое предусматривает не только перечень помещений и их габариты, но и дает основной принцип и даже жесткую схему расположения помещений.

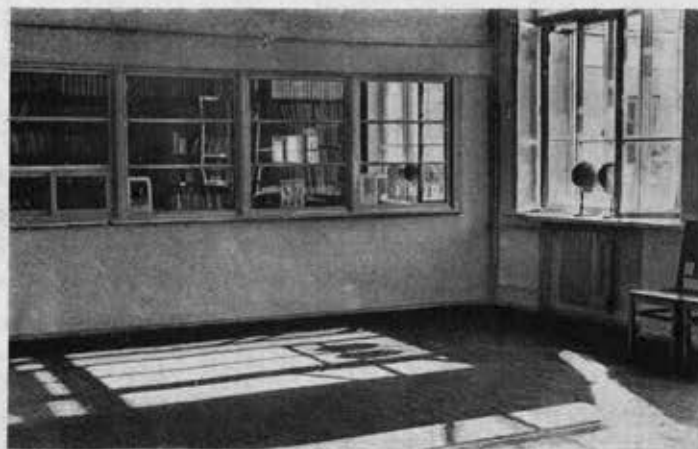
Внешняя архитектура школы на Садовнической набережной, 37, в отличие от ее внутренней планировки, производит самое благоприятное впечатление. Симметричная объемная композиция с умеренно выделенной центральной частью вполне соразмерна, как в крупных своих элементах, так и в деталях. Благодаря введенным в центральную

Школа
на улице Кропоткина
в Москве
Деталь фасада
Арх. М. О. Барщ,
Г. А. Зундблат

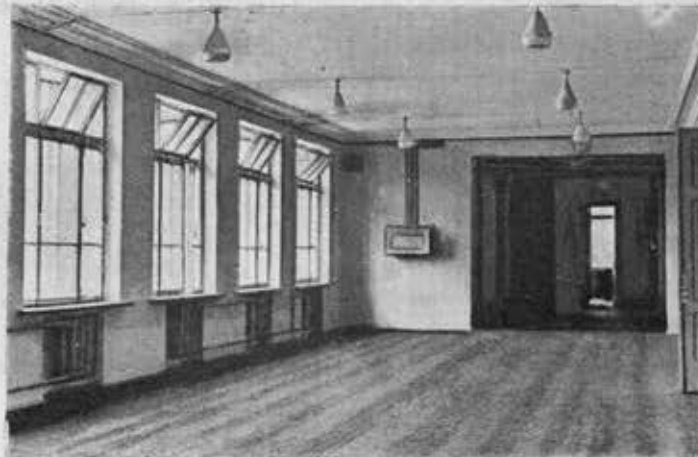
Ecole rue Kropotkine
à Moscou
Détail de la façade
Arch. M. O. Barsch,
G. A. Zoundblate

Библиотека

Bibliothèque

Коридор

Corridor

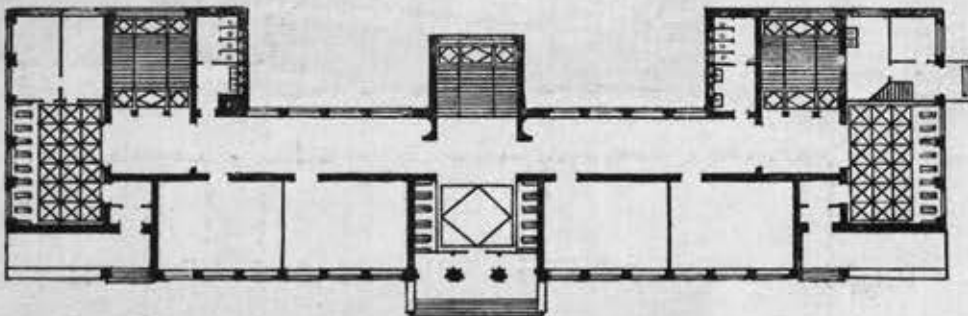

Школа на Б. Молчановке в Москве
Арх. В. М. Кусаков, А. Т. Капустина

Ecole rue Gr. Moltchanovka à Moscou
Arch. V. M. Koussakov, A. T. Kapoustina

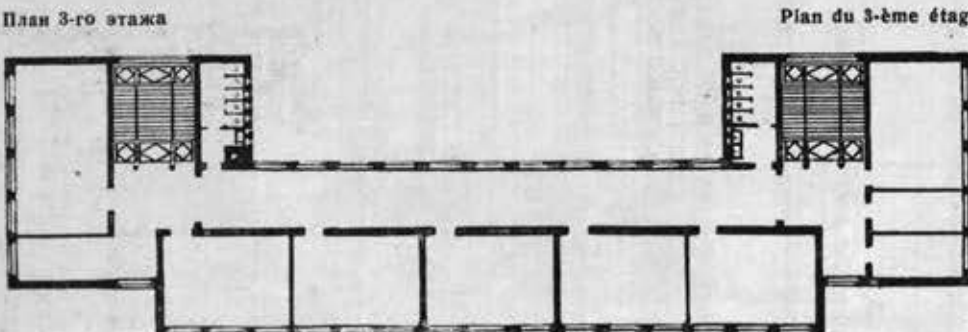
часть здания поджиям в расположении окон нет обычной монотонности. Удачно для обогащения пространственных членений использованы двери и круглая форма вестибюльных окон. Вполне соразмерна высота венчающей части

здания, решенной в виде парапетов. Удачно цветовое оформление здания под светложелтый камень и окраска в тот же цвет оконных переплетов. Хорошо выполнена вертикальная планировка участка перед зданием школы.

План 1-го этажа

Plan du 1-er étage

План 3-го этажа

Plan du 3-ème étage

Благодаря открытой планировке участка, здание школы и разбитый перед ней скверик прекрасно используются для архитектурного оформления набережной и канала.

Построенная по проекту арх. Л. Гриншпуна школа на М. Татарской, при сравнении со школой на Садовнической, 37, несколько бедна. Архитектора связали жесткие пимиты кубатуры. Но в то же время нельзя сказать, чтобы архитектор использовал здесь все творческие возможности. Неудачно безотрадное цветовое оформление школы, суховат вестибюль. Создается такое впечатление, что трудные пересечения тупого угла вычерчивались без предварительной свободной прорисовки интерьера. Везде одни лишь прямые линии и острые пересечения. Вестибюль для младших классов слишком мал. После расстановки гардеробов остался только неширокий проход. Правда, небольшие размеры участка (75 на 110 м) ограничивали архитектора. Бедноваты по рисунку перипа лестницы с ее острыми углами площадок. В остальном решение эвакуационного сектора следует признать удовлетворительным. Не вызывает возражений расположение классных помещений. Хуже с подсобными помещениями. Так, несколько мала учительская. Нет комнаты ни для врача, ни для педолога. Нет помещения для учебной части. Нет комнаты для комсорга и пионервожатых. Причина — те же широкие коридоры (около 5 м). Их не следовало делать шире 4,5 м.

Жизнь берет свое. Так как без комнаты врача и педолога, без комнаты комсорга и пионервожатых и комнаты учебной части школа работать не может, под эти помещения отводятся, с санкции ОНО, два класса. Тем самым снижается число обучающихся в школе, несмотря на то, что и так мест в школе нехватает.

О внешней архитектуре здания, пока оно не оштукатурено, судить трудно. Давнее пристрастие молодого архитектора к угловым решениям (так нас воспитывали в архитектурных институтах) побудило его сдвинуть основную ось

композиции к углу со стороны прилегающей магистрали. Но подходит ли этот прием для школы так же, как, например, для универсального магазина, аптеки, здания почты и телеграфа — сооружений, связанных непосредственно с улицей? — Думается, что именно для здания школы угловое решение менее всего желательно. На это имеются свои причины. Во-первых, угловое решение усложняет внутреннюю планировку школьного здания. Во-вторых, оно плохо вяжется с идеей школы, с темой школьного здания. В самом деле. В чем главный соблазн угловых решений и почему, встречаясь уже в Ренессансе (папская канцелярия Браманте), они получают огромное распространение лишь в эпоху империализма? Дело в том, что угол с его большим пространством на перекрестке дает максимум возможностей выделить здание с магазинами. Исходя из этого, предприимчивые коммерсанты предпочитали снимать торговые помещения, несмотря на их большую стоимость, по возможности, на углах. Это было удобнее и для ориентации покупателей. Но отсюда вовсе не вытекает, конечно, что целесообразно таким же образом выделять здание советской школы. Как процесс школьной учебы, так и условия отдыха детей требуют ухода, удаления школы от улицы. И это не может не получить своего отражения на принципах внешней архитектуры школьного здания.

Немецкая школа им. К. Либкнехта на Кропоткинской, 12 (Фрунзенский район) построена по проекту арх. М. Барца и Г. Зундблата. За счет бывшего уже на участке к моменту начала строительства готового котлована здесь устроен полуподвальный этаж, где размещены мастерские (шумный сектор), столовая и кухня. Школа, как и все другие, рассчитана на 22 класса и выделяется культурным внутренним оборудованием помещений.

Как и в целом ряде других школ, конфигурация ее плана, благодаря выступам у торцов, приближается к букве «П» (длина здания 53,15 м, ширина — 13,5 м с уширением до 20,5 м).

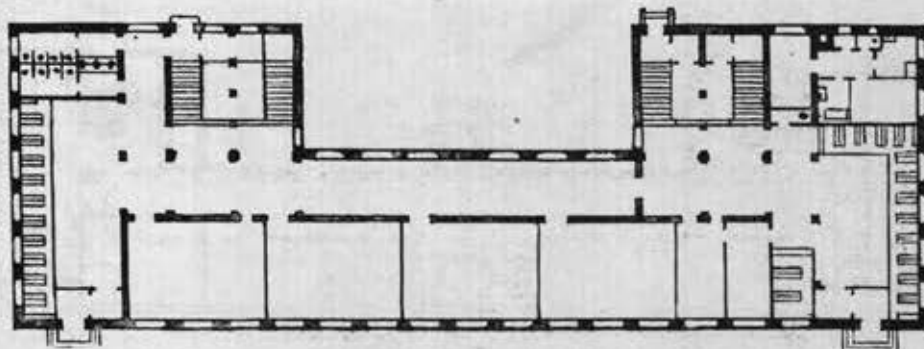

Школа на 2-й Черногрозской ул. в Москве
Арх. М. П. Парусников, И. Н. Соболев

Ecole rue 2-ème Tchèrnogriazskaïa à Moscou
Arch. M. P. Parousnikov, I. N. Sobolev

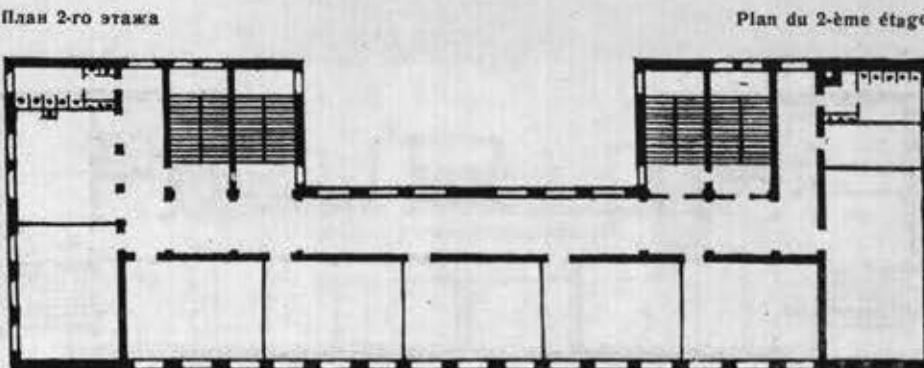
Любопытно, что М. Барц и Г. Зундблат пришли к этой конфигурации плана самостоятельно, в результате предварительной аналитической работы. Подобная конфигурация плана имеет три существенных преимущества: 1) она создает наиболее благоприятные условия

расположения школы на коротком сравнительно участке; 2) способствует наиболее эффективному использованию периметра стен; 3) создает благодарные условия для более выразительной объемной характеристики и для обогащения членений фасада.

План 1-го этажа

Plan du 1-er étage

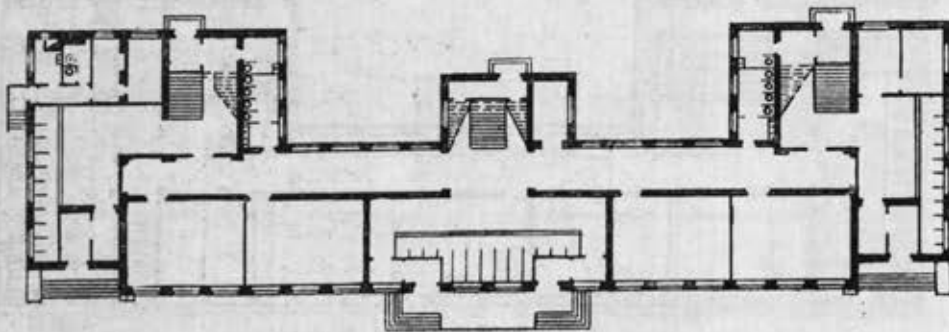
План 2-го этажа

Plan du 2-ème étage

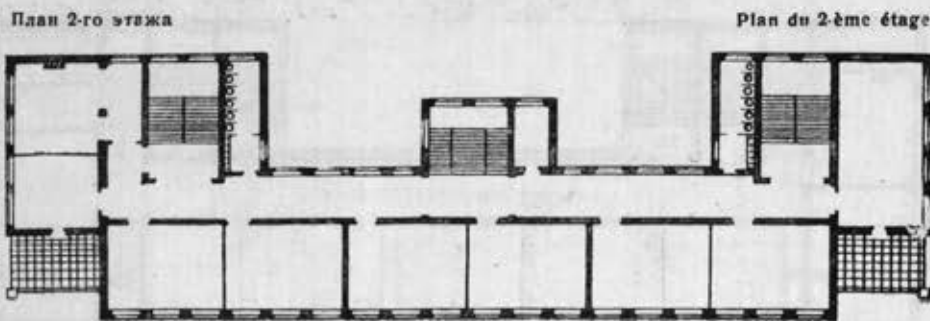
Школа в Денисовском пер. в Москве
Арх. В. С. Колбни

Ecole ruelle
Dénissovsky à Moscou
Arch. V. S. Kolbine

План 1-го этажа

Plan du 1-er étage

План 2-го этажа

Plan du 2-ème étage

Планировку эвакуационного сектора определяют три основных момента: 1) Поток, дифференцированный по возрастам, направляется в школу через два входа, расположенные ближе к торцам. 2) Вестибюли решаются равновеликими (по 90 м^2). Хотя общая площадь вестибюлей в точности соответствует норме проектного задания (180 м^2), опыт эксплуатации показывает, что они малы. 3) Гардеробы располагаются перпендикулярно торцам. Как на интересный момент следует указать на введение в состав помещений комнаты для родителей и комнаты культуры.

Расположение помещений учебного процесса характеризуется следующим. Классные помещения, из-за ориентации участка, пришлось расположить по продольной оси в сторону улицы и, начиная со второго этажа, в торцах. Как и в целом ряде других школ, 16 классов, расположенных по продольной оси, ориентированы на юг, а классы, расположенные в торцах, — на восток и запад. Канцелярия и кабинет директора расположены рядом в первом этаже, неподалеку от входа. Очень удачно расположена библиотечка-читальня, которая занимает во втором этаже помещение рядом с учительской таким образом, что один и тот же сотрудник может одновременно обслуживать и учащихся и преподавателей.

Физическая и химическая лаборатории находятся в третьем и четвертом этажах, что следует признать наиболее целесообразным. Для первого концентратора в первом этаже имеются специальные классы для рисования и музыкальный зал: Коридоры имеют в ширину 6 м. Столовая-буфет занимает 150 м^2 . Ориентация рекреационных коридоров на север при данной конфигурации и размерах участка была неизбежна. Помещения санитарного обслуживания расположены, в целом, удовлетворительно. Особенностью школы является внутреннее оборудование помещений (шкафы во всю высоту стены в комнате пионеров и комсомола, приспособления для мела и тряпки у доски в классах и др.).

Здание школы сейчас еще не ошту-

натурено. Поэтому замысел архитекторов полностью не раскрыт. Анализ нарисованной перспективы показывает, что архитекторы воспринимают классику критически и сознательно, как искусство определенных композиционных приемов. В основу объемного силуэта здания положено композиционное сочетание трех объемов: центрального и двух боковых. Композиция симметрична. Расположенный в центре основной объем выделяется своим большим масштабом и сильно выраженной координатой. Несколько выступающие вперед боковые объемы характеризуются преобладающей вертикальной координатой. Принятую композиционную схему, построенную по принципу единой центральной оси симметрии, подчеркивают, усиливают и членения фасада. Решающую роль в этом отношении играет контрастная обработка поверхности стены центрального и боковых объемов. Первый из них, в связи с расположением в нем классных помещений, решается пространственно, боковые объемы — в основном плоско. Существенную роль в композиции играют намеренное расположение входов по краям и выделяющая их внимательная декоративная обработка входов. Последние являются основными композиционными пятнами фасада, — архитекторы подводят под них спокойные ступени открытой лестницы, обрамляют порталами и увенчивают сандриками.

Внутренняя планировка школы на Б. Молчановке, построенной по проекту арх. А. Капустиной и В. Кусакова, интересна как пример одного из наиболее компактных решений в условиях крайне небольшого участка. Здание длиной в 64 м пришлось поставить на участке неправильной трапециевидальной формы, которая имеет протяженность до 75 м на 56 м. Площадь застройки архитекторам пришлось ограничить до 900 м². Конфигурация плана — «П»-образная с расположением в центре третьей лестничной клетки. В отличие от целого ряда других проектов «П»-образная конфигурация плана обращена в сторону главного фасада

Проект здания школы на 3-й Сокольнической ул. в Москве. Арх. А. Е. Аркин

Projet d'une école rue 3-ème Soko'nitcheskaja à Moscou. Arch. A. E. Arkine

Коридор

Couloir

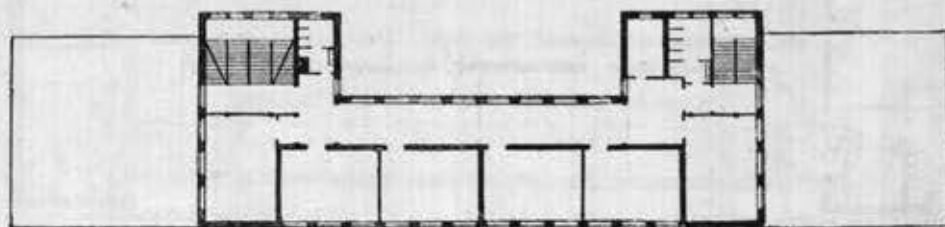
Коридор

Couloir

План 3-го этажа

Plan du 3-ème étage.

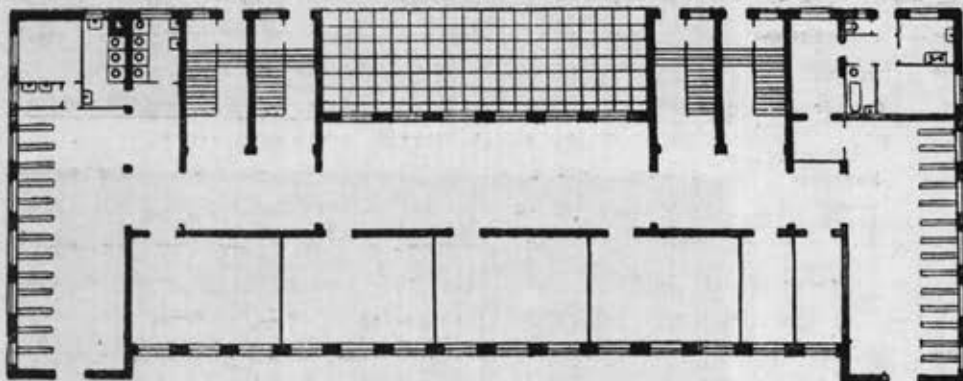

Школа на Нижней Сыромятницкой ул.
в Москве

Арх. М. О. Барш, Г. А. Зундблат

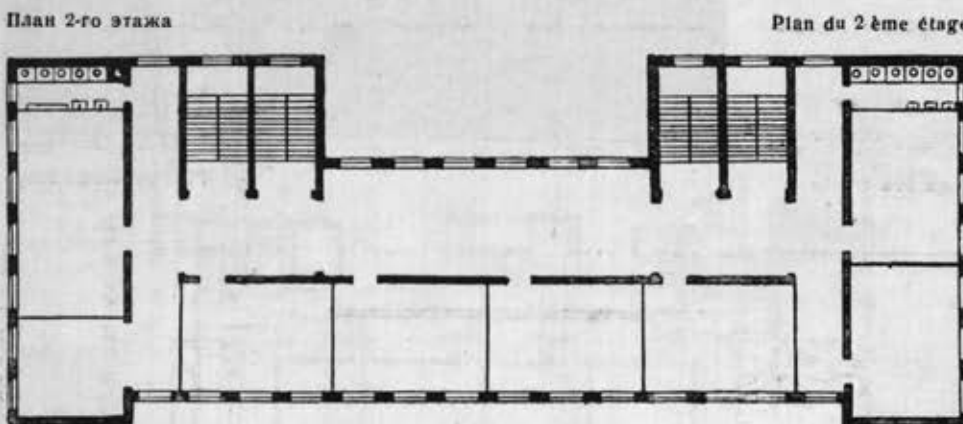
Ecole rue Nijniala Syromiatnitchskaia
à Moscou

Arch. M. O. Barsch, G. A. Zoundblate

План 1-го этажа

Plan du 1-er étage

План 2-го этажа

Plan du 2ème étage

своей сплошной плоскостью стены, которая имеет по углам впадающие прямоугольные срезы. Поскольку здание школы расположено вдоль основания трапеции и выходит, таким образом, на три улицы, подобное решение следует признать правильным.

Благодаря устройству трех лестниц, помещения эвакуации поглощают непропорционально много пространства. Как и в других школах, средняя лестница оказалась излишней. Сами по себе трехмаршевые лестницы решены не плохо, Колонны при входе на лестницы придают внутреннему пространству школы некоторую нарядность. Вестибюли тесны. Школьные помещения расположены нормально (ориентация классов — юг). Библиотека находится во втором этаже. Лаборатории — в третьем и четвертом этажах, по вертикали. Ширина рекреационных коридоров — 3,8 м. Наиболее оригинальный момент внутренней планировки — расположение квартиры директора в двух этажах. Архитекторы оправдывают подобное решение теснотой участка и утешают себя и других тем, что такая планировка является «коттеджной». Спорить в данном случае излишне. Достаточно сказать, что «коттедж» А. Капустиной и В. Кусакова имеет выход в... классный коридор и что от пола первого этажа до пола второго этажа в школьном здании 4 (!) м.

Очень благоприятное впечатление, в целом, производит внешняя архитектура школы. Здание школы на Б. Молчановке также еще не оштукатурено, но уже вполне выявился расчлененный объемный силуэт и все основные членения плоскости. При одновременном выходе школы на два угла совершенно правильно задумана общая объемная композиция здания со срезами по углам, которые смягчаются небольшими угловыми портиками. Вертикальная планировка участка и подчеркнутый цоколь помогают использовать школьное здание для архитектурного оформления целого микрорайона.

Хорошо читается вход. Однако, вместе с тем, внешняя архитектура

школы вызывает и два критических замечания. Прежде всего, как это обычно наблюдается, двухчленное деление здания по вертикали представляет собой несколько элементарную и чрезмерно широко использованную схему архитектурной композиции фасада. Вторым недостатком — непропорциональное соотношение между основной и отступающей частями объема при сопряжении их по углам. Справедливость требует, однако, отметить, что в натуре это соотношение оказалось значительно более приемлемым, чем в нарисованной перспективе, где, благодаря угловому построению перспективы, создавалось впечатление одновременной ориентации и на центральную ось и на углы.

Из новых школ Красно-Пресненского района следует выделить школы на 2-й Черногрязской (по проекту арх. Парусникова и Соболева), на Пресненском валу (по проекту арх. Кеслера), в Трехпрудном пер. (по проекту арх. А. Бутова) и др. Из них школа на 2-й Черногрязской обращает на себя внимание прежде всего со стороны неправильного решения генерального плана. Несмотря на примыкание к просторным огородам, школа почему-то выведена к самой красной линии. Допустим, в этом повинен отдел отвода участков. Но о чем думал архитектор, особенно если учесть, что все классы и лаборатории им выведены на улицу. В отношении конфигурации плана школы на 2-й Черногрязской любопытно отметить, что архитекторы, в поисках наиболее рациональных принципов планировки, самостоятельно пришли к той же вытянутой «П»-образной конфигурации плана, которая была отмечена и в целом ряде других проектов школ.

Планировка отдельных секторов школьного здания решается архитекторами следующим образом. Общий график движения строится по принципу двух входов, расположенных по концам здания со стороны главного фасада. Гардеробы размещаются с двух сторон со стороны торца и у стены, противоположной входу. Отрицательный момент — излишне массивные, тяжелые

Школа на Нижней Пресненской ул. в Москве
Арх. М. П. Парусников, И. Н. Соболев

Ecole rue Nijnlaia Presnenskaia à Moscou
Arch. M. P. Parousnikov, I. N. Sobolev

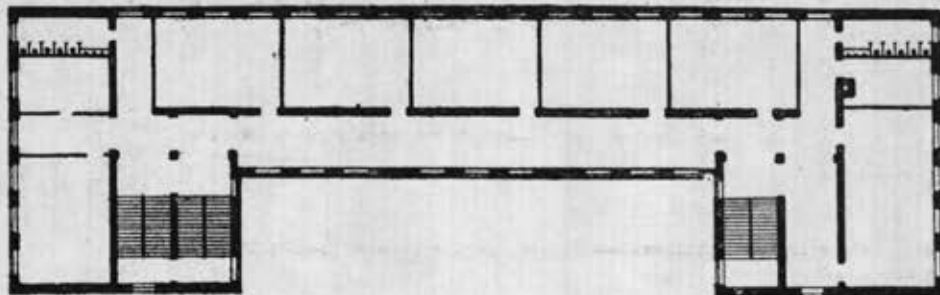
четырёхгранные колонны вестибюля (сечение — 0,82 м) и в конструктивном отношении совершенно необязательные столбы с тяжелыми почти средневековыми арками. Классные помещения размещены нормально. Кабинет директора и канцелярия расположены рядом недалеко от входа. Но комнаты учебной части нет. Не было комнаты для врача и педолога, пришлось отвести под нее помещение учительской, которая, кстати, была запроектирована чрезмерно малой (5,93 на 2,47 м). Лаборатории на месте (в 3 и 4 этажах, по вертикали); оборудование их водопроводом и канализацией с ориентацией света согласовано, но подсобных помещений для подготовки опытов нет; между тем, их легко было устроить, увеличив площадь

лаборатории с 72 до 85 м². Ширина коридоров — 3,42 м. Сопряжение их с лестницей сравнительно мало удачно, так как марши загораживают свет. Два буфета довольно просторны (6,63 на 5,85 м). Очень уныло окрашена школа. Небрежно выполнены детали.

Корректна внешняя архитектура школы на 2-й Черногрязской. Основным недостатком ее — слишком пассивное отношение к улице, к окружающему пространству микрорайона, благодаря плоскостному принципу решения. Так как выступающие части объема ориентированы во двор, извне дано чисто фасадное решение. В целом оно строится на тех же композиционных приемах Ренессанса, которые были отмечены при описании школы на Кропоткинской, 12.

План 4-го этажа

Plan du 4-ème étage

Проект здания школы на Английском проспекте в Ленинграде. Перспектива
Арх. Н. А. Троцкий, А. С. Маргинов

Projet d'une école avenue Anglisky à Léningrad
Perspective

Arch. N. A. Trozky, A. S. Martinov

НОВЫЕ ЛЕНИНГРАДСКИЕ ШКОЛЫ

В. ТВЕЛЬКМЕЙЕР

В осуществление решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в Ленинграде в 1935 г. выстроено и сдано в эксплуатацию 38 школ на 29 060 учащихся.

Школы распределены по городу в соответствии с потребностями отдель-

ных районов и с таким расчетом, чтобы школьники, направляясь из любой точки обслуживаемого школой микрорайона, не пересекали магистралей большого движения.

При выборе школьных участков обращалось внимание и на возможность отвода достаточной территории под зеленые и политехнические зоны, а также физкультурные площадки и хозяйственные дворы.

Новые ленинградские школы запроектированы двух типов: на 400 и 800 человек. Для ленинградских школ, кроме того, принята иная чем в Москве проектная норма пропускной способности лестниц, а именно: 0,60 м на 100 чел. Этим они выгодно отличаются от московских школ, где механически перенесенная в школу театральная норма — 1,0 м на 100 чел. — привела к созданию целых кустов лестничных

Проект здания школы на Московской ул. в Ленинграде. Перспектива

Арх. О. В. Суслова, А. В. Модзаевский

Projet d'une école rue Moskovskaja
à Léningrad. Perspective

Arch. O. V. Souslova, A. V. Modzalevsky

Проект здания школы на Песочной улице
в Ленинграде. Перспектива

Арх. А. А. Юнгер

Projet d'une école rue Pessotchnala

à Léningrad. Perspective

Arch. A. A. Jounger

клеток, отнявших у проектировщиков
значительную часть полезной кубатуры.

Работа по проектированию школ
велась исключительно силами мастер-
ских Ленпроекта — в ряде случаев не-
посредственно руководителями этих ма-
стерских (проекты арх. Бурышкина
Д. П., арх. Лишневого А. Л., проф.
Мунца О. Р., проф. Оля А. А., проф.
Троцкого Н. А. и проф. Юнгера А. А.).

Подвести окончательные итоги
школьному строительству Ленинграда в

настоящее время невозможно, так как
школьные здания к моменту, когда пи-
шется настоящая статья, еще не за-
кончены в части своей наружной от-
делки. Однако проектный материал
дает возможность до известной меры
представить себе недостающее в натуре.
Таким образом, сейчас трудно судить
только о запроектированных архитек-
турных и скульптурных деталях и
фрагментах, об умении авторов перене-
сти их с бумаги в конкретную действи-

тельность архитектурного сооружения и
о «работе» этих деталей и фрагментов
в натуре.

Большинство выстроенных школ
запроектировано в виде симметричной
композиции с центрально расположен-
ным вестибюлем и отнесенными на край
лестницами. Такой прием вполне оправ-
дан, так как обеспечивает равномерное
распределение потоков школьников по
всему зданию и по обеим лестницам.
Помещения общего пользования: канце-

Проект здания школы в Благодатном пер.
в Ленинграде. Перспектива

Арх. С. В. Малиновский

Projet d'une école ruelle Blagodatny

à Léningrad. Perspective

Arch. S. V. Malinovsky

Проект здания школы на набережной
р. Фонтанки в Ленинграде. Перспектива
Арх. В. М. Фромзель

Projet d'une école qual de la Fontanka
à Léningrad. Perspective
Arch. V. M. Fromzel

лярия, библиотека, учительская, кабинет
врача, часть лабораторий, буфет, а так-
же квартира директора и помещение
техперсонала в большинстве зданий
целесообразно размещены в первом
этаже.

Асимметричные приемы компози-
ции, вызывавшиеся, главным образом,
угловым расположением участка, при-
водят к менее удовлетворительной пла-
нировке помещений и к худшему внут-
реннему графику движения. Однако
нельзя согласиться и с решениями, в
которых задачи общепланировочного по-
рядка приносились в жертву принципу
симметричной композиции.

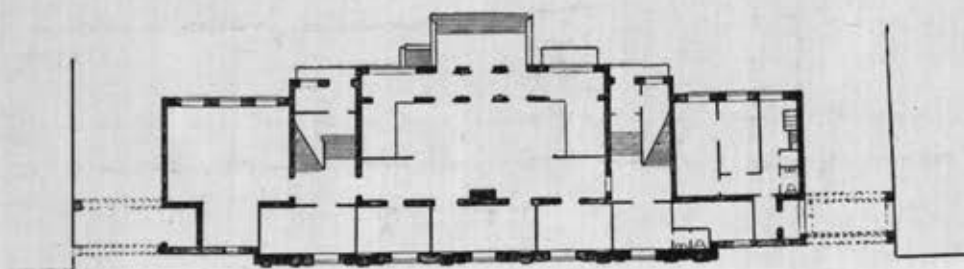
Если планировочные задачи всеми
авторами, работавшими над новыми
школьными зданиями, в основном ре-
шены удовлетворительно, то попытки

архитекторов определить архитектур-
ный образ школы и придать ей соот-
ветствующие формы, не увенчались в
большинстве случаев успехом. Почти
все авторы переоценили как масштаб со-
оружения, так и его место в общегор-
одском ансамбле, что привело к отры-
ву формы от содержания и искажению
характера архитектурного образа.

Школьные здания, благодаря своему
значительному числу (в 1936 г. в Ле-
нинграде намечена постройка ста новых
школ), входят необходимым компонен-
том во всякий жилой комплекс, следо-
вательно, они не должны конкуриро-
вать в своем архитектурном разреше-
нии с отдельными обслуживающими це-
льный район сооружениями (административными зданиями, домами культуры и т. п.). Поэтому нам кажется неумест-

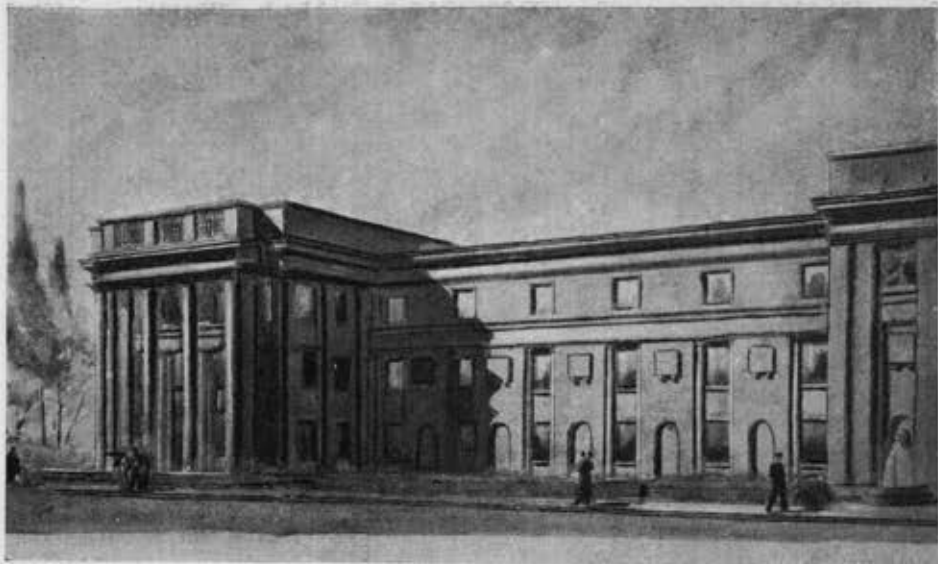
ной склонность многих архитекторов
трактовать школьное здание как боль-
шую монументальную форму, нагромо-
дать колонны и пилястры, объединяю-
щие ордерами несколько этажей. Возни-
кает опасение, что авторы взяли слиш-
ком высокую ноту и им может не-
хватить голоса при решении объектов,
действительно нуждающихся в значи-
тельном архитектурном акценте. В дан-
ном же случае, учитывая окружающий
жилой ансамбль, а главное запросы бу-
дущих обитателей школ, бодрая мажор-
ная нота среднего регистра была бы
значительно уместнее.

Все эти замечания следует в пер-
вую очередь отнести к проектам Н. А.
Троцкого, в которых архитектурный па-
фос доведен почти до предела (школы
в Лесном и на Троицком поле).

План 1-го этажа

Plan du 1-er étage

Принятый архитектором четырехэтажный колонный ордер, зажатый между двумя сильно рустованными пилонами с барельефами крупного плана, никак не гармонирует с окружающей, сравнительно живописной, средой, мало масштабе и более соответствует образу административного здания. Излюбленные за последнее время Н. А. Троцкий приемы выделения одноэтажного пристроенного объема вестибюля и патетической перегруженности здания деталями лишают всю композицию необходимой человеческой масштабности. Думается, что работа над малой, интимной архитектурной формой просто не в

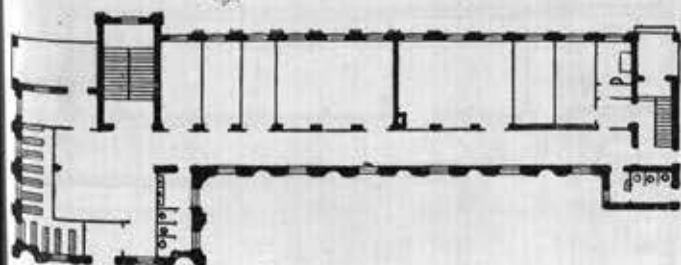
плане этого крупного мастера больших монументальных сооружений.

Излишней торжественностью общего решения и декоративным монументализмом отдельных частей отличаются также все три школы А. А. Юнгера, школы С. В. Малиновского (Благодарный пер.), Д. Л. Кричевского (ул. Стачек), Г. В. Аскинази и В. В. Попова (ул. Льва Толстого) и Б. Р. Рубаненко (ул. 3 июля). В меньшей степени этим грешат школы Д. Н. Бурьшкина и С. В. Стомерова (Головинская ул.) и В. М. Фромзеля (набережная Фонтанки). Только школа, запроектированная В. М. Фромзелем, в своем архитектур-

ном решении оправдана самим расположением на берегу реки Фонтанки вблизи пилонов б. Египетского моста. Общий композиционный замысел выступающего ордера пилястр на фоне гладкой стены, заканчивающейся по краям сильно вытянутыми арками, примыкающими к соседним домам, достаточно оригинален и неплохо выражен в пропорциях. Культурно и хорошо прорисованные детали придают сравнительно крупному ордеру всей композиции человеческую масштабность и выразительность. Нельзя согласиться лишь с рисунком грубоватых модернизированных капителей пилястр, при наличии до-

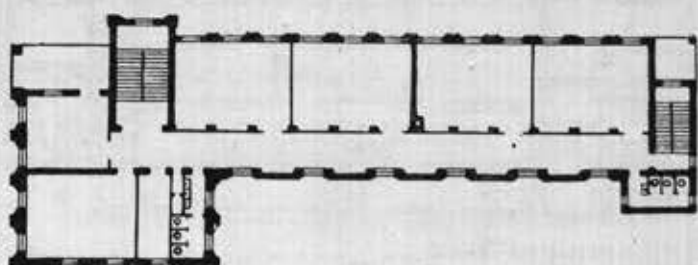
План 1-го этажа

Plan du 1-er étage

План 2-го этажа

Plan du 2-ème étage

Проект здания школы на Ярославском проспекте в Ленинграде. Перспектива
Арх. Л. Н. Галенбек

Projet d'une école avenue Yaroslavsky à Léninegrad. Perspective
Arch. L. N. Galenbek

вольно строгих и сильно модулированных баз.

Основным недостатком школ В. А. Ашастина (ул. Войнова), Д. Л. Кричевского (Моховая) и в особенности А. Л. Лишневского (Воронежская ул.) является механическое перенесение форм жилого (в последнем случае даже доходного) дома на школьное здание.

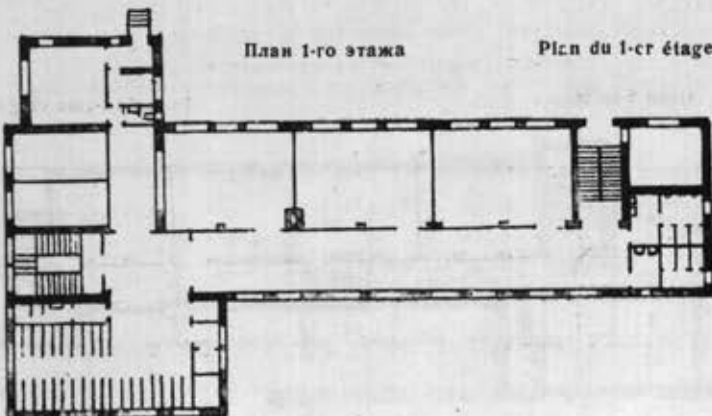
О. Р. Мунц пытался увязать новое школьное здание в Слуцке (Павловске) с существующим историческим ансамблем. Такой подход, если принять во внимание значимость архитектурного окружения нового здания, вполне оправдан. Но думается, лучше было бы в данном случае согласовать проект не

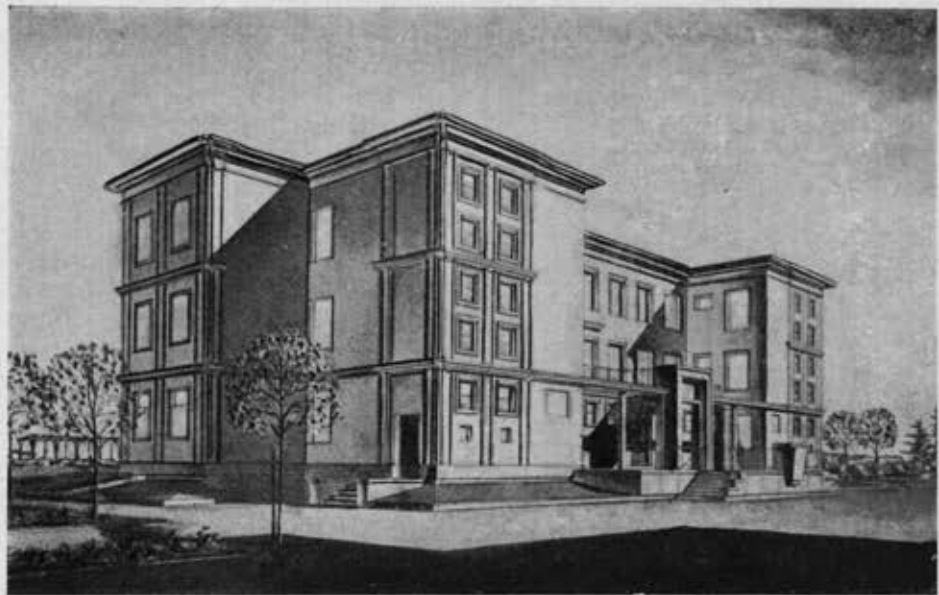
с ампириными элементами ансамбля, как это сделал О. Р. Мунц, а с произведениями Камерона, более лиричными и эмоционально-насыщенными.

Если все перечисленные авторы еще не нашли убедительного архитектурного образа новой школы, то все же их проекты достаточно интересны. Этого нельзя сказать о проектах ряда других школ, в частности школ О. В. Суслевой и А. В. Модзалевского, архитектурно совершенно невыразительных и невольно ассоциирующихся с «казенными классическими гимназиями».

Л. Н. Галенбек в своей школе (Ярославский пр.), несомненно, стремился добиться максимальной масштаб-

ности и архитектурной выразительности. Однако, его архитектурная трактовка задания грешит крупнейшими недостатками. В решении входа игнорируются школьники, подходящие с северной стороны Ярославского пр. Выступающий объем не соответствует расположению школы на угловом участке. Выступающий рустованный объем композиционно не увязан с основным корпусом, аркада последнего никак не согласована с архитектурным перекрытием входных дверей, которые, являясь продолжением аркады (сомнительного рисунка), недостаточно выделены в таком соседстве. Внутренняя планировка вестибюля-гардероба также неудачна по

Projet d'une école dans la Petite Okhta
à Léningrad. Perspective

Arch. V. G. Daougoul, V. A. Zotov

своему графику движения. В общем объеме неправильно расположены двери и совсем неудовлетворительна расстановка вешалок. Одноэтажный объем, выходящий на боковую улицу, кажется случайной пристройкой.

Наиболее удачно пытаются определить новый архитектурный образ школы арх. В. Г. Даугуль и В. А. Зотов. Живописный объем, разделенный карнизами по вертикали на три равных членения (соответственно этажам), пластически трактованный стилобат с интересно задуманным центральным входом, своеобразное, не банальное разрешение

плоскостей и углов и культурно прорисованные детали придают проекту масштабность и определенное выражение жизнерадостности.

К недочетам проекта следует отнести трактовку фасада лестницы, не увязанную с масштабом и ритмом всей композиции. Введение в вертикальной части звена удвоенного количества окон излишне мельчит главный фасад.

В целом, приходится констатировать, что архитекторы Ленинграда не сумели в своих проектах определить образ новой школы. Здания, в которых будут воспитываться юные счастливые

граждане нашей родины, должны быть жизнерадостными и эмоционально выразительными.

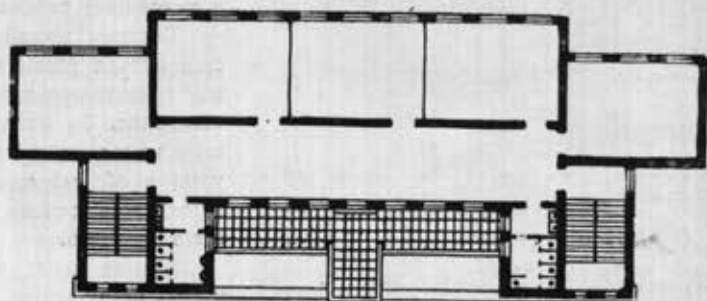
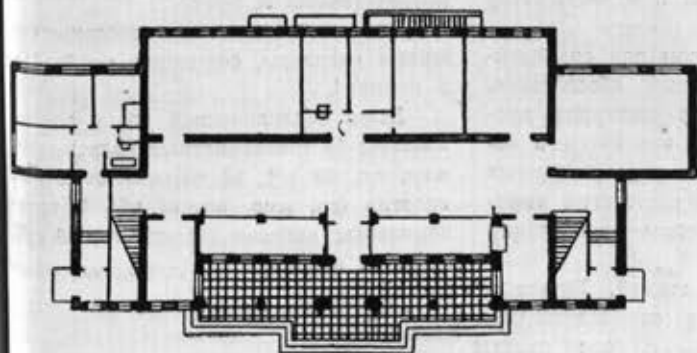
Новые школы, в связи с грандиозным планом реконструкции Ленинграда, будут строиться, главным образом, на вновь осваиваемых участках и входить в общую систему планировки жилых комплексов, входящих в свою очередь в общерайонную, а затем и общегородскую планировку. Необходимо поэтому серьезно подумать о том архитектурном акценте, который должен быть придан школам в общем гармоничном новом ансамбле Ленинграда.

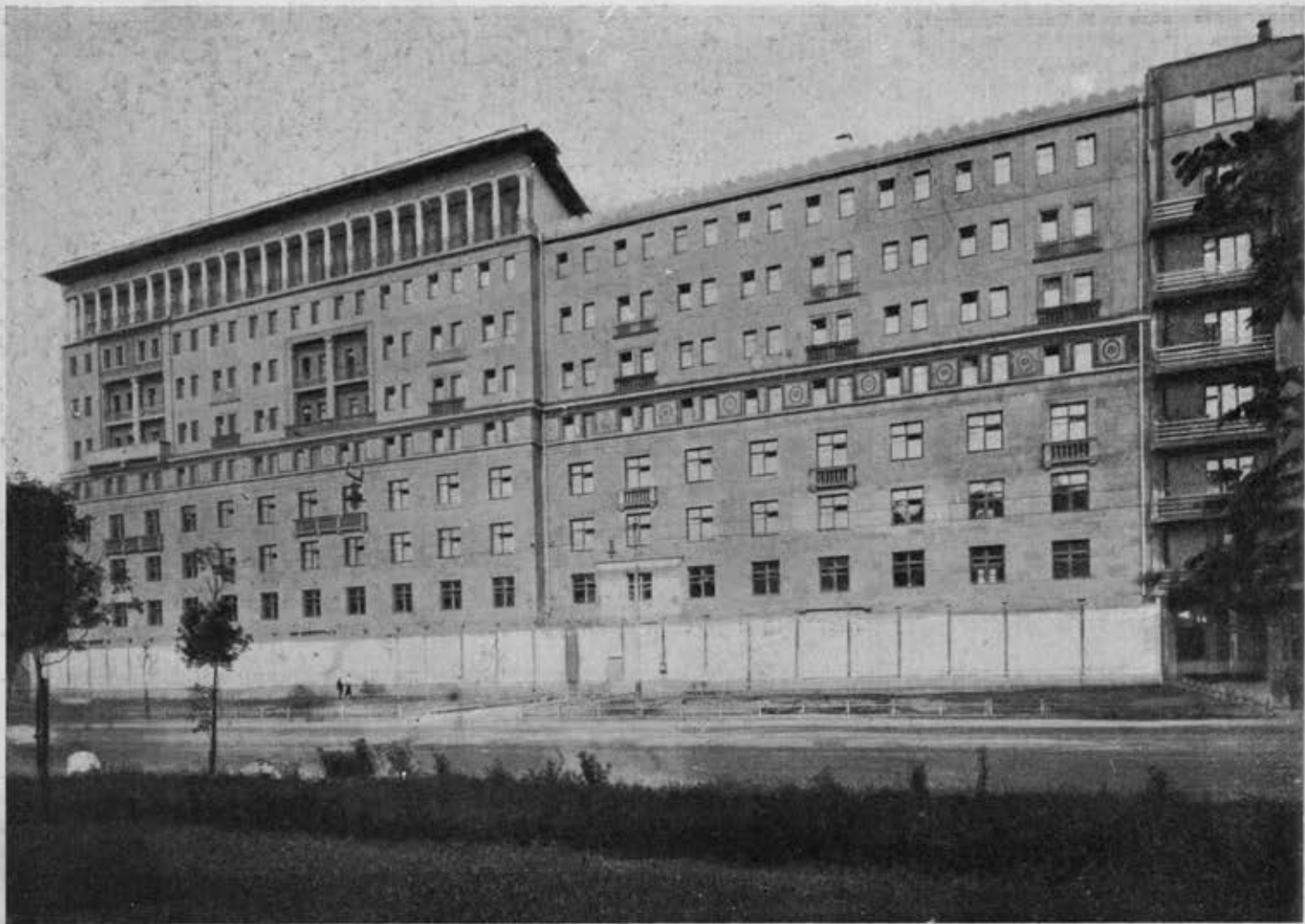
План 1-го этажа

Plan du 1-er étage

План 2-го этажа

Plan du 2-ème étage

Жилой дом ИТР на Земляном валу в Москве
Арх. И. З. Вайнштейн

Maison d'habitation des Ingénieurs et des techniciens à Zemlianoïe Val à Moscou
Arch. I. Z. Vainechtein

ЖИЛОЙ ДОМ ДЛЯ ИНЖЕНЕРНО- ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

И. З. ВАЙНШТЕЙН

Законченный строительством в августе 1935 г. жилой дом для специалистов у Курского вокзала в Москве, по существу является только частью одного из трех домов, строящихся на пересечении Садовой-Земляного вала и вновь проектируемого шоссе. В свою очередь, эти сооружения должны войти в целый ансамбль, намеченный к строительству в указанном районе.

Поэтому жилой дом для специалистов нельзя рассматривать обособленно, как самостоятельное архитектурное произведение. Он входит элементом в общую композицию всего узла указанных улиц и обретет свою настоящую выразительность только после реализации всего замысла.

Здание имеет 9 этажей. Только в месте примыкания к существующему дому М.-Курской ж. д. оно имеет

8 этажей и несколько западает вглубь от красной линии.

Первый этаж здания отводится под магазины. В этих целях ширина корпуса увеличивается в первом этаже на 1,5 м в сторону двора. Все магазины имеют подвальный этаж с подсобными помещениями (складами, холодильниками, кладовыми и проч.).

Все остальные этажи отведены под жилые квартиры, состоящие из 3, 4 и 5 комнат¹.

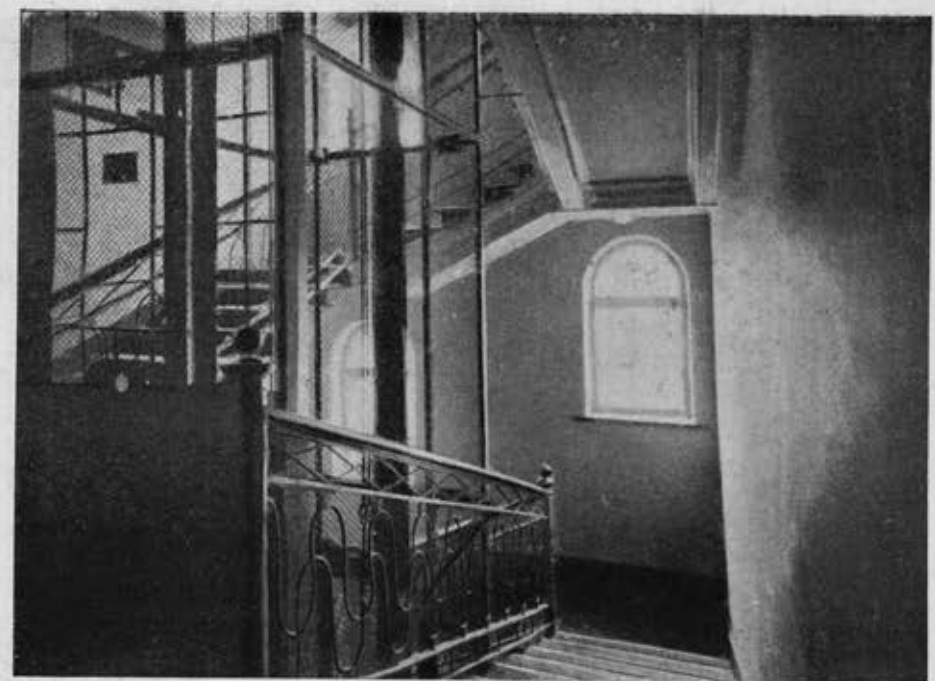
Всего в законченной части здания имеется: 18 трехкомнатных квартир (ср. жил. пл. 48 м²), 28 четырехкомнатных квартир (ср. жил. пл. 61 м²), 7 пятикомнатных квартир (ср. жил. пл. 90 м²), всего 53 квартиры.

¹ Необходимо оговориться, что проектирование и строительство началось еще в 1932 г. по старым нормам.

В основу была положена типовая жилая ячейка строительства домов Моссовета, утвержденная в свое время соответствующими инстанциями. Но в процессе строительства предъявлялся ряд новых требований, изменявших первоначальный проект как в части планировки, так и в фасадном решении. Несмотря на все трудности перестройки «на ходу» кое-чего все же удалось добиться. Правда, улучшения эти далеко не идеального порядка, но вполне достаточны в указанных условиях стройки. Так, например, необходимость устройства помещения для домашней работницы грозила значительно ограничить размеры всех остальных подсобных помещений (кухни, ванной, уборной). Поэтому пришлось ограничиться выделением для домашней работницы небольшой площади при кухне, в виде алькова, имеющего в среднем размеры 1,80 на 1,50 м.

В некоторых квартирах, где совершенно не удалось выделить помещение для домработницы, сделаны несколько большего размера кухни и вполне достаточные по размерам и по планировке ваннные комнаты.

Все квартиры снабжены газовыми плитами, центральным горячим водоснабжением, которое подведено к ваннам, умывальникам и мойкам в кух-

Лестничная клетка

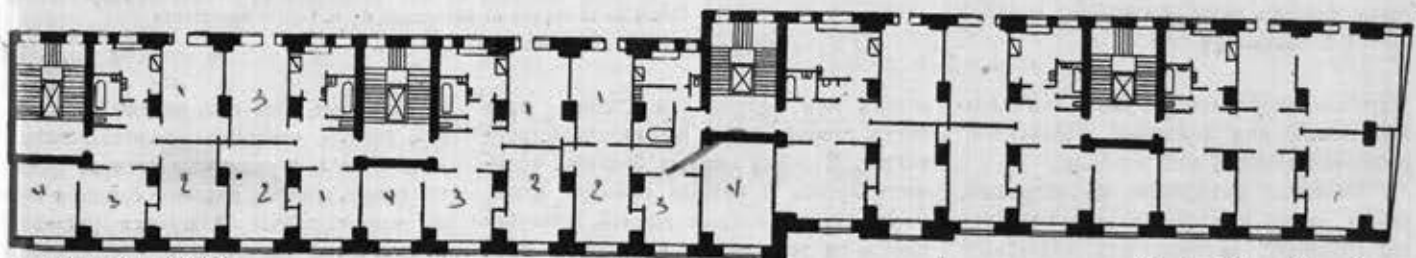
Cage de l'escalier

нях. Отопление центральное, водяное. Вентиляция вытяжная.

Несколько необычно сделана планировка 9 этажа.

Вследствие того, что кровля в зда-

нии запроектирована односкатная, высота этого этажа была несколько увеличена, и таким образом удалось сделать квартиры с комнатами-ателье, имеющими высоту 4,30 м. В этих комнатах

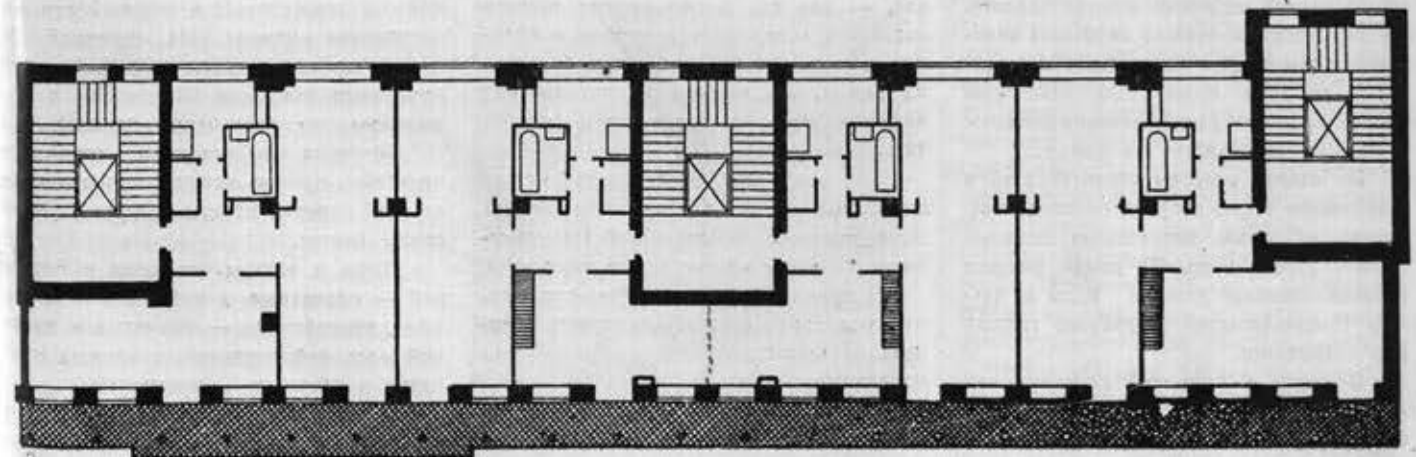

План 2-го—4-го этажей

Plan des 2-ème—4-ème étages

План 9-го этажа

Plan du 9-ème étage

Жилой дом ИТР на Земляном валу в Москве
 Деталь фасада и колоннада верхней лоджии
 Арх. И. З. Вайнштейн

Maison des Ingénieurs et des techniciens à Zemliandye Val à Moscou
 Détail de la façade et colonnade de la loggia supérieure
 Arch. I. Z. Vainchtein

устроены антресоли, могущие быть использованы для домашней библиотеки, рабочего кабинета или спальни.

Комнаты, выходящие на дворовый фасад, имеют высоту 2,70 м и отводятся, главным образом, под подсобные помещения. Все квартиры 9 этажа имеют выход на большую, длинную лоджию, перекрытую деревянным карнизом большого выноса, который лежит на колоннаде по всему фронту лоджии.

В остальных этажах квартиры снабжены служебными балконами, выходящими во двор. Кроме того, некоторые квартиры имеют дополнительно балконы и лоджии, выходящие на улицу.

Во второй очереди строительства в подвальном этаже запроектированы прачечная со всеми подсобными помещениями, сарай и пр. Во дворе участка запроектированы детские ясли и детский сад. Предполагается устройство гаража для автомашин.

В связи с принятой конструкцией (несущие кирпичные столбы с заполнением из шлако-диатомовых камней)

автору при оформлении здания пришлось столкнуться с целым рядом трудностей. Столбы, дающие большое количество углов в каждой комнате, стены из шлако-диатомовых камней, отличающиеся по толщине от кирпичных стен, деревянные и железобетонные прогоны, идущие от столба к столбу и тем самым разрезающие и без того раскрепованные столбами поверхности потолков, — все это и ряд других причин настолько осложняли внутреннее оформление, что автору пришлось буквально почти над каждой комнатой, над каждым углом в отдельности поработать.

Так, например, пространства между столбами в комнатах оформлены шкафами различных назначений. В иных случаях эти места оформлены в виде ниш.

В кухнях и передних также устроены внутренние шкафчики, полки и маленькие ниши для хозяйственных принадлежностей.

Комнатные шкафы подразделяются на 3 типа: 1) книжные, 2) платяные и

3) буфетные. Все они хорошей столярной работы, сделаны из отполированного дуба и зеркального стекла. Двери платяных шкафов оклеены буком и также отполированы. В кухнях устроены холодильные шкафы.

Оштукатурка всех стен, потолков, столбов, лестничных клеток и пр. произведена по маякам. Во всех помещениях протянуты карнизы различных форм и сложностей, в зависимости от назначения комнат. На потолках, в центре комнат сделаны лепные розетки различных рисунков (опять-таки в зависимости от назначения комнат).

Покраска произведена клеевыми красками, причем каждая комната имеет свой колер и каждая секция — свою гамму цветов.

Полы в жилых комнатах и передней — паркетные, в кухнях и помещениях домработниц — досчатые с двойной масляной окраской, в ванных комнатах и уборных — мозаичные.

Подоконники, ступени и площадки лестниц — также мозаичные, полиро-

Интерьер

Intérieur

Интерьер

Intérieur

ванные. Дверные и оконные приборы в основном металлические, никелированные. Шкафные приборы — из пластмассы.

Как уже было указано, проектирование этого дома было начато в период применения устаревшей для настоящего времени, так называемой, «экономичной жилой ячейки» с ее нелепыми конструкциями, чрезвычайно усложняющими и по существу удорожающими строительство.

На основе применения такого рода ячеек в Москве выстроено множество домов, получивших историческое название «коробок». Поэтому основная задача заключалась в том, чтобы уйти от этой коробочной архитектуры и создать новый образ, дать новое выражение радостного, светлого социалистического жилища. Хотелось, чтобы во всех деталях чувствовалась забота о живом человеке, забота о советском специалисте, имеющем право на удобные, приятные и уютные бытовые условия.

В качестве основной композиционной идеи было принято выражение ощущения легкости и, вместе с тем, монументальности сооружения. Отсюда все членения фасада, как по горизонтали, так и в вертикальном направлении, сделаны в соответствующих пропорциях золотого сечения и его функций.

В этих же пропорциях решены абсолютно все детали как на фасаде, так и внутри здания, начиная от оконных и дверных проемов и кончая наличниками, галтелями и пр. Нижние 5 эта-

жей решены рустованной стеной, на которой покоится более легкий верх, с лоджиями на 6 и 7 этажах и большим карнизом, венчающим 9-й этаж.

Ощущение легкости здания и конструктивности его организма дополняется еще тем, что верхние этажи, имеющие толщину стен меньшую нежели нижние, сделаны с наружным отступом.

Для создания композиционного акцента на перекрестке Земляного вала и вновь проектируемого шоссе (которое явится в будущем значительной магистралью), крайняя лоджия несколько выразительнее обработана. Между лоджиями и на линии 4 этажа

Лепная розетка на потолке

Rosace modelée du plafond

расположены балконы с небольшим выносом. Балконы, так же как и весь фасад, решены в системе облегчения кверху.

Необходимо отметить, что по первоначальному проекту балконов не было. Но по предложению Л. М. Кагановича они были введены и в значительной степени обогатили фасад, придав ему более выразительный характер жилого здания.

Главный фасад отделан цветной штукатуркой теплого цвета, светлозолотистой охры. Расчлененные архитектурно плоскости фасада подчеркиваются различными по интенсивности оттенками основного фасадного цвета.

В качестве дополнительных элементов, усиливающих выразительность архитектурной композиции, применены декоративные орнаменты, выполненные по способу «сграффито». Эти орнаменты пропущены по фасаду двумя поясами, причем их композиция решена в органической связи с конструктивным и архитектурным замыслом фасада (верхний орнамент — легкий, кружевной, нижний — тяжелый, монументальный по форме, плотно вкомпанованный в свой архитектурный участок).

Вся работа по художественно-декоративной отделке фасада и внутренней расцветке интерьеров с успехом проведена художником А. М. Машуриной.

Общая кубатура первой очереди здания равна 31 139 м³. Стоимость сооружения равна 2 743 537 руб. Стоимость 1 м³ — 88 р. 10 к.

Жилой дом на Колхозной пл. в Москве
Арх. Д. Д. Булгаков

maison d'habitation place Kolkhoznala à Moscou
Arch. D. D. Boulgakov

ОПЫТ АРХИТЕКТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛОГО ДОМА

Д. Д. БУЛГАКОВ

Эскизный проект и рабочие чертежи заканчиваемого в настоящее время жилого дома Наркомтяжпрома на Колхозной площади в Москве были выполнены еще в 1930—1931 г. московской организацией «Заводстрой» под руководством немецкого архитектора Ремеле. Начало строительства приурочивается к этому же времени. В силу различных обстоятельств заказчику приходилось из года в год, вплоть до 1934 г. строительство консервировать. Наконец, наступил

момент всеобщей перерегистрации проектов, когда было обращено внимание и на застывший мрачный силуэт, стоявший долгое время в лесах подвижной опалубки, на Колхозной площади.

Забракованный проект арх. Ремеле, по определению отдела проектирования, был выполнен в духе третьесортного немецкого конструктивизма. Впоследствии весь проектный материал был передан в 4-ю архитектурно-проектную мастерскую Моссовета для переработки до стадии утверждения и в дальнейшем до выполнения объекта в натуре. Мне, как сотруднику мастерской, было предложено выполнить эскизный проект и рабочие чертежи к нему.

К моменту начала моей работы над проектом на стройплощадке имелась выведенная вчерне коробка в 6 и частично в 7 этажей. Судить о качестве этих строительных работ можно по следую-

щему примеру: размеры в натуре редко совпадают с размерами в чертежах. Проверка стен по веску дала возможность определить неправильность хода подвижной опалубки, благодаря чему стены 7 этажа западали в сторону улицы против 1—2 этажей на 30—35 см.

Теперь о самом проекте арх. Ремеле. Автор проектировал жилой дом, предназначенный для специалистов на отведенном участке в кольце «Б». Дом этот должен был главным фасадом выходить на площадь в ближайшем соседстве с ценным архитектурным ансамблем Института им. Склифасовского. Пренебрегая всем этим, автор разрешил композицию плана таким образом, что все обслуживающие помещения — кухни, ванны, уборные и леотничные клетки — выходили на главный фасад. Это привело к решению фасада в виде скучной, монотонной стены, добросовестно

разбитой на маленькие окошечки и огромные вертикальные эркеры лестничных клеток, разрезающих дом на три не связанных между собой объема.

О фасаде по Ананьевскому пер. не приходится говорить, так как автор и здесь остался себе верен, применяя способ перенесения голых функций плана на фасад. И если в дополнение к общей картине вообразить себе два первых этажа магазинов, витрины которых выполнены в деревянном переплете с мелким неинтересным рисунком, полное отсутствие выявленных входов в магазины и жилые секции, а также каких бы то ни было карнизов, то это в некоторой степени даст представление о проекте, получившем резкое осуждение на просмотре у председателя Московского совета Н. А. Булганина.

Мне при решении композиции пришлось считаться с уже осуществленной в натуре внутренней планировкой 7 этажей и с чрезвычайно недоброкачественной типизацией выполненных из теплого бетона наружных и поперечных стен.

Всякая попытка пробивки стен, эркеров или лоджий, крепления карнизов, балконов встречала единодушный отпор конструкторов. Поэтому в распоряжении архитектора были самые ограниченные средства для архитектурного выявления образа жилого дома.

Прежде всего необходимо было решить объемный силуэт здания с учетом магистрали кольца «Б» и Колхозной площади и углового положения участка. Для этого было выгодно как в архитектурном, так и в строительном и эксплуатационном отношении отказаться от применения плоских крыш, запроектированных арх. Ремеле.

Используя неглубокое заложение ширины корпуса, сделав односкатную кровлю под железо и продумав архитектурное оформление всех требуемых обслуживающих помещений, как-то: вентиляционных камер, водонапорных баков, механизмов лифта, небольших соляриев — можно было добиться желаемого силуэта здания и постепенного движения и нарастания архитектурных масс к углу по обоим фасадам. Запроектированные по голодным нормам сплошь остекленные лестницы (ширина марша 1,05) полностью исключили возможность уничтожения вертикалей выступающих эркеров. Поэтому удалось их только соответственно успокоить путем применения асимметрично расположенных пилостр. Такое решение допускает сплошное остекление при соответствующем рисунке переплетов, продолженных

Деталь фасада

Détail de la façade

до сплошных тяг балконов 3 и 4 этажей, которые служат как бы завершением над стеклянным массивом магазина 1 и 2 этажей. Сопряжение двух фасадов на углу 9 и 10 этажей было акцентировано ажурной башней и колоннадой.

По фасаду с Ананьевского переулка мною была проведена, несмотря на сопротивление заказчика, частичная перебивка оконных проемов и частичная их закладка (главным образом эркерных лестничных клеток), так как уродливо плоский фасад с переулком отличался большим числом разнохарактерных по

величине окон. После упорядочения фасадов необходимо было архитектурно оформить карнизы, балконы, тяги, объединяющие балконы, лестничные клетки и витрины, при этом следовало учесть, что здание находится в невыгодном положении в смысле солнечного освещения.

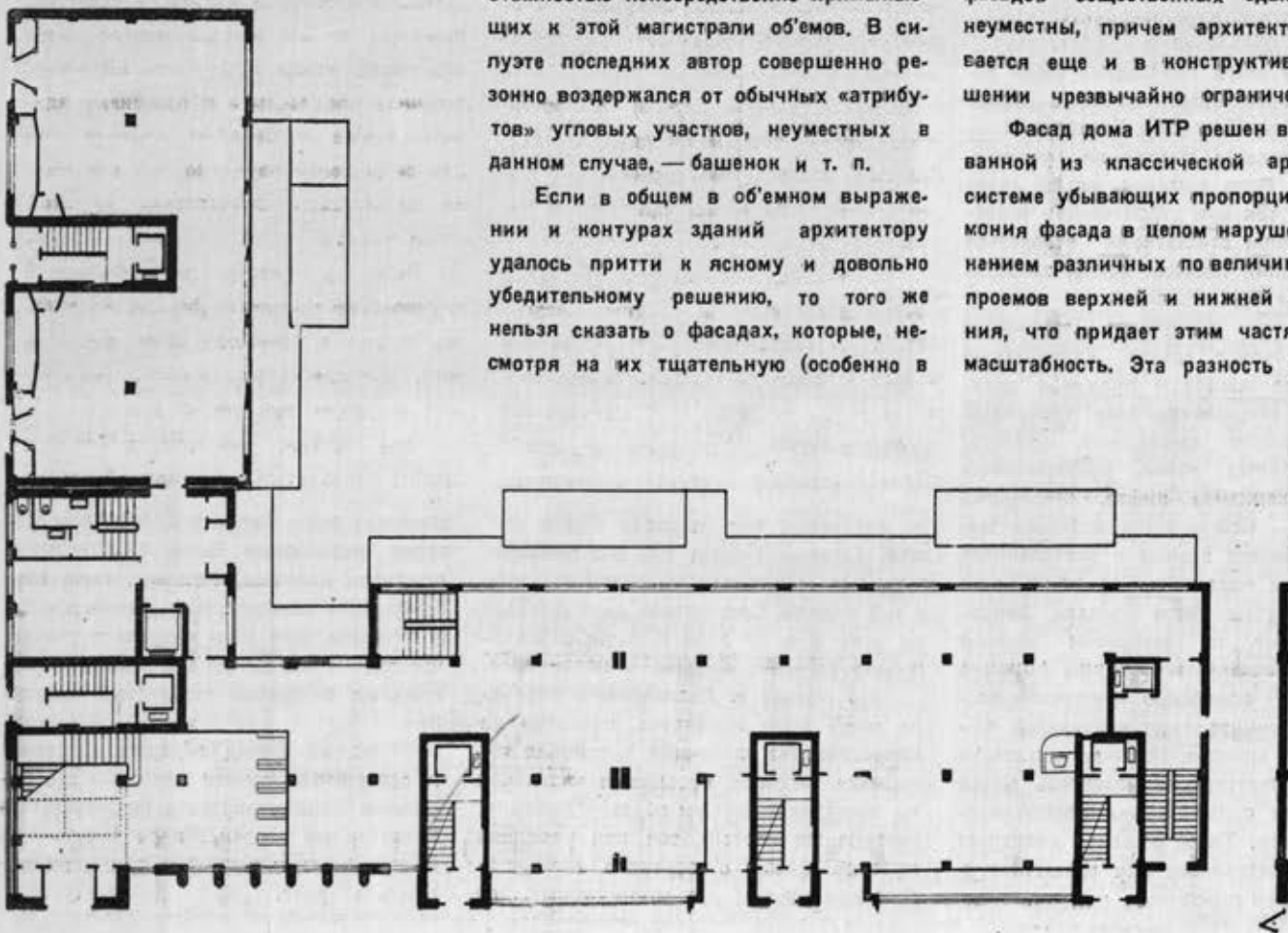
Главный фасад обращен на север и совершенно лишен света — это заставило меня утрировать некоторые архитектурные детали, подчеркнуть их пластичность и рельеф, а также их выявить в цвете.

ДВА ДОМА НА САДОВОЙ

В. М. КУСАКОВ

Жилой дом на Колхозной пл.
в Москве. План 1-го этажа
Арх. Д. Д. Булгаков

Maison d'habitation
place Kolkhozniaïa à Moscou
Plan du 1-er étage
Arch. D. D. Boulgakov

Из новых московских зданий внимания заслуживает жилой дом, сооруженный по проекту арх. И. З. Вайнштейна на углу Садовой-Земляного вала и новой магистрали.

В своем композиционном решении автор исходит из необходимости увязать здание с целостным ансамблем соответствующего отрезка улицы.

Однако в настоящее время, когда строительство всего комплекса еще не закончено (полностью готова лишь часть здания по одну сторону магистрали), об ансамбле в целом можно судить только по генеральному плану.

Имея в своем распоряжении два участка на Садовой-Земляном валу на противоположных сторонах новой магистрали, арх. Вайнштейн принял в общей композиции масс симметричное решение, подчиненное оси этой магистрали и удачно увязанное с жилым домом, расположенным на соседнем участке.

Перекресток достаточно выразительно подчеркнут автором повышенной этажностью непосредственно примыкающих к этой магистрали объемов. В силуэте последних автор совершенно резонно воздержался от обычных «атрибутов» угловых участков, неуместных в данном случае, — башенок и т. п.

Если в общем в объемном выражении и контурах зданий архитектору удалось притти к ясному и довольно убедительному решению, то того же нельзя сказать о фасадах, которые, несмотря на их тщательную (особенно в

деталях) прорисовку, все же не отвечают полностью требованиям архитектурно-художественной выразительности.

Арх. Вайнштейн принципиально правильно отказался от частых в нашей архитектурной практике решений жилых домов в излишне помпезных и монументальных формах. Благодаря этому, его дом органически, если можно так выразиться, входит в улицу, в окружающий ансамбль жилых домов.

Но, к сожалению, мера художественности нарушена здесь с другой стороны — боязнь сильных эффектов толкнула арх. Вайнштейна в противоположную крайность. Фасад получился чрезмерно плоский, сухой и недостаточно выразительный.

Одним из наиболее трудных моментов в решении архитектуры жилого дома является плоскость фасада, преодоление ее монотонного характера, вытекающего из обычно стандартных решений жилой ячейки. Многие из тех композиционных средств, которые можно с успехом применить при решении фасадов общественных зданий, здесь неуместны, причем архитектор оказывается еще и в конструктивном отношении чрезвычайно ограниченным.

Фасад дома ИТР решен в заимствованной из классической архитектуры системе убывающих пропорций. Но гармония фасада в целом нарушена применением различных по величине оконных проемов верхней и нижней части здания, что придает этим частям разную масштабность. Эта разность масштабов

В данном случае оказалась сильнее гармоничности членений и неумолимо разрушает единство здания.

Известную роль в этом смысле играет также неудачный рисунок переплета нижнего пояса здания. Данный случай дает лишнее доказательство, что пропорциональность и гармоничность здания в целом отнюдь не решаются одними членениями фасада.

Здесь уместно вспомнить заявление акад. Жолтовского на творческом совещании в Академии архитектуры по вопросу об архитектуре дома ИТР, что там «удачно проведены три линии». Думается, однако, что одни удачно проведенные линии, членящие здание, еще далеко не решают вопроса.

Одними пропорциями невозможно достигнуть теплоты, интимности и легкости, какими должен быть насыщен фасад советского жилого дома. От плоской стены, как бы хороши ни были ее членения, все таки веет известной холодностью. Хотелось бы в фасаде жилого дома видеть больше воздуха, светотени и пластичности. Особенной осторожности требует перенесение на фасады наших многоэтажных зданий (8 и 9 этажей в данном случае) пропорций и принципов построения двух- и трехэтажных классических зданий, так как это очень легко может привести к нарушению масштабности.

Из отдельных моментов решения фасада дома ИТР необходимо остановиться на следующем. При отсутствии входов в квартиры с улицы особое значение в здании дома ИТР приобретает проход во двор, получающий в данном случае характер «входа в здание».

Вход в дом ИТР со стороны Садовой улицы неудачно расположен на фасаде и недостаточно архитектурно выражен. Он должен был бы быть значительно более парадным.

Целый ряд возражений вызывает венчающий повышенную часть здания карниз с выносом в 2,20 м. Возможно, что автор при этом стремился защитить здание или хотя бы верхнюю галерею от атмосферных осадков, но очевидно, что даже такой припуск выноса в этих целях недостаточен. Для отвода воды с кровли карниз совсем излишен, так как здание имеет односкатную в сторону двора кровлю. С эстетической же точки зрения карниз бесспорно производил бы лучшее впечатление, в достаточной степени заканчивая здание, при меньшем выносе. Сам по себе карниз все же тонко и художественно прорисован.

Разительным контрастом этому карнизу является завершение части корпуса, примыкающего к соседнему существующему зданию. Автор в этой части здания отказался от карниза с выносом, несмотря на его конструктивную необходимость, чтобы обеспечить непосредственное примыкание к соседнему зданию, также лишенному карниза. Но данное решение неудачно, так как плохо «завершает» впечатление от этой части фасада.

Стремясь внести разнообразие в скучноватую плоскость фасада, архитектор вводит в основной объем две поджии, которые в ритмическом нарастании подводят зрителя к углу.

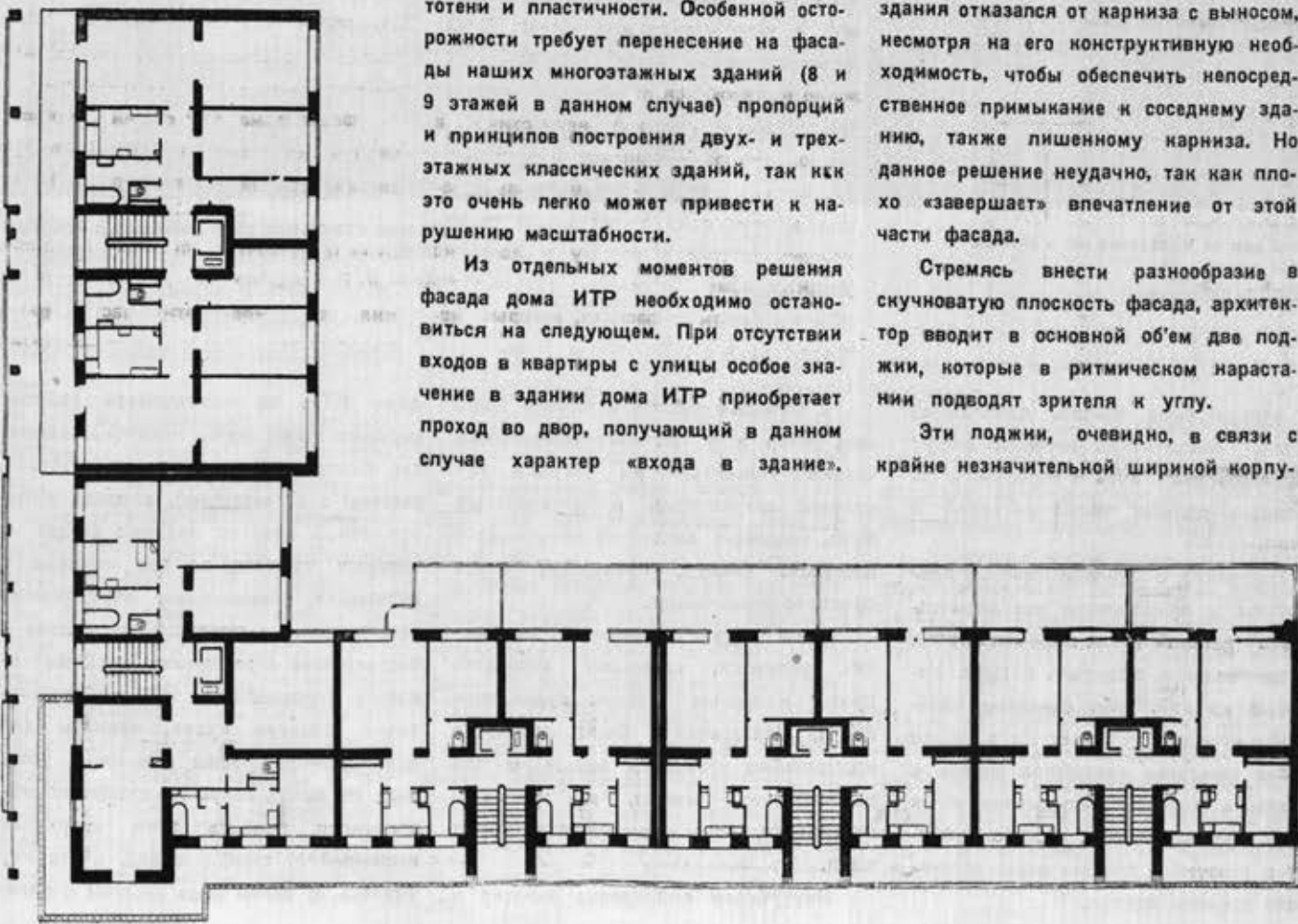
Эти поджии, очевидно, в связи с крайне незначительной шириной корпу-

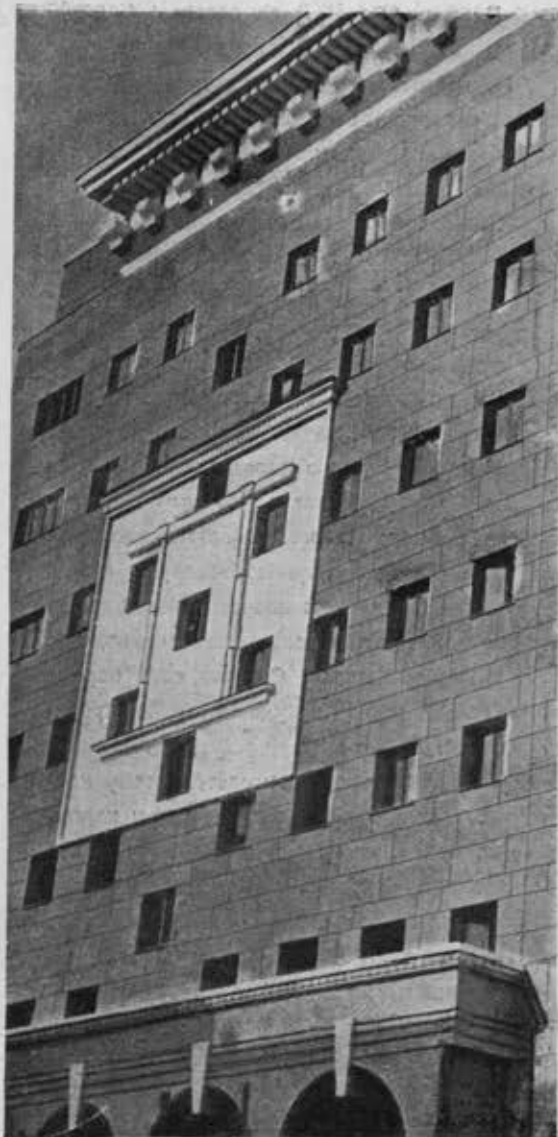
Жилой дом на Колхозной пл.
в Москве. План 3-го этажа

Арх. Д. Д. Булгаков

Maison d'habitation
place Kolkhoznaja à Moscou
Plan du 3-ème étage

Arch. D. D. Boulgakov

Жилой дом на Колхозной пл. в Москве
 Детали фасада
 Арх. Д. Д. Булгаков

Maison d'habitation place Kolkhoznala à Moscou
 Détails de la façade
 Arch. D. D. Boulgakov

са, нельзя было сделать достаточной глубины. Впечатления глубины автору не удалось достигнуть и обработкой поверхности лоджий иной фактурой и цветом.

Тщательно, с большой любовью проработаны и прорисованы все архитектурные детали здания — наличники, детали балконов, капители и проч. Некоторые из них, увы, слишком напоминают копии с узражей. Но в общем глубоко серьезное отношение автора к деталям и хорошее выполнение их в натуре привело к тому, что это вуалирует в известной степени даже органические дефекты здания.

С большим тактом и вкусом подошел автор и к цветному оформлению здания. Принятый им светлый тон цветной штукатурки и двухцветный фриз, вносящий некоторое оживление в плоскость фасада, производят очень приятное впечатление.

Особо следует остановиться на плоских рельефах, которыми обработан проезд в здание (работы художницы А. Н. Машутиной). Выполненные в чрезвычайно мягкой и вместе с тем выразительной манере, эти рельефы, несомненно, очень приятно акцентируют в'езд.

Внутренняя планировка квартир в

Доме ИТР, за исключением квартир верхнего этажа (здесь некоторые комнаты, благодаря повышенной высотности, решены с антресолями), а также пятикомнатных квартир крайних секций, в которых имеются по две комнаты с колоннами, увенчанными коринфскими капителями, — по существу решена в соответствии с голодными нормами типового строительства 1932 г. Недостаточна площадь кухни, комнаты для домработницы, тесны ванные и уборные. Но автор, сохраняя старые нормы, стремился придать этим квартирам отличный от стандарта вид, и это ему удалось. В целом ряде деталей и мело-

чей, начиная от встроенных буфетов, книжных шкафов и гардеробов и кончая зеркалом и стеклянной полкой в ванной, проглядывает забота о будущем жилье дома.

Значительно более неблагоприятная и, пожалуй, не менее трудная задача выпала на долю арх. Д. Д. Булгакова, который должен был привести в приличный вид или, как принято говорить, «оформить» дом специалистов на Колхозной площади. Это была коробка из теплого бетона, совершенно лишенная каких бы то ни было архитектурных качеств, коробка с безнадежно унылой сеткой крохотных оконных проемов, освещающих обращенные на главные фасады кухни и уборные.

Надо было обладать известным мужеством, чтобы взяться за такой неблагоприятный труд и терпеливо довести его до конца.

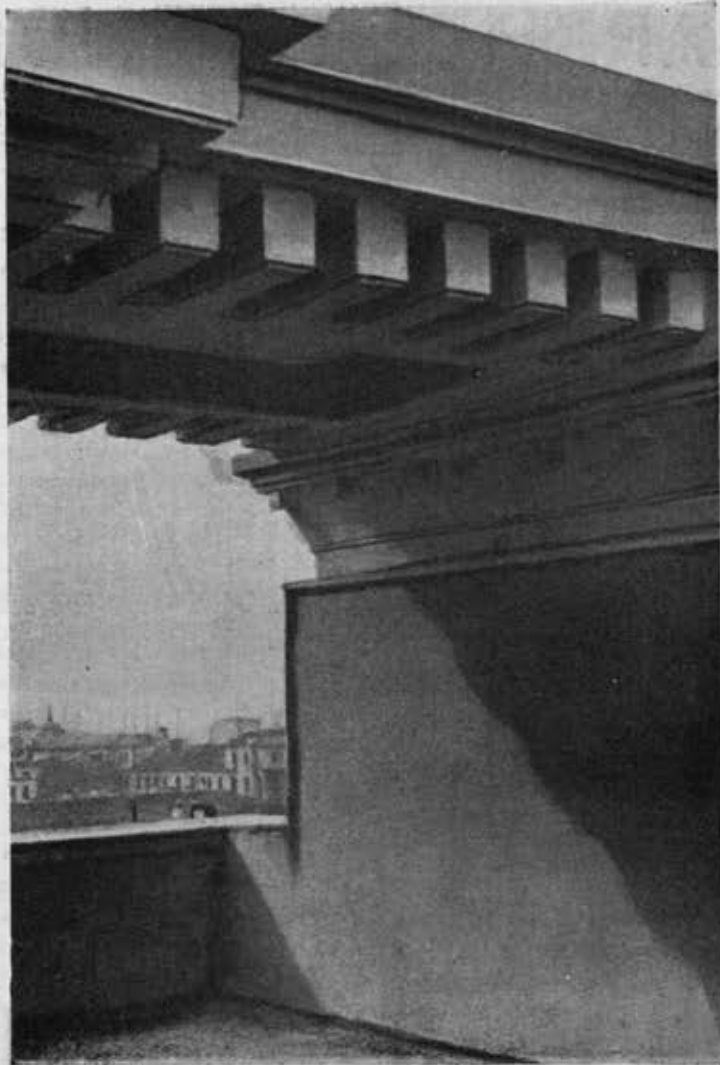
Выведенные в натуре стены чрезвычайно ограничивали возможности их архитектурной реконструкции. Не представлялось возможным даже забивать костыли для наметов штукатурки, изменить оконные проемы и т. д. Автору оформления в результате значительных усилий удалось изменить убийственный вид этой коробки, «украсить» ее. Зданию на Колхозной площади сейчас нельзя отказать даже в известной живописности.

Естественно, что нельзя подходить с обычными критериями к этой работе, каждая деталь которой является по существу наносным декоративным украшением.

Работы по оформлению фасадов еще полностью не закончены: не облицован цоколь, не поставлена скульптурная группа на углу здания, и поэтому и наши суждения носят до известной степени предварительный характер.

Но все-же думается, что если бы арх. Булгаков несколько строже отнесся к своей задаче, если бы он подошел несколько принципиальнее к выбору деталей, он добился бы в своей работе значительно большего эффекта. В результате же недостаточно критического выбора средств оформления и его отдельных деталей фасады кажутся из-

Карниз

Corniche

лишне перегруженными и чрезмерно нарядными.

Отказавшись от горизонтальных членений здания, стремясь облегчить его тяжелый объем, автор пошел по пути создания на плоскостях фасада ряда композиционных пятен, используя для этой цели как пластические средства, так и цвет.

Нужно признать, что удачное чередование гладких белых поверхностей с разрезанной на куски цветной штукатуркой в значительной степени устранило монотонность фасада.

Случайно размещенные эркеры лестничных клеток архитектор объединил по низу балконами, которые служат основным композиционным пятном на фасаде по Колхозной площади.

Для большей выразительности этого пятна его плоскость завершена карнизом и рядом круглых отверстий в наличниках.

Судя по макету, далеко недостаточно выражены на фасаде входы в квартиры, за исключением центрального, объединенного со входом в магазин.

Интересно решен балкон по Ананьевскому переулку: он лежит на аркаде, которую в свою очередь несут кронштейны, к сожалению, чрезмерно плоские.

Д. Д. Булгаков доказал на этой работе свою несомненную изобретательность, но при недостаточно строгом подходе к выбору средств эта изобретательность иногда приводит его к излишней декоративности.

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

КАК РАЗВИВАЛСЯ КРУГ ЗНАНИЙ АРХИТЕКТОРА¹

ВИТРУВИЙ, АЛЬБЕРТИ, РОНДЕЛЕ

Ю. К. МИЛОНОВ

«Несчастьем нашего времени, — писал Вюльле де Дюк в своей замечательной книге «Рассуждения об архитектуре», — является убеждение, что архитектурное провидение можно создать, руководствуясь одним лишь воображением, одной лишь фантазией, подчиняясь единственно так называемому вкусу, одним словом так, как создается туалет красной женщины».

Эта характеристика одного из наиболее глубоких архитекторов-мыслителей XIX столетия не потеряла своей остроты до настоящего момента. Тем более поучительно вспомнить, что деятели великих архитектурных эпох прошлого, кроме воображения, фантазии и вкуса, владели еще глубокими знаниями и стояли на чрезвычайно высоком культурном уровне.

Мы проследим здесь, как формулировался и мотивировался круг знаний архитектора в древнем Риме, в Италии эпохи Возрождения и во Франции периода промышленного капитала.

Начнем с Рима. Автор единственного, дошедшего до нас античного трактата по архитектуре, римский строитель времни Цезаря и Августа — Марк Поллион Витрувий сохранил нам подробную и обстоятельно мотивированную формулировку профиля знаний тогдашнего римского архитектора.

«Архитектура, — пишет он во введении к своему труду, — это такая наука, с которой должно быть связано множество различных других наук и знаний. Архитектор должен уметь писать и рисовать,

¹ Из материалов по теме «Строительная техника и архитектура», проработанной автором во Всесоюзной академии архитектуры.

быть искусным в арифметике и геометрии, а также знать оптику; основательно знать историю и хорошо философию; кроме того ему надо еще иметь понятие о музыке и знать хоть слегка медицину, юриспруденцию и астрономию».

Для того, чтобы составить представление о степени учености тогдашнего архитектора, достаточно вспомнить, что даже у греков высшее образование сводилось к изучению рисования, геометрии, астрономии, географии, риторики и философии. В Риме же высшее образование включало в себя, кроме грамматики и риторики, еще геометрию и астрономию. Архитектор должен был быть (и фактически был) самым ученым человеком того времени.

Недаром Витрувий, перечислив все необходимые для архитектора знания, оговаривается: «Может быть невеждам покажется непонятным, как это разум и память одного человека могут охватить все эти многочисленные знания». И он считает своим долгом привести доказательство того, что такая энциклопедическая подготовка вполне возможна. «...Если они заметят, — пишет Витрувий, — что все науки имеют некоторые общие элементы и связаны между собой, то убедятся в возможности этого... И кто учился с детского возраста, тот легко поймет это...» Итак, занятия архитектурой требовали больших и всесторонних знаний, которые предполагали очень длительную подготовку.

Но Витрувий не ограничился простым определением круга знаний архитектора, а дал самые обстоятельные мотивировки каждому пункту. «Чтобы не позабыть, что ему надо делать, он должен иметь обстоятельные записи и для этого уметь хорошо писать».

Записей приходилось делать немало. Прежде всего, самый подряд на строительные работы оформлялся в виде письменного договора, содержавшего перечень предоставленных государством предпринимателю материалов, указывавшего сферу применения каждого материала, определившего конструкции вплоть до мельчайших деталей, оговаривавшего тонкие работы, от которых подрядчик имел стремление отвертеться. С другой стороны, от строителя требовали письменного отчета о сделанных расходах.

Из греческой строительной практики сохранились образцы договоров и отчетов, которые обычно высекались на мраморе. Это договоры на постройку арсенала в Пирее, на реставрацию стен в Афинах, отчеты о постройке Эрехтейона и ряда других храмов. Такого же рода договоры и отчеты, но только записывавшиеся на пергаменте или папирусе, были и в Риме. Эти свитки, написанные чернилами при помощи очиненной на подобие позднейшего гусиного пера тростниковой палочки («калимус»), хранились в цилиндрической деревянной коробке (канса). Роль блокнота для текущих записей выполняли наощепленные деревянные таблички, соединенные на подобие книжного переплета. На них писали железным стержнем (стилем).

«Должен уметь рисовать, чтобы мог по сделанным рисункам лучше... соорудить здания, которые он строит».

Само собой разумеется, что большие по размерам, сложные по композиции и тщательно рассчитанные в отношении пропорций и ритмов здания невозможно было построить без точных чертежей, изображающих здание в различных проекциях. Витрувий говорит о трех проекциях — сценнографии или перспективе, икнографии или плане и орфографии, т. е. разрезе. Греческие названия этих трех проекций указывают на то, что они заимствованы Витрувием у его греческих учителей, писателей александрийской школы. Таким образом, подтверждается неосновательность тезисов некоторых наших историков архитектуры, утверждающих, что греческие архитекторы якобы не знали чертежа, обособленного от сооружения, чертежа в близком к современному смыслу этого слова.

«Геометрия окажет ему большую услугу, научив, как использовать линейку и циркуль, как выводить строение в соответствии с чертежом и как строить стены по угольнику и ватерпасу».

К моменту, когда писал Витрувий, основы геометрии были изложены в знаменитых «Началах» александрийского математика Евклида, жившего на рубеже IV и III вв., и в книге о конических сечениях математика III столетия Аполлония из Перги. В отличие от греческих ученых,

которые рассматривали геометрию как «орудие для философии» (выражение ученика Платона Ксенократа), римляне интересовались ее техническим применением. В эпоху Витрувия в Риме были особые школы геометрии. Однако, его старший современник Цицерон говорил, что римляне свели геометрию к искусству измерять и изучали скорее ремесло землемера, чем науку геометра. Витрувий из области геометрии в своем трактате знакомит читателя с пифагоровой теоремой, задачей удвоения квадрата, со способами градуирования солнечных часов, с черчением спирали, воспроизводящей ионическую волюту, с задачей удвоения куба. Эта последняя задача не могла быть решена при помощи циркуля и линейки, но на способах ее решения посредством конических сечений он не останавливается.

«Оптика покажет ему, как правильное располагать окна и освещать строение в соответствии с расположением стран света».

Из предшественников Витрувия труды по оптике оставили философ и математик III века знаменитый Демократ из Абдеры и уже упоминавшийся мной Евклид. В те времена были известны только закон прямолинейного распространения света, законы отражения света от плоских, выпуклых и вогнутых зеркал и зависимость величины видимого изображения предмета от расстояния. Пользуясь этой последней зависимостью, астроном III столетия Аристарх из Самоса при помощи очень остроумных методов, опираясь на им же определенное расстояние от земли до луны и до солнца, измерил диаметры этих астрономических тел.

Греческие архитекторы разработали целую систему приемов создания оптических иллюзий. В зависимости от оптических условий они по-разному профилировали детали. Они закругляли профили, находившиеся на ярком свете, и, наоборот, придавали им угловатые и резкие очертания в полутени или в рассеянном свете. Выгибанием архитрава и стилобата вверх греческие архитекторы устраняли иллюзию их провисания, утолщением середины колонны компенсировали кажущийся перехват ее ствола и т. п.

Проблема расположения окна — специфически римского происхождения. Она была поставлена переходом от верхнего окна к боковому. При этом возник вопрос об ориентации здания, не имевшей значения при верхнем окне, и о высоте окна, которая стала безразличной при увеличении пролетов здания. Поэтому Витрувий, повторяя все греческие предписания относительно исправления неблагоприятных оптических иллюзий, дает ряд рецептов

„Мавзолей, поставленный царю Мавзолу его вдовой“
С гравюры
Мартина де-Во
(Из коллекции
берлинского
гравюрного кабинета)

„Mausolée élevé au roi Mausole par sa veuve“
D'après la gravure
de Martin de-Vos
(De la collection
du Cabinet
de la gravure à Berlin)

„Колосс Родосский“
С гравюры
Мартина де-Во
(Из коллекции
берлинского
гравюрного кабинета)

„Colosse de Rhodes“
D'après la gravure
de Martin de-Vos
(De la collection
du Cabinet
de la gravure à Berlin)

„Эфесский храм“
С гравюры
Мартина де-Во
(Из коллекции
берлинского
гравюрного кабинета)

„Temple d'Ephèse“
D'après la gravure
de Martin de-Vos
(De la collection
du Cabinet
de la gravure à Berlin)

относительно расположения окон. Он указывает, куда располагать окнами баню, кабинет, столовую, спальню, картинную галерею и даже мастерскую золотшвей.

«Арифметика является для архитектора средством вычисления денег, необходимых для постройки здания, которое он берется возводить, и средством определения мер и пропорций, которые часто арифметически найти легче, чем геометрически».

Финансовая сторона строительства в античном мире обстоит следующим образом. Нередко подрядчик, не обладавший никаким капиталом, брался за работу, имея только платежеспособного поручителя. Эту возможность обеспечивала установившаяся в течение веков система платежей, которые производились в виде авансов; после отчета об израсходовании первого аванса подрядчик получал второй и т. д. Такая система нередко приводила к тому, что подрядчики злоупотребляли оказанным им доверием. Воспоминание об одном таком факте оставил нам римский историк Тацит. «Некто Атилий, — пишет он в своей истории Рима, — решившись выстроить в Фиделах амфитеатр для гладиаторских представлений, с одной стороны, не положил фундамента на прочном грунте, с другой — не скрепил прочными связями деревянных строил, как человек, который не имел ни избытка денег, ни желания угодить гражданам своего города, но взялся за дело для грязной выгоды». Дальше Тацит подробно описывает катастрофу, происшедшую на этой постройке. В таких условиях вопросы составления и выполнения сметы приобретали очень большую остроту.

Пропорции в эпоху Витрувия вычислялись и арифметически и геометрически. Наложившая им модульная система, когда все размеры здания и его деталей вычислялись в радиусах колонны, требовала применения арифметики. Геометрия играла здесь лишь роль средства оформления и выражения арифметически сделанных расчетов.

Но были и такие случаи, когда геометрические способы оказывались и надежнее и значительно проще. К числу задач этого рода относилась задача удвоения квадрата, которую Витрувий решает путем построения искомого квадрата, на диагонали квадрата исходного.

Тогдашняя арифметика, разработанная главным образом математиками, принадлежавшими к школе Пифагора, состояла из геометрической теории чисел и учения о пропорциях, с одной стороны, и четырех действий, с другой. При этом ее строго разделяли на теоретическую, собственно арифметику, и прикладную, которую называли логистикой. Архитектора, в особенности римлянина, интересовала именно эта

последняя и практические приемы решения пропорции.

«История дает ему материал большой части архитектурных украшений, происхождение которых он должен знать».

Сам Витрувий, в большинстве случаев совершенно фантастически повторяя существовавшие в его время анекдоты, пытается объяснить происхождение ордеров и, в частности, ордера карнатид. Но ему же принадлежит объяснение того, как дорический ордер развился из деревянной балочно-стойечной конструкции. Эта теория, безраздельно господствовавшая в науке до 20-х годов прошлого века, когда с критикой ее выступил немецкий теоретик и историк архитектуры Генрих Хюпп, снова нашла себе ярого защитника в 80-х годах в лице Дбрфельда.

«Та часть философии, которая изучает природу и по-гречески называется физикой, дает ему возможность решить множество задач, с которыми он сталкивается в разнообразных случаях, как, например, при сооружении водопроводов».

В качестве примера автор этих строк указывает, что воздух спирается в водопроводных трубах и что часто на первый взгляд совершенно правильно построенный водопровод на деле отказывается работать. Сведения о законах природы современники Витрувия черпали из «Физики» Аристотеля, написанной в IV столетии до начала современного летоисчисления. «Физика» представляла собой причудливую смесь гениальных догадок, грубо эмпирических обобщений и совершенно беспочвенных фантазий.

Витрувий излагает в своем сочинении и то, и другое, и третье.

«Без знания философии архитектор никогда не поймет того, что написано в книгах Ктеанбиа, Архимеда и других подобных писателей».

Чтобы составить представление о трудности, с точки зрения их понимания, работ Архимеда, достаточно познакомиться с сочинением «Псаммит или исчисление песчинок, заполняющих сферу, равную сфере неподвижных звезд». Здесь Архимед при помощи изобретенного им способа точного обозначения и классификации бесконечных цифровых рядов пытался разрешить противоречие между потребностью вычислительной астрономии в неограниченном количестве чисел и цифровой ограниченностью греческой системы счета. Но в трудах того же Архимеда трактовались и такие глубоко интересовавшие строителей вопросы, как закон рычага, проблема удельного веса, величина числа π и т. д. И единственным путем, открывавшим доступ к сочинениям этого замечательного мыслителя, являлось изучение философии.

«Что касается музыки, то ее архитектор должен знать в совершенстве, так как без нее он не будет знать канонической и математической пропорции, что необходимо при вытравливании должным образом военных орудий... Знание музыки необходимо еще для правильного расположения медных сосудов, которые ставят под театральными ступенями».

Необходимость знакомства с медициной Витрувий мотивирует тем, что архитектор должен знать «качество воздуха» и «разные свойства вод». Он с одобрением рассказывает о своих предшественниках, которые делали заключения о санитарном состоянии местности по состоянию печени живущих в ней животных. Осведомленность в юриспруденции Витрувий обосновывает тем, что без этого невозможно правильно решить вопросы о «возведении смежных стен», о «расположении стоков и отхожих мест», о виде на здание и панораме, открывающейся из здания. Витрувий подчеркивает, что предусмотрительность архитектора может предотвратить многие конфликты и судебные тяжбы. Наконец, астрономию он рассматривает как науку, помогающую сооружать солнечные часы.

Таков профиль древнеримского архитектора. Можно без колебаний сказать, что это был самый культурный и самый образованный человек своего времени. Таким его делала специфическая особенность архитектуры, как синтеза науки, искусства и техники.

Витрувий и, надо надеяться, его читатели тоже понимали, что архитектор должен мыслить не только глазом, но и головой. В отличие и от чистых теоретиков (греков) и от ограниченных практиков (своих соотечественников) Витрувий ясно видел необходимость тесной связи теории и практики.

«Строители, которые, пренебрегая наукой, стремятся к одной лишь технической спорок, никогда не создадут образцовой работы, — писал Витрувий. — И, наоборот, те архитекторы, которые целиком уходят в вычисления и науку, гонятся за тенью, а не за действительностью. Только тот, кто сочетал теорию с практикой, вооружен как следует, и только он при общем одобрении достигнет цели им себе поставленной».

Теоретик эпохи Возрождения Леон Баттиста Альберти, работавший под громадным влиянием Витрувия, тем не менее не просто повторил своего учителя.

«Великая вещь архитектура, — пишет Альберти, — и не всем можно браться за нее. Необходимо иметь высочайшее дарование, величайшее прилежание, лучшее знание, огромнейший опыт, в особенности же зрелое и неспорченное суждение то»

му, кто осмеливается назвать себя архитектором». Такая общая оценка архитектуры и сознание величайшей ответственности вытекает у него из глубокого понимания того факта, что архитектурное произведение живет более чем одно поколение. «Сколько похвал, сколько выгоды он, — говорит про архитектора Альберти, — получит даже от потомства, если исполнит свой долг как следует. И, наоборот, сколько порицаний, сколько презрения он на себя навалит, если примется неумело и неосмотрительно, и насколько извительное, насколько очевидное, наглядное и неуничтожаемое свидетельство своей глупости он оставит человеческому роду».

Не затрагивая всех поставленных в этом отрывке вопросов, я ограничусь только необходимым архитектору комплексом знаний.

«Из всех искусств, — говорит Альберти, — важны, более того, совершенно необходимы, для архитектора следующие: живопись и математика. Я не требую, чтобы он был сведущ и в остальных. Ибо, если кто скажет, что архитектор должен быть юристом, чтобы знать законы об отводе вод и межевании, порядок ведения тяжб и многое другое, связанное со строительством, я такого человека и слушать не стану. Также и не требую и точного знания астрологии, чтобы знать, что библиотеки следует обращать к северу, а бани к западу, и не скажу, что архитектору следует быть музыкантом только потому, что в театре стоят сосуды, усиливающие звуки, или быть ритором, чтобы рассказывать заказчику о том, что предстоит сделать».

Таким образом, в эпоху Альберти учебный профиль архитектора сильно сузился по сравнению с эпохой Витрувия. В формулировках Альберти чувствуется даже раздражение против энциклопедизма, которого требовал Витрувий, и стремление освободить архитекторов от целого ряда знаний.

На первый взгляд это кажется противоречащим самому «духу времени», которое выдвинуло как раз целый ряд строителей, проявивших такого же рода познания. Наиболее яркой в этом отношении фигурой является младший современник Альберти — Леонардо да Винчи. Прекрасное представление о диапазоне его интеллектуальных исканий и возможностей дает его письмо к герцогу Сфорца, бывшее заповедником о приеме на службу.

«...Перечисляю вашей светлости, — писал этот замечательный человек, — некоторые из принадлежащих мне секретов:

1. Знаю способ постройки весьма легких переносных мостов для военных целей и еще других более прочных, которые могут противостоять огню и присту-

пам, но в то же время устанавливаются и разбираются. Знаю также средства сжигать и разрушать неприятельские мосты.

2. На случай осады какого-либо города я знаю, как отводить воду из рвов и как делать штурмовые лестницы и тому подобные приспособления.

3. Если же вследствие недоступности нельзя бомбардировать крепость, то я знаю, как подводить мины под крепость, у которой фундамент не из камня.

4. Могу также построить такую легкоперевозимую пушку, которая кидает горючие вещества, причиняющие громадный урон в неприятеле и наводящие ужас своим дымом.

5. Могу проводить без всякого шума подземные проходы под рвами и реками.

6. Могу устроить крытую новозку, которая, врезавшись в ряды неприятеля, расстреляет самое храброе войско и обеспечит наступление пехоты.

7. Там, где невозможно пользоваться пушками, я могу заменить их машинами для метания стрел и катапультами удивительной силы и до сих пор неизвестными. Одним словом, я сумею найти, при каких угодно условиях, бесконечные средства для атаки.

8. А для действий в море в моем распоряжении имеются величайшей силы снаряды и корабли, могущие противостоять самому сильному огню.

9. В мирное время я никому не уступлю, как архитектор, в сооружении общественных и частных зданий и устройстве водопроводов. Могу также производить скульптурные работы из мрамора, бронзы и терракоты. По части живописи также могу поспорить с кем угодно».

Этот энциклопедизм был характерен для гениев той эпохи, когда закладывались основы будущего господства буржуазии. Они, по словам Энгельса, были «чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными». Осуществление дальних путешествий, знание нескольких языков и работа в нескольких областях науки и искусства были характерными чертами гениальных людей того времени. Возможность такой подготовки архитектора не отрицал и Альберти, который сам был представителем мыслителей именно этого сорта. «Впрочем, — говорит Альберти, — если он будет и более осведомленным, я порицать этого не стану».

Но трактат «О зодчестве» писался не для гениев, а для широкого круга людей, сделавших архитектуру своим ремеслом. Не случайно, что автор его подчеркивает, что зодчий должен всячески избегать легкомыслия, упрямства, хвастовства, несдержанности и всего того, что уменьшает расположение граждан и увеличивает их

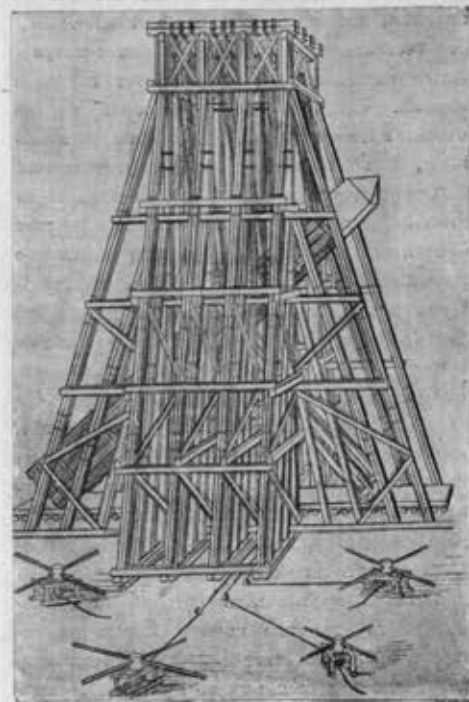

Инженер. Гравюра 1751 г.

Ingénieur. Gravure de 1751

Передвижка обелиска на площади св. Петра в Риме по проекту и под руководством Доменико Фонтана (1586 г.)

Déplacement de l'obélisque sur la place de St-Pierre à Rome. Projet et direction de Domenico Fontana (1586)

неванность», и выражает желание, чтобы архитектор «поступал так, как люди, занимающиеся науками: ведь никто не считает себя достаточно искусственным в науках, если не перечитал и не изучил всех авторов, даже плохих, писавших по тому предмету, которым он занимался».

А время Альберти было эпохой, когда начинала складываться и развиваться мануфактура, эпохой, когда все более и более усиливалась специализация. И очагом этих первых шагов мануфактуры была именно Италия. Марк очень часто подчеркивал, что «первые зачатки капиталистического производства имели место уже в XIV и XV столетиях в отдельных городах по Средиземному морю». Эта зарождавшаяся специализация не могла не оказать влияния на сочинение Альберти.

Ограничивая круг знаний архитектора, Альберти требовал основательности этих знаний. «Но в живописи и математике, — читаем мы в его трактате, — он нуждается не меньше, чем поэт в словах и стихах, и я не знаю, достаточно ли быть сведущим в этом только слегка». Необходимость основательных знаний в пределах своей специальности Альберти мотивировал ссылками на то, что только таким образом можно гарантировать себя от грубых ошибок. Резюмируя свой собственный опыт, он рассказывает, как при вычерчивании построенного «в уме» плана зданий «находил грубейшие ошибки в той самой части, которая мне правилась больше всех», а когда «обдумывал начерченное и начинал все определять в числах, убеждался в своем непонимании и исправлял ошибки». Наконец, при сооружении моделей и образцов и изучении их деталей он находил, что его «обмануло и число».

Однако, имея в виду уровень читателя, Альберти делает оговорки насчет глубины знаний. «...Я не хочу, — пишет он, — чтобы архитектор был Зевкисом в живописи, или Никомахом в науке чисел, или Архимедом, когда трактует о линиях и об углах. Достаточно будет, если он усвоит элементы, вложенные нами в книги о живописи, приобретет из математики опытность в том, что придумано на пользу по части углов, чисел и линий, а также усвоит и то, что об измерении тяжестей, поверхностей и тел...»

Зевкис был греческим художником, жившим на рубеже V и IV вв. до начала современного летоисчисления. О его изумительном мастерстве, образчики которого не дошли до нашего времени, сохранились легенды. Сохранился рассказ, что для своей картины, в которой центральное место занимала царица Елена, он использовал в качестве натурщи пять красивейших девушек города Кротона. И ком-

бинируя их формы, будто бы создал не встречавшийся в действительности идеал женской красоты. До нас дошла легенда будто Зевкис так реалистически изобразил виноград, что обманутые поразительным сходством птицы прилетели клевать ягоды.

Никомах из города Герасы, находившегося на границе Персии и Аравии, математик начала II века современного летоисчисления, был последователем Пифагора. Его сочинение «Введение в арифметику в двух книгах» пользовалось большой популярностью в древности. Греческие математики последующих поколений, Прокл и Филолон написали на нее комментарии. А римские писатели Анулей и Боэций перевели ее на латинский язык. В эпоху средневековья арифметика Никомаха пользовалась такой же известностью и таким же авторитетом, как сочинения Аристотеля и Птолемея. Представляя собой полную сводку арифметических знаний древних греков, книги Никомаха содержат изложение пифагоровой геометрической теории чисел, где число выражается геометрической фигурой и поэтому числа разделяются на линейные, квадратные, кубические, многоугольные и т. п. В этой книге содержится теорема о сумме членов арифметической прогрессии, состоящей из последовательного ряда нечетных чисел, от единицы до произвольного числа, и теорема о том, что сумма равна квадрату количества членов такой прогрессии. Эта последняя теорема имела для архитектора большое значение, потому что давала правила построения рациональных прямоугольных треугольников. Принимая за величину меньшего катета произвольное нечетное число, из квадрата этого числа вычитали единицу и, дели остаток пополам, получали величину большого катета. Прибавляя к большому катету единицу, находили величину гипотенузы. Подобным же образом из других арифметических прогрессий Никомах получал разного рода многоугольные числа.

Наконец Архимед Альберти рассматривает не как механика и исследователя в области теории чисел, а как геометра. Действительно, вычисление площадей и объемов, ограниченных кривыми линиями и кривыми поверхностями, было областью, где Архимед сделал свои наиболее глубокие открытия. Он открыл, что площадь круга равна площади треугольника, у которого основание равно развертке окружности, а высота—радиусу круга. Он нашел, что объемы цилиндра, шара и конуса, имеющих одинаковые основания (для шара это будет площадь большого круга) и одинаковую высоту (в шаре это будет диаметр) относятся между собой как 3:2:1. Архи-

мед вычислил квадратуру параболы, исчерпав ее площадь суммой большого количества все уменьшающихся треугольников. Кубатуру коноводов и сферондов он определял как среднее арифметическое суммы вписанных и описанных цилиндров с очень мало отличающейся площадью основания и одинаковой высотой, очень малой величины. Архимед открыл и доказал геометрические свойства спирали, построенной его другом Кононом, но получившей название архимедовой спирали. Он показал, что площадь первого витка спирали составляет третью часть площади описанного около него круга, площадь второго $\frac{7}{12}$ аналогичной площади, третьего $\frac{19}{15}$ и т. д.

Кроме всего прочего Архимед написал трактат о конических сечениях, который, по словам математика более поздней эпохи Гераклида, лег в основу сочинения Аполлония, считавшегося долго классическим трудом по этому предмету.

Не требуя от рядового архитектора такой глубины знаний, как у Никомаха и Архимеда, и такой высоты искусства, как у Зевкиса, Альберти, тем не менее, предполагал у него серьезную научную основу.

Источником тогдашних знаний по геометрии и математическим основам живописи были переводы и оригинальные труды современника Альберти Луки Паччиоли из Бурго. Он перевел на итальянский язык и издал сочинение Эвклида. Это было первое издание Эвклида, напечатанное в тогдашней Европе. В своем сочинении «Сумма арифметики, геометрии, пропорции и пропорциональности» он дал энциклопедию теоретической и прикладной математики, включая и учение об уравнениях до уравнений второй степени включительно. Наконец, он написал книгу «О божественной пропорции», где изложил зависимость между отрезками прямой, разделенной в гармоническом отношении четырьмя точками. В своих сочинениях Паччиоли приводит, между прочим, прогрессию, изученную итальянским математиком XIII века Леонардо Фибоначчи из Пизы и известную под названием «ряда Фибоначчи», прогрессию, пользовавшуюся большой популярностью у архитекторов эпохи Возрождения.

Явления тяготения, знание которых было так важно для архитектора в те времена, еще не понимали так, как поняли в XVIII веке после исследований Галилея и Ньютона. Знали сформулированный Архимедом закон равновесия рычага, законы касающиеся центра тяжести. Но понятия массы и веса еще смешивали. И держались взгляда Аристотеля, что существуют тела абсолютно тяжелые и абсолютно легкие и что скорость падающего тела рав-

померна и притом пропорциональна его массе.

Таким образом, эпоха Возрождения сузила круг знаний архитектора, превратив его из универсала, каким он был в древнем Риме, в специалиста определенной отрасли, и притом очень основательно образованного специалиста.

Совершенно иначе сложились требования к архитектору в эпоху промышленного капитала.

«...С этого момента», — писал автор классического пятитомного труда по строительному искусству Ронделе (т. е. с момента ожесточенных ученых споров относительно конструкции купола Парижского Пантеона), — «убедились в возможности сочетать эстетику здания с его конструкцией. До сих пор считалось, что главная цель — построить прочное здание, искусно и экономно, используя лишь то количество заранее выбранных строительных материалов, которое для этого необходимо. И действительно, для всех в этом — первое условие красоты здания и его совершенства. Это с точки зрения строительного искусства вызывает восхищение уже по одному тому, что дает гарантию долговечности здания. Строительное искусство заключается в удачном применении точных наук в использовании свойств материалов. Строительство становится искусством, когда знания теории и практики объединяются и руководят строителем во всех производимых им строительных операциях. При помощи теории художественному строительству удается определить формы и точные размеры для каждой части здания, их взаимное расположение и величину усилий, которым им придется противостоять, и на основании всех этих данных обеспечить зданию надлежащие пропорции, прочность и экономичность при постройке... Все это автор старался объединить в своем труде, с целью получить трактат, содержащий все сведения, наиболее необходимые как архитектору, так и лицам, которым поручено производить строительные работы».

Ронделе — крупнейший строитель-практик, достроивший парижский Пантеон и применивший в этом сооружении принцип армо-каменной конструкции, который сейчас так основательно разработал проф. В. П. Некрасов. Это автор наиболее авторитетного и в то же время наиболее популярного курса строительного искусства, который, будучи впервые издан в 20-х годах XIX века, передавался в течение полувека, а расчетные формулы которого встречаются еще и в современных учебниках строительного дела. Наконец, Ронделе является чрезвычайно глубоким предшественником Влодце де Дюка. Его

пятитомное сочинение наполнено историческими экскурсами, ссылками на Витрувия, Альберти и Палладио и выдержками из их сочинений.

Первым затруднением, с которым пришлось столкнуться архитекторам в эпоху, предшествовавшую Ронделе, было отсутствие способов точного изображения на плоскости тела трех измерений. Правда, правила линейной и воздушной перспективы и правила светотеней позволяли выполнять вполне удовлетворительные живописные изображения, но они, удовлетворяя глаз широкого зрителя, были недостаточны для архитектора и инженера, которым были нужны точные величины отдельных частей рисунка.

Старые архитекторы выполняли такие рисунки, руководствуясь отчасти инстинктом и отчасти накопленным практическим опытом в виде альбомов готовых чертежей. При этом каждый имел свои секреты, и в печатных руководствах нередко встречались с нашей точки зрения очень странные вызовы такого сорта: «бьюсь об заклад на 20, 50, даже на 100 тысяч ливров, что мои способы самые точные». В этих условиях архитектор находился в рабской зависимости от своих альбомов и был совершенно беспомощен без них. «Если бы у какого-нибудь архитектора, — пишет секретарь французской Академии наук, современник Ронделе — Франсуа Араго, — пропал его портфель, то он не знал бы что делать, отказался бы от своего ремесла».

И мысль математика с конца XVII столетия упорно работала над разрешением этой задачи. Известный французский архитектор и геометр Дезарг соединил правила черчения с элементарной геометрией и создал новую отрасль науки, получившую название стереотомии. Однако, сложность этих методов и их непонятность для простых каменщиков и плотников не удовлетворили современников. «Если алгебраист, — писал по этому поводу Араго, — при каждой задаче, относящейся к умножению, делению, извлечению корней, будет объяснять правила знаков, то он попадет на ту трудную дорогу, по которой ходили старые стереотомисты».

Поэтому великий математик середины XVIII столетия Леонард Эйлер разработал теорию сечений различной кривизны. Он доказал теорему, что все разнообразные формы поверхностей имеют общий характер, т. е. во всякой точке, взятой на какой угодно поверхности, два нормальных сечения наибольшей и наименьшей кривизны, перпендикулярных между собой, и зависимости промежуточных сечений от этих двух основных сечений выражаются простейшим законом. Эта теорема Эйлера

дала пределы, из которых не выходит кривизна поверхностей, несмотря на все их бесконечное разнообразие.

Но архитектору и инженеру-строителю была важна не столько степень уравнения поверхности и вообще ее алгебраическая иерархия, сколько ее геометрическое происхождение. Поэтому и открытие Эйлера не удовлетворило строителей-практиков. Эту задачу удалось разрешить в 70-х годах XVIII столетия Гаспару Монжу, тогда молодому преподавателю артиллерийской школы в Меэзе. Имея в виду практические интересы архитектурно-строительного дела, он дал новую классификацию поверхностей, на основе их геометрического происхождения, игнорируя при этом их алгебраическую иерархию. Он проанализировал таким образом свойства конических поверхностей, поверхностей вращения и т. п. Не ограничиваясь изучением элементарных или бесконечно малых дуг сечений, как это делал Эйлер, Монж исследовал сечения на всем их протяжении. Он обнаружил, что существуют только два направления, в которых проведенные нормали встретятся друг с другом, и эти взаимно перпендикулярные направления Монж назвал линиями кривизны. Созданная, таким образом, новая наука, начертательная геометрия дала прекрасные средства для решения тех задач, над которыми мучились архитекторы и инженеры-строители. «Начальники школы, — пишет Араго, — говорили, что не должно помогать иностранцам. Пусть они остаются при своем неведении, пусть оцупно производят свои постройки, переламывают их по несколько раз, не имея возможности сообщить им надлежащей прочности; искусство строить скоро и прочно пусть навсегда останется достоянием французских военных школ инженеров».

Так открытие Монжа устранило первое затруднение, стоявшее на пути архитектора-строителя конца XVIII и начала XIX века.

Второе затруднение, характерное для той эпохи, заключалось в том, что знание действия сил в отдельных элементах сооружения было совершенно недостаточно для определения наиболее целесообразной формы сооружения в целом.

Строители конца XVIII столетия знали теорию поперечного изгиба, завершенную в 1708 году французским ученым Параном и экспериментально проверенную в конце столетия Дюамелем. Была известна разработанная Эйлером теория продольного изгиба. Наконец, Кулон в своем труде «Теория простых машин» дал первую удовлетворяющую практическим требованиям формулировку теории сводов. Он же исследовал вопрос о реакции грунтов. При расчетах пользовались понятием упругой ли-

нии, введенным в науку Якобом Бернулли и дифференциальным уравнением этой линии, разработанным Эйлером.

«Математикам прошлого столетия, — писал обо всех таких исследованиях Ронделе, — принадлежит честь постановки и решения этих трудных вопросов. Первым объектом их исследований была теория сводов. Представившийся вскоре удобный случай для применения результатов этой теории к постройке наиболее монументального сооружения современности показал, насколько важно знание принципов, на которых основано искусство возведения зданий. В куполе собора Петра в Риме произошли многочисленные разрушения. Многие архитекторы и инженеры, введенные в заблуждение ложными теориями, уже начали сомневаться в прочности самого здания, когда папа Бенедикт XIV призывал маркиза Полени, ученого профессора из Падуи, и поручил ему исследовать этот сложный вопрос. После тщательного исследования фактов, а также разбора мнений, существовавших по этому предмету, этому искусному ученому удалось совершенно рассеять все опасения, возникшие вследствие получившихся разрушений, и доказать на примере настолько же убедительном, насколько остроумном, полную устойчивость этого прекрасного здания».

Приведенная выдержка из Ронделе очень хорошо характеризует тот период, когда отсутствие общей теории сооружения заставляло предпринимать теоретические исследования и проводить теоретические дискуссии по поводу каждой конкретной постройки. Положение несколько напомнило то, о чем говорил Араго по адресу стереотомистов. Остро чувствовалась потребность объединения всех имевшихся к тому времени открытий по строительной механике в цельную и целостную теорию сооружения.

Эта задача была разрешена в 1790 году директором Парижской школы дорог и мостов Пронив, который впервые систематически изложил теорию сооружения.

Наконец, третьим затруднением для архитекторов и инженеров-строителей конца XVIII столетия было отсутствие разра-

ботанного учения о сопротивлении материалов. «Способ, каким большинство наших авторов по механике, — писал английский инженер-строитель начала XIX века Томас Тредгольд, — смотрит на сопротивление материалов, повел некоторым образом и практиков, которые хотели идти по тому же пути, на ложную дорогу и дал повод для насмешливой поговорки, что прочность сооружения обратно-пропорциональна учености его строителя».

Хотя в это время были уже известны открытая в 1676 году Робертом Гуком зависимость между удлинением, площадью сечения и приложенной силой и определенные в 1807 году Томасом Юнгом модули упругости, тем не менее, большинство ученых разрабатывало практическую механику чисто теоретическим путем. Они выдвигали гипотезы и недооценивали значение экспериментальной проверки своих построений.

И под давлением неудач и под напором общественного мнения ученые начинали работать над экспериментальным изучением материалов.

Вот как Ронделе рассказывает об этих первых работах своего учителя Суффло. «Прежде чем самому заняться экспериментальной работой, Суффло, зная, что подобные опыты уже производились Бюффлоном, решил с ним посоветоваться относительно наиболее рационального способа производства такой научно-исследовательской работы. В своих объяснениях Бюффлон признался, что он сам недоволен опытами, произведенными им над стержнями, заканчивающимися утолщениями в форме французского каблука... Когда все было подготовлено, Суффло поручил мне сделать отчет о наших приготовлениях Бюффлону; последний их одобрил. Он лично присутствовал на первых опытах».

И вот, благодаря экспериментальным работам, главным образом, самого Тредгольда, Тельфорда, Годкинсона и Ферберна, была создана новая наука — сопротивление материалов.

Эта эпоха, характерная возведением совершенно новых типов сооружений и применением новых материалов, поставила

перед архитектором целый ряд новых требований и, прежде всего, требование грамотного в техническом отношении решения архитектурной задачи. Такими новыми сооружениями были корпуса промышленных зданий, вокзалы, товарные склады, универсальные магазины и крытые рынки. А новым материалом явилось железо. И то, и другое требовало новых архитектурных форм.

Новые пути в отношении архитектурной формы начал прокладывать Ферберн. «Я один из возлагающих громадные надежды на железные стены и железные балки, — говорил он в своей лекции об успехах инженерии, — и, несмотря на то, что уже раньше очень много говорил и писал о преимуществах железа, позволю себе еще раз привлечь внимание общества к этому важному вопросу. Лет двадцать назад я построил железный дом для Галильи-паши, командующего турецкой армией в Константинополе. Мне кажется, я с уверенностью могу сказать, что это был первый постоянный в Англии дом, состоящий целиком из железа. Он изготовлялся в Лондоне в 1839 г. на Коальбрукдальских заводах».

Но надо было придать сооружениям из железа такие формы, которые соответствовали бы его молекулярному строению и тем самым его механическим свойствам. Первый шаг в этом направлении был сделан французским инженером Камилем Полонсо, который в 1840 г. показал, что эта форма определяется хорошей работой железа на растяжение.

С этого времени начинается эпоха разделения прежде соединявшихся в одном лице функций конструктора и художника между архитектором и инженером. Но разделение труда привело к органическому сотрудничеству, в котором и конструктор, и художник вместе от начала и до конца проектировали и выполняли все сооружение.

Классическим образчиком такого сотрудничества, о котором небесполезно вспомнить некоторым архитекторам и нашего времени, являются Г. Эйфель и Л. Буало. И не только вспомнить, но и поучиться. Однако об этом в другой раз.

Архитектор
К. И. Росси
(С портрета Митуара)

Architecte C. I. Rossi
(D'après le portrait
par Mitoir)

РОССИ И НИКОЛАЕВСКАЯ РОССИЯ

Н. В. ВЕЙНЕРТ

У меня одно правило: любовь и честь своего звания!

Благодаря своему исключительному дарованию и архитектурной славе, Росси был допущен к выполнению колоссальных правительственных заказов, имевших влияние на изменение облика Петербурга и требовавших от строителя большого художественного мастерства и больших технических знаний.

Это властвование Росси над городским строительством подрывало авторитет Инженерного департамента, что должно было обострить взаимоотношения последнего с талантливым архитектором. Инженерный департамент был частью государственного бюрократического аппарата, составлявшего необходимую принадлежность крепостнической монархии. Чинопочитание и субординация во взаимоотношениях, соблюдение установленных строительных форм в работах были неотъемлемой сущностью депар-

тамента. Подобно большой машине с точно прилаженными частями, он выбрасывал свою стандартную продукцию, наводящая город однообразными, сухими и безличными казарменного типа постройками.

Росси — по своему происхождению, воспитанию и характеру своего дарования не был связан с феодально-дворянской Россией. Во взаимоотношениях ему был чужд дух чиновничества и чиновнической субординации, как чужда была в работах рутинная и стандартная сухость форм. При его ярко выраженной индивидуальности, свободомыслии и размахе замыслов было трудно найти общий язык об архитектуре с бюрократами и чиновниками.

Это было главной причиной столкновения Росси с Инженерным департаментом. Были и другие.

Одна из них, открыто высказываемая,

так сказать, принципиальная, обостренная ведомственным и профессиональным самолюбием, ставила под вопрос (право художника-архитектора технически руководить оформлением построек. Другой экономической причиной столкновения служило то, что Росси был передан ряд больших выгодных подрядов, которые, по неписанным законам того времени, составляли немаловажную статью доходов инженера-строителя.

Росси легко мог проводить сдачу и приемку заказов и подрядов в своих интересах, но он, повидимому, не пользовался возможностью легкого и быстрого обогащения путем «комиссионных» и взяток, «превыше всего дорожа честию художника и незапятнанной своей репутацией. Никогда интерес (т. е. выгода) не был побудительной для меня причиной в выполнении каких-либо поручений, но единственно долг службы», — пишет он 3 декабря 1828 г. князю Долгорукову 1. Бедственное положение, особенно после отставки, принуждает его неоднократно обращаться в дворцовое ведомство с просьбой об ускорении выдачи пенсии, об авансах в 100—200 руб.; повидимому, это же положение заставляет его торговать ложей, предоставленной ему за постройку Александринского театра.

Самолюбие, гордость и непривычная для того времени независимость суждений «свободного художника» обостряют взаимоотношения с властями и инженерно-бюрократическими учреждениями. Это сказывается на служебной карьере Росси. В то время как его ученик, сотрудник и соперник, Штауберт — военный инженер-строитель, построивший Николаевский военный госпиталь, Егерские казармы и другие мало интересные в художественном отношении здания, к 65 годам имеет чин тайного советника, доходную аренду, орден (даже Анну 1-й степени), Росси, создавший ряд бессмертных городских ансамблей, прославивших его имя далеко за пределами России, умирает 74 лет от роду, полный сил и энергии, после 17-летнего вынужденного бездействия, в чине коллежского советника, с орденом Владимира 4-й степени и небольшой пенсией.

Указанные причины неоднократно приводили к столкновениям, которые обычно кончались не в пользу Росси. Одно из таких столкновений связано с постройкой Сената. Инженерный департамент, захватив эту работу в свои руки, в качестве проектировщика выдвинул своего архитектора Штауберта. Но проект его не был утвержден Николаем I. Тогда был назначен конкурс, в результате которого был принят проект Росси. Естественно, что ему было поручено и руководство постройкой.

Такое поручение, по правилам субординации николаевского режима, было равносильно приказу. Тем не менее, Росси отказался от работы, мотивируя отказ занятостью. Руководителем работы был назначен Штауберт.

Отказ Росси был ударом в двух направлениях: 1) по адресу Николая I, приказание которого никто не смел ослушаться, и 2) по адресу Инженерного департа-

1 Лощин. Арх. внутр. полит. и быта. Сенат, д. № 10, л. 98, № 3358.

Архитектор К. И. Росси
(С бюста, хранящегося в Русском музее
в Ленинграде)

Architecte C. I. Rossi
(D'après le buste, conservé au Musée russe
à Léningrad)

Архитектор К. И. Росси
(Фото с миниатюры)

Architecte C. I. Rossi
(Photo d'une miniature)

мента, вынужденного быть исполнителем чужого проекта. Оскорбление не будет забыто: Царь будет ждать повода, чтобы проучить Росси, департамент воспользуется первой возможностью для того, чтобы начать травлю гениального архитектора.

Повод не замедлил представиться. При постройке Александрийского театра встал вопрос об устройстве железного перекрытия. Инженерный департамент выступил с критикой проекта Росси. В результате — ряд неприятностей, вызвавших страстную отповедь со стороны Росси.

При той же постройке разыгрался другой инцидент. Для устройства сцены театра за-за границы был вызван машинист — Роллер. Росси было поручено наблюдать за его работой и торопить с оборудованием сцены к назначенному сроку открытия театра.

Раздраженный спешкой, постоянным вмешательством в свою работу и полным непониманием условий труда, Росси в июле 1831 г. пишет председателю строительной комиссии генералу Селявину рапорт:

«...Надобно дать каждому сочинителю время, чтобы он мог сие хорошенько обдумать, потому что это дело — не блины печь. Впрочем, я не старшина и не староста машинистов и представляю высшему начальству сие дело как угодно решить. Но беру смелость по всегдашнему правилу моей откровенности сказать Вашему превосходительству и прошу сие довести до его сиятельства г. министра императорского двора, что из всего этого дела машинистов я вижу, что здешние известные в разных родах штукмейстеры сильно интригуют и что их поддерживают»¹.

Содержание письма говорит само за себя. Но не менее интересна его форма. Необходимо помнить, что оно относится к тому времени, когда был выработан особый николаевский канцелярский язык с униженно-почтительными формулами обращения: «припадая к стопам в. в.», «его сиятельство изволили отзваться», «с совершенным почтением имею честь быть вашим покорным слугой» и т. п. (из писем Штауберта)². Этот стиль был почти обязательен для всякого чиновника николаевского времени: трудно было себе представить письмо, а тем более деловой рапорт, написанный в другом тоне. В редкие спокойные минуты Росси следовал общепринятым формам переписки; чаще он срывается с указанного тона, речь его становится живой и страстной, — в деловой язык врываются горькие ноты обиды, язвительные намеки по адресу лиц, имеющих власть заставить молчать.

Ясно, что тон письма к Селявину должен был произвести соответствующее впечатление. Селявин, не бывший в числе доброжелателей Росси, переправил письмо к Волконскому, который в свою очередь передал его царю. Николай I воспользовался случаем выказать свое отношение к человеку, когда-то осмелившемуся ослушаться его приказаний. Волконский в своем ответе Селявину пишет: «Представленный мне при доведении вашего превосходительства от 12/XII рапорт архитектора г. Росси, на вопрос ваш, сделанный по моему приказанию, я имел счастье докладывать государю императору и получил высочайшее повеление, во-первых, объявить

г. Росси, что е. в. крайне удивлен, читая сей рапорт его, заключающий в себе грубые и неприличные выражения, и что за сие он подлежал бы аресту, но избавляет от оного во уважение болезненного состояния, которому единственно благоугодно е. в. приписывать ни в чем несообразный поступок, и, во-вторых, сделать ему за то строгий выговор с подтверждением, чтобы впредь он не осмеливался употреблять непристойные выражения в рапортах по начальству. Сию монаршую волю я объявляю вашему превосходительству к надлежащему исполнению, возвращая при сем подлинный рапорт г. Росси» (отношение № 4277 16 декабря 1831 г.)¹.

После этого с Росси больше не церемонились, и он, очевидно, сам понял, что его карьера в России окончена. После постройки театра он уезжает за границу, но вскоре возвращается и на 17 лет замыкается в кругу своей семьи. В 1849 г. он вновь призывается к переделкам Александрийского театра и в том же году — не от старческих болезней, а от холеры — умирает. Таким образом, повидному, приходится отказаться от легенды о его нетрудоспособности. 17 лет он был в опале.

Постоянные служебные нападки, трения и неурядицы не укротили строптивого духа талантливого архитектора. Он гордится своей независимостью художника и сознает свои заслуги перед государством. 4 сентября 1829 г. он пишет князю Волынскому: «Так, ваше сиятельство, да удостоит е. в. поверить словам благородного художника, у которого одно правило: любовь и честь своего звания. Доказательства оному существуют в колоссальных произведениях, сооружение коих возлагало на меня правительством»².

Таким образом, взаимоотношения, которые установились между Росси и бюрократической средой, возглавляемой царем, не были случайностью. Росси принадлежал к тем разночинцам, которые изнемогали под гнетом николаевского «самопалства». Талант и его проявления в эту эпоху требовали высочайшей апробации и подчинения установленному порядку, стоявшему на страже дворянско-крепостнической монархии. Все, что выбивалось из этого порядка, квалифицировалось, как бунт, подрывавший государственные устои, клеймилось выговором, опалой и ссылкой. Опала, в которую на 17 лет попал Росси, говорит о том, что и он был причислен к врагам николаевского режима.

Страстно, в непривычно-резких по тому времени выражениях протестуя против ограничения свободы творчества архитектора, против интриг «штукмейстеров», Росси не только на бумаге, в деловой переписке, но и на практике в своих творениях выступает как буржуазный художник, который оформляет и планирует будущий капиталистический город.

Начав с построек феодального типа с замкнутыми, почетными дворами, отрезанными от улицы решеткой и воротами, он и их старается вкомпановать в городское окружение. Переходя к работам Дворцовой, Александрийской, Чернышевой и Сенатской площадей, он создает тип новых городских ансамблей.

¹ В таком виде письмо публикуется впервые. Лодия. Фонд быта и внутр. полит. Фонд Александрийск. театра, д. 28, л. 45.

² Лодия. 342/501, д. № 8, ф. 1, св. 2192 (л. 138).

¹ Лодия. Арх. внутр. полит. и быта, 341/501, д. № 9.

² То же. Арх. внутр. полит. и быта. Фонд пр. сената, д. № 10.

ПОСЛЕДНЯЯ РАБОТА Г. П. БЕРЛАГЕ

Новый городской музей в Гааге. „Monatshefte f. Baukunst“ 1935. № 7, стр. 257—261, 11 рис. и пл.

Новое здание музея, построенное по проекту покойного Г. П. Берлаге и законченное через несколько месяцев после его смерти, находится на одной из главных улиц голландской столицы.

План здания характеризуется резким отделением служебных помещений от собственно музейных. Последние расположены по сторонам прямоугольного сада-двора, помещения же администрации находятся в примыкающем к главному корпусу крыле. Высота здания (полтора этажа) весьма незначительна по отношению к занимаемой им площади. Благодаря этому всем картинам обеспечено отличное верхнее естественное освещение. В нижнем этаже расположены только произведения художественной промышленности, отлично освещенные, благодаря примененному Берлаге особому типу бокового освещения.

Вокруг всего двора проложен в верхнем этаже ход, из которого посетитель сразу попадает в интересующий его отдел, без утомительного блуждания по другим отделам. Углы зал с произведениями живописи освещены, благодаря чему устраняются тени и выявляется лучшее место. В свободных промежутках, образованных за сквозными углами, размещены отопительные и осветительные установки. Стены зал обтянуты светлой серо-желтой материей.

БОЛЬНИЦЫ

Больница для заразных больных в Толуорсе. Архитектор Харленд. „Architects and Building News“, 1935, № 3475, стр. 106—112.

Архитектор стремился обеспечить максимальную изоляцию больных как друг от друга, так и от внешней среды, при одновременной централизации обслуживания.

В то время как в старой Толуорской больнице каждый корпус или отделение имели отдельную кухню и отдельную систему отопления, новый проект предусматривает одну котельную, снабжающую всю больницу теплом, горячей водой и паром, и одну кухню, откуда кушанья, по роликовым транспортерам, передаются во все части больницы. Благодаря этому устройству лица, отпускающие кушанья, а также

вейкого рода поставщики, совершенно изолированы от больших палат. Весьма интересным является по своему плану корпус с индивидуальными палатами, где обеспечен максимальный покой для больных, облегчена задача надзора и сведена к минимуму опасность взаимного заражения. В этом корпусе каждая палата имеет форму шестиугольника с выходом с северной стороны в открытый коридор. Озона, выходящие на южную сторону, образуют угол и открывают больному вид на две стороны. Палаты отделены одна от другой стеклянными стенками. Угловые выступы палат, выходящие в коридор, образуют ниши для умывальника и в то же время служат защитой от сквозняков.

Б. Шахнер. Внутреннее устройство больницы. „Baumeister“, 1935, № 7, стр. 221—231.

Конкурс на проект новых университетских клиник в Цюрихе. Там же, стр. 231—235.

Б. Шахнер. Внутреннее устройство больницы. Там же, стр. 236—244.

Больница для города средней величины. Там же, стр. 245—253.

СПОРТИВНЫЕ И ФИЗКУЛЬТУРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Новое здание для игры в теннис в Амстердаме. „Monatshefte f. Baukunst“, 1935, № 7, стр. 262—264, 8 рис. и пл.

Новый теннис-холл, построенный по проекту арх. Бекена, занимает площадь в 35×91 м, с расстоянием между стропильными фермами в 17,04 м. Холл разделен на пять игровых площадок. Дневной свет регулируется легкими занавесами, развешенными по стеклянным стенам, имеющим высоту в 7 м. Кроме холла с игровыми площадками, в здании размещены чайный салон, гардеробные и помещения дирекции. Во всю ширину холла идут галереи для зрителей. Холл приспособлен не только для игры в теннис, его можно также использовать для выставок и для собраний, причем, в последнем случае, в нем размещается 5200 человек.

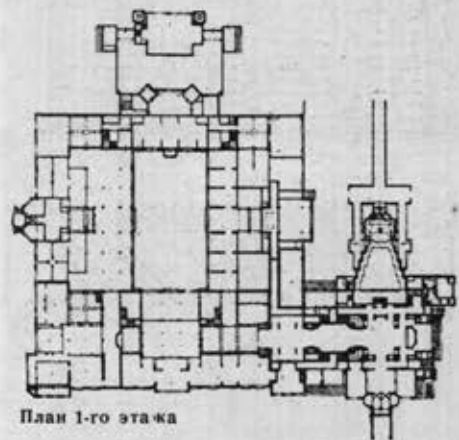
Бассейн для плавания. „Architects Journal“, 1935, № 2114, стр. 135.

Стадионы. „La Construction Moderne“, 1935, № 43, стр. 935—948.

Новый городской музей в Гааге

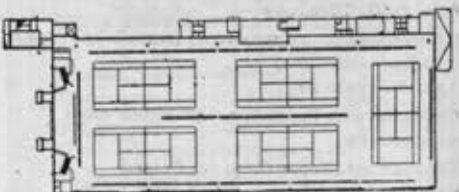
Арх. Берлаге
(„Monatshefte f. Baukunst“, № 7, 1935 г.)

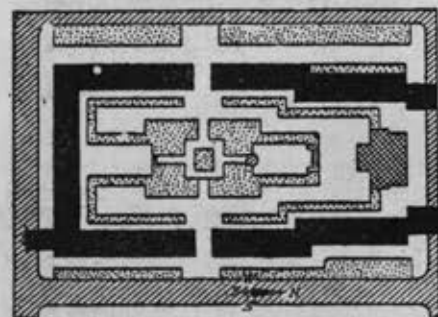
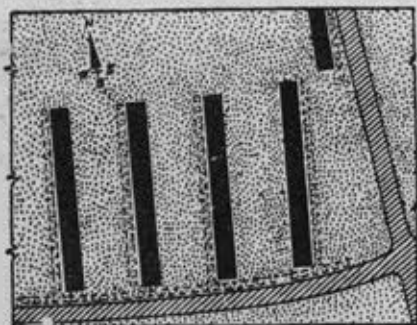
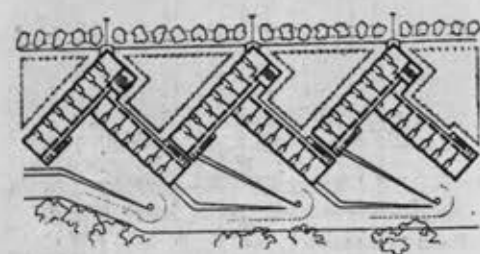
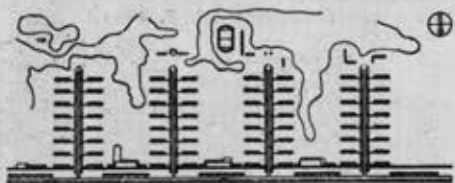
План 1-го этажа

Здание для игры в теннис в Амстердаме
Арх. Бекен, Циссдик
(„Monatshefte f. Baukunst“, № 7, 1935 г.)

План здания

„Образцовый поселок“ Плесси-Робинзон
Департамент Сены. Франция
Арх. Пейре-Дортайл

Проект планировки жилого комплекса
Арх. О. Э. Швейцер

Планировка дома зигзагом (жилой комбинат
в Шалоне на Соне)
Арх. М. Греммер

Сименштадт. Германия. Прямолинейная
планировка

Квартал им. Карла Маркса. Вена
Часть комплекса

(„L'Architecture d'Aujourd'hui“, №№ 6 и 7, 1935 г.)

ДЕШЕВЫЕ КВАРТАЛЫ

„L'Architecture d'Aujourd'hui“, 1935, №№ 6 и 7.

Архитектурные журналы Запада за последнее время уделяют большое внимание проблеме дешевого жилища, приобретающей особую остроту в связи с жилищным кризисом и обнищанием широких масс населения. Весьма характерными являются в этом отношении №№ 6 и 7 журнала „L'Architecture d'Aujourd'hui“, посвященные специально проблеме дешевого жилища.

По обыкновению, журнал дает на своих страницах место самым разнообразным течениям.

Статья Ж. Позенера (№ 6, стр. 15—33) — «Возникновение проблемы и первые опыты ее разрешения» содержит историю дешевых жилищ и описание производившихся в этой области опытов; автор последовательно переходит от поселения Фугера в Лугобурге в XVI в. к жилищным экспериментам Кольбера и датского короля Христиана (XVII в.), даже к промышленным и военным поселениям Фридриха II в Пруссии, дешевому жилищному строительству при Наполеоне III. Обзор заканчивается городами-садами начала XX в. и утопиями Хоурда и Бьюлингема.

Небольшая статья Альбера Лапрада (№ 6, стр. 14) тоже носит отчасти исторический характер. Автор протестует против чисто «хирургического» способа борьбы с нездоровыми жилищами старинных кварталов. Подходя к делу исключительно с точки зрения любителя старины, а не гигиениста или социолога, Лапрад (резко расходясь в данном вопросе с редакцией журнала) настаивает на сохранении старых кварталов, как «музейной ценности», и указывает на возможность их «оздоровления».

Подробное изложение истории жилищного законодательства во Франции, Англии, и, отчасти, в других странах дает Пьер Бурде (№ 6, стр. 49—55), сообщая при этом статистический материал по жилищному строительству в ряде стран за последние годы и по смертности населения в жилых агломератах различных типов.

Планировке дешевых жилых кварталов посвящена обширная статья Мориса Ротивали «Большие ансамбли» (№ 6, стр. 57—72).

Автор намечает следующие основные положения. От старого центрального город-

ского ядра должны прокладываться широкие автостроды в различные зоны: промышленные, жилые буржуазные, жилые рабочие и т. д. Эти зоны должны быть разделены «нейтральными зонами». Зоны будут представлять собой отдельные поселения («городки»), расположенные на ответвлениях главных автострод. Поселок с дешевыми жилищами располагается около лесных участков, парков, рек, в непосредственной близости от электрической железной дороги или от станции метро. В поселке устраивается деловой центр, габарит которого — от 10 до 20 этажей — значительно превышает габарит остальной части поселка. Здесь помещаются мэрия, квартиры врачей, инженеров, механиков и т. д. План улицы рекомендуется прямолинейный. Высота домов не должна быть более 4 или 5 этажей; ширина промежутков между рядами домов определяется линией, проведенной от верхней части крыши дома к основанию противоположного ряда домов и образующей с горизонтом угол в 25° (эта норма принята в «образцовом поселке» Плесси-Робинзон во Франции). Улицы должны занимать не более 20% общей площади поселка. Необходимо большое количество спортивных площадок. Поселки с дешевыми жилищами должны предусматриваться в регулятивных планах всех городов, так как только таким путем можно будет избежать ряда тяжелых ошибок, происходящих от бесплановости и бессистемности расселения.

В приложении к статье Ротивали дается много фото и планов различного типа дешевых жилищ.

В статье Пенгюссона (№ 7, стр. 6—11) рассматривается ряд вопросов, связанных со строительством дешевых жилищ, начиная с ориентации домов и их этажности и кончая расположением комнат в квартирах.

Автор является сторонником системы высоких (не менее 12 этажей) жилых блоков, окруженных обширными свободными пространствами. В качестве примера такой распланировки он приводит проект зеленого городка, разработанный Отто Швейцером. Городок (12 тыс. жителей) состоит из 12 блоков, каждый в 12 этажей. Корпуса расположены полосами среди зеленых пространств. Одна часть квартир выходит на

юг-запад, другая — на юг. Здесь же помещена схема зеленого города, разработанная голландскими архитекторами, с жилыми домами в виде 15-этажных башен, и городок, строящийся в настоящее время в Шалоне, расплаиваемый виюгами. Тень, отбрасываемая здесь одним корпусом на другой, приходится почти всецело на коридоры, за исключением нескольких утренних часов, когда квартиры, ориентированные на юг, затеняются северо-южными корпусами.

Переходя к размещению самых квартир, автор рассматривает различные системы такого размещения и высказывает за группировку квартир вокруг горизонтальной оси, обслуживаемой центральной лестницей. Таким путем достигается большая экономия площади лестниц, что дает возможность устройства за этот счет одного или двух лифтов, мусоропроводов и т. д.

Вариантами такого типа являются системы Дуплекс и Маршалли.

Первой из этих систем посвящена статья Декстера Морана (№ 7, стр. 12—14), который отмечает ее необычайную популярность в США, где она была применена для дорогих квартир в 1905 г. Притом, а затем уже для дешевых жилищ — Тулльгрином.

В этих кварталах независимость и интимность индивидуального жилища соединяется с удобствами коллективного жилища, причем достигается экономия площади в 15⁰/₀ по сравнению с типичным для англосаксонских стран особнячком. Дома системы Тулльгринга состоят из ряда двухэтажных квартир, выходящих в боковую коридор, или из двух рядов квартир по обе стороны центрального коридора. Идеальное осуществление этого плана, по мнению Тулльгринга, состояло бы в постройке семи жилых блоков на продолговатом участке, причем здания не должны занимать свыше 22⁰/₀ последнего и располагаться в парке. В промежутках между корпусами устраиваются площадки для детей.

Система Маршалли (№7, стр. 15) имеет большое сходство с системой Дуплекс, отличаясь от нее еще большей экономией, так как здесь ни одна комната не выходит в коридор, а трех-, четырех- и пятикомнат-

ные квартиры расположены в двух этажах с выходом в общий коридор лишь в одном этаже. В запроектированном Маршаллем поселке с дешевыми квартирами для одного бельгийского города все корпуса имеют северо-южную ориентацию. Создаются три корпуса, занятые каждый одним из трех типов квартир: в пять комнат, четыре комнаты и с малыми квартирами в одну, две и три комнаты.

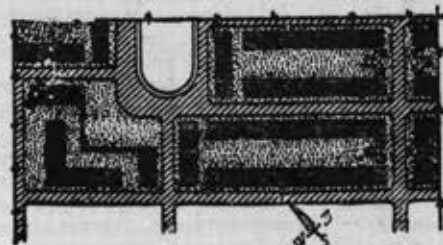
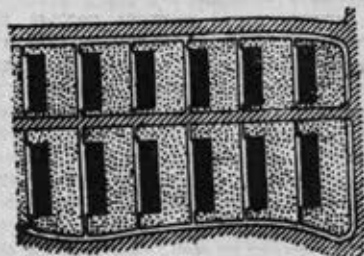
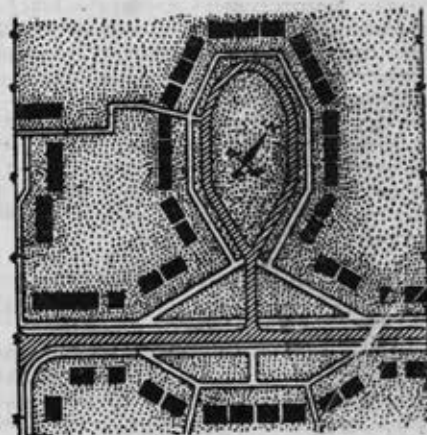
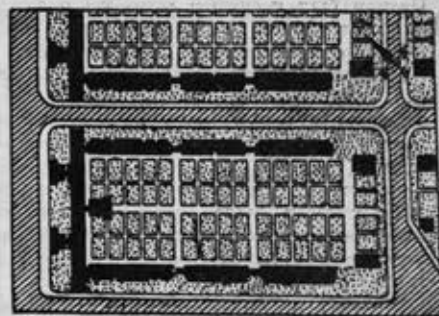
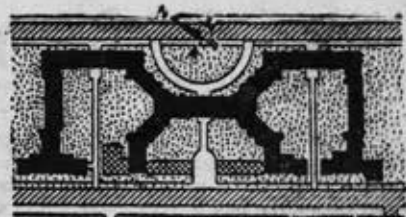
В том же номере (стр. 17) помещены снимок и план домов для рабочих, занятых в проекте Любеткина и Тектона, получившего первую премию на конкурсе, объявленном Компанией по продаже цемента (Лондон). Из постановления жюри видно, что предпочтение отдается простому плану с двумя квартирами на каждой площадке.

Предложения о достижении экономии путем группировки возможно большего числа квартир на одной лестнице (при помощи наружного коридора и т. п.) решительно отвергаются жюри, признающим достоинством проекта Любеткина и Тектона простой и «нормальный» план.

Другими достоинствами этого проекта, по мнению жюри, являются жесткое проведение стандартизации отдельных элементов жилища, группировка кухонь и ванн в одном блоке, с общим спуском для каждого 10 квартир, глубокие балконы, защищающие кухни от солнца и не затеняющие жилых комнат, несущие стены из бетона и т. д.

Особо (№ 7, стр. 22—42) журнал помещает целый ряд планов дешевых квартир, разработанных французами, германскими, шведскими, голландскими и испанскими архитекторами, с применением самых разнообразных систем расположения квартир.

Конкурс по составлению проекта на дешевые квартиры в одну, две и три комнаты был объявлен в г. Париже. В получившем вторую премию проекте Ж. Гарнье уборные вынесены на площадки лестницы, в проекте Шайо (третья премия) мы видим длинные внутренние, плохо освещенные коридоры, в проекте Ш. Велье — одна уборная обслуживает 4 семьи, ванн нет, души намечены только в проектах М. Готье (восьмая премия) и Ж. Брандона и Л. Кателана.

Оссельстон-Истэт. Лондон
Плесси-Робинзон. Франция
Часть города-сателлита
Уэльси. Англия
Тулльгринговская планировка квартала
Нейбуль. Швейцария
Прямая планировка
Кифек. Голландия
Планировка по типу „трущоб“
(L' Architecture d'Aujourd'hui, № 6, 1935 г.)

НА ВТОРОМ РАСШИРЕННОМ ПЛЕНУМЕ ВСЕСОЮЗНОГО ОРГКОМИТЕТА ССА

26—29 октября в Москве проходил второй расширенный пленум Всесоюзного оргкомитета ССА, на котором присутствовали делегаты почти всех областей РСФСР, делегации Украины, БССР, Ваканная. Пленум был посвящен вопросам подготовки предстоящего 1 марта первого всесоюзного съезда советских архитекторов.

В краткой вступительной речи акад. И. В. Жолтовский, открывший пленум, подчеркнул роль архитектуры в подеме материальной и духовной культуры нашей страны.

Основное содержание и направление работ пленума было определено докладом ответственного секретаря всесоюзного оргкомитета тов. А. Я. Александрова о задачах съезда.

Указав на творческие достижения архитектурной общественности, на успешное преодоление традиций конструктивизма и подем архитектурного мастерства, тов. А. Я. Александров подчеркнул, что архитектурная критика все еще отстает от творческой практики.

На отстаивание критического фронта, на необходимость разрывания критики и самокритики, так важнейшего и основного метода подготовки съезда, помимо тов. А. Я. Александрова, указали и два других докладчика — гг. Г. П. Гольц и А. Г. Мординов.

Доклад тов. Гольца был посвящен задачам и методам критики.

Архитектурная критика, — говорит тов. Гольц, — должна обладать теми же качествами, которых мы требуем от архитектуры, она должна быть идейной, правдивой и мастерской. Она должна обогащать знаниями архитектора и углублять философию архитектуры.

Архитектурная критика должна у нас развиваться по нескольким руслам (самокритика в мастерских, критика со стороны руководителей мастерских, критика преподавательская в вузах, критика утверждающих инстанций, критика общественная и, наконец, профессиональная). Особенную роль в создании стиля архитектуры играет профессиональная критика. Профессиональная критика должна владеть всей суммой архитектурных знаний, она должна выявлять образ и идею архитектурного произведения, его конструктивную сущность, связь идеи с конструктивным выражением, цельность произведения, его пропорции и, наконец, мастерство автора.

Но наша критика боится острых решений, не ищет новых путей и охотно удовлетворяется посредственностью.

Сейчас крупные мастера, имеющие свои определенные установки, как правило, не считаются с профессиональной критикой, ввиду ее некомпетентности. Другие, более слабые мастера, нередко подлаживаясь к вкусу критики, создают заведомо негодные вещи.

Необходимо воспитать кадры критиков серьезных, обладающих научной эрудицией, често и целеустремленно работающих, считающихся с творческой индивидуальностью архитектора и желающих ему помочь.

Обзору состояния теоретического и архитектурного фронта был посвящен доклад тов. А. Г. Мординова.

Промадный разрыв имеется, — указывает тов. Мординов, — между ролью архитектуры в социалистическом строительстве и отстаиванием теоретической и критической мысли в архитектуре.

Тов. Л. М. Каганович в своих выступлениях дал блестящий анализ состояния советской архитектуры, поставил перед ней ясные перспективы развития, но наши критики до сих пор не освоили этих указаний.

Стоит обратиться к нашей архитектурной печати, чтобы убедиться в значительности этого отставания.

Журнал «Архитектура СССР» за последнее время чрезвычайно вырос, значение его для архитектурной общественности огромно. Мы в нем находим богатый научно-исследовательский материал по изучению классического наследия и по современной архитектуре. В своих передовых статьях журнал откликается почти на все насущные вопросы архитектурной действительности, стремится идти в ногу с жизнью. Однако этот журнал до сих пор не стал еще боевым органом конкретного руководства на архитектурном фронте. «Архитектура СССР» не сумела до сих пор развернуть на своих страницах серьезной теоретической дискуссии по основным проблемам советской архитектуры, журнал еще не является учителем архитектурной общественности, указывающим, как нужно работать, что нужно делать.

Журнал «Академия архитектуры» по преимуществу занимается научно-историческими исследованиями. В нем, безусловно, много полезного для архитектора научного материала, однако «Академия архитектуры» не научилась еще на базе исторического материала ставить современные проблемы.

«Архитектурная газета» с каждым днем, несомненно, улучшается, но, к сожалению, в ней архитекторы принимают слишком недостаточное участие, и отсюда вытекает ряд серьезных недочетов. «Архитектурная газета», правильно развертывая информационную, оперативную и организационную работу, не сумела, однако, до сих пор серьезно поставить обсуждение принципиальных творческих вопросов.

У нас до сих пор почти нет книг по архитектуре, нет популярных брошюр и монографий. Наши выдающиеся мастера архитектуры ничего не пишут.

Неблагополучно и на теоретическом фронте архитектуры. Над теоретическими вопросами мало работали — и архитекторы и искусствоведы. Обратимся к отдельным работникам этого фронта.

Тов. И. Л. Маца — серьезный и глубокий теоретик, но он стоит как-то в стороне от широкого потока нашей архитектурной практики, и его статьи нередко в силу этого приобретают несколько отдаленный характер.

Весьма ценна теоретическая работа тов. Д. Е. Аркина, находящегося в самом центре архитектурной практики; от него мы бы хотели большей теоретической глубины.

Историки архитектуры гг. М. В. Алпатов, И. И. Брунов и С. В. Бессонов серьезно стремятся работать в области марксистского анализа архитектуры. Но они забывают, что марксизм — действенная наука, что марксизм на основе теоретического

изучения прошлого перестраивает мир на новых началах. Они занимаются историей архитектуры в отрыве от проблем ее текущей действительности.

В периодической архитектурной печати принимают участие и сами архитекторы, выступающие с критикой тех или иных проектов или сооружений. К сожалению, эти выступления страдают рядом недостатков. Возьмем, например, тов. Я. А. Корнфельда. Его критика, главным образом, направлена на функциональную сторону, но почти не вскрывает идейного содержания и образа архитектуры и почти не дает формального анализа композиции.

Критические выступления другого архитектора — тов. Р. Я. Хигера недостаточно принципиальны. Тов. Хигер прекрасно владеет пером, и при исправлении свойственных ему недостатков его критика могла бы принести большую пользу.

Критическое выступление гг. Г. П. Гольца и С. Н. Кожина, с точки зрения формальной, находится на большой высоте. Они умеют каждое произведение архитектуры очень издумчиво проанализировать с точки зрения принципов классицизма. Но они почти не затрагивают вопросов идейного содержания, не касаются вопросов техники и материалов.

За последнее время можно отметить лишь одно положительное и действительно всесторонне критическое выступление — это напечатанная в «Архитектурной газете» коллективная статья гг. Д. Е. Аркина, М. О. Барца, А. К. Бурова, и О. Н. Кожина о проекте дома ТАСС проф. И. А. Голосова. Единственный упрек, который можно было бы сделать авторам этой статьи — это то, что они не дали критики конструктивной стороны и технических возможностей проекта.

Чрезвычайно важным моментом для разрывания критики является фиксирование тех требований, какие должны предъявляться к архитектурным произведениям. Эти требования можно сформулировать следующим образом: во-первых, идейное содержание данного архитектурного произведения, во-вторых, свойственное ему художественное мастерство. Следующий принцип — освоение современной техники и современных материалов и, наконец, функциональное, конструктивное и художественное единство и место в окружающей среде.

Прения, развернувшиеся по докладом гг. Александрова, Гольца и Мординова, показали, как велика и осознана потребность в укреплении теоретического фронта советской архитектуры и всемерного развития критики и самокритики. Представители с мест подчеркивали, что особенно велика критическая «голова» на местах.

Последним разделом работы пленума было обсуждение организационных вопросов подготовки к съезду. В докладе тов. А. М. Заславского, содокладе тов. Г. Б. Вархана о задачах домов архитектора и в прениях была намечена система организационных мероприятий, которая должна расширить и укрепить связь архитекторов с широкими трудящимися массами.

В заключение с информационным докладом о 13 Международном архитектурном конгрессе выступил акад. А. В. Шусев.

РЕКОНСТРУКЦИЯ АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОГО ДЕЛА В МОСКВЕ

По постановлению МК ВКП(б) и Моссовета, вместо существовавших районных планировочных мастерских, созданы 6 магистральных архитектурно-планировочных мастерских под руководством: акад. А. В. Щусева, проф. Н. Я. Колли, арх. Т. П. Голыца, арх. А. И. Мешкова, проф. Г. В. Бархина, В. А. Шуко и проф. В. Г. Гельфрейх. По каждому району Москвы выделены районные архитекторы.

АРХИТЕКТУРА КАНАЛА МОСКВА — ВОЛГА

11 октября в Доме архитектора состоялась первая архитектурная конференция строительства канала Москва — Волга.

С докладами на конференции выступили: начальник строительства Л. И. Коган и главный архитектор канала Н. С. Фридлянд. В прениях по докладу приняли участие: проф. Г. В. Бархин, А. М. Заславский, В. М. Кусаков, А. А. Мотовилов, В. Ф. Юринский, Л. И. Рудминский, А. Г. Туркенидзе, В. А. Дедюхин, Андре Люреа, Д. Ф. Фридрих, Бела Уитц, В. М. Лисниця и ответственный секретарь ЦОА А. И. Александров.

Делегация конференции в составе гг.: А. Я. Александрова, зам. начальника строительства С. Г. Фирина, главного инженера С. Я. Жука и главного архитектора Н. С. Фридлянда посетила гг. Л. М. Кагановича, Г. Г. Ягоду и Н. С. Хрущева.

ВЫСТАВКА КОЛХОЗНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

На постоянной всесоюзной строительной выставке будет создан специальный отдел колхозной архитектуры и строительства.

Для отбора лучших проектов создана специальная комиссия.

ВСЕСОЮЗНЫЙ КОНКУРС НА КОЛХОЗНЫЙ ДОМ КУЛЬТУРЫ

20 октября по инициативе отдела культурно-просветительной работы ЦК ВКП(б) в Академии архитектуры состоялось совещание актива московских архитекторов, посвященное проектированию колхозных домов культуры. С докладом выступил заведующий отделом культурно-просветительной работы ЦК партии тов. А. Щербakov.

Совещание решило организовать всесоюзный открытый конкурс на проектирование колхозных домов культуры.

ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

При Академии архитектуры организуется вечерний институт повышения квалификации архитекторов.

Срок обучения — двухгодичный. В институте будет обучаться 50 человек, в основном архитекторы московских проектных и планировочных мастерских, командированные отделом планировки и проектирования Моссовета. Несколько мест решено предоставить архитекторам, работающим в наркоматах.

ЭКСТЕРНАТ В АРХИТЕКТУРНОМ ИНСТИТУТЕ

В октябре в Московском архитектурном институте состоялись испытания для лиц, желающих проходить в институте курсы экстернами. Из 17 человек, проходивших испытание, принято в число экстернов 9 человек.

Одновременно комиссией, производившей персональную проверку экстернов приема прошлых лет, исключено за неуспеваемость 9 человек.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИРАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Академию архитектуры в сентябре посетил генеральный секретарь Международной ассоциации иранского искусства проф. Пооп.

В беседе с и. о. ректора академии тов. А. Я. Александровым проф. Пооп сообщил, что в настоящее время создается Международная ассоциация изучения иранской архитектуры. В ассоциацию входят представители Англии, Франции, Италии, Германии и других стран. Проф. Пооп предложил Академии архитектуры вступить в эту ассоциацию и принять участие в организуемой в ближайшее время экспедиции в Иран.

СОВЕТСКИЙ ПАВИЛЬОН НА ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКЕ

Архитектурно-проектной мастерской Наркомтяжпрома поручено проектирование советского павильона на международной выставке 1937 г. в Париже. Работа будет проводиться под руководством проф. А. А. и В. А. Веснинных и проф. М. Я. Гинзбурга.

ТВОРЧЕСКАЯ КОМАНДИРОВКА ЗАГРАНИЦУ

7 октября выехала в заграничную творческую командировку группа в 10 человек аспирантов-асистентов Института архитектурного усовершенствования Академии архитектуры. Архитекторы посетят Италию, Грецию, Францию и Австрию. Сроком командировки — три месяца. Руководителем группы является арх. К. С. Алабин.

Оргкомитет ЦОА поставил удовлетворить ходатайство местных организаций Союза советских архитекторов о продлении срока окончания местных архитектурных конкурсов. В постановлении оргкомитета указывается, что итоги конкурса должны быть подведены не позднее 1 февраля.

Итоги всесоюзного конкурса, который должен быть проведен на основе результатов местных конкурсов, будут объявлены к Первомайским торжествам 1936 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ГЕНПЛАНА ЛЕНИНГРАДА

Завершен разработкой первый вариант планировки нового Ленинграда.

В связи с этим в ленинградском Доме архитектора состоялось многочисленное собрание актива ЦОА совместно с художниками, скульпторами и писателями по вопросу о совместной работе над осуществлением плана расширения Ленинграда. На совещании выступили: художник Н. Радлов, писатель Б. Лаптев, архитекторы акад. А. И. Дмитриев, проф. И. Т. Лангбардт, Н. Ф. Хомуцкий и др.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АРХИТЕКТОРОВ

В середине февраля 1936 г., за две недели до всесоюзного съезда, состоится ленинградская конференция архитекторов.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ БОЛЬНОЙ КАЗАНИ

Ленинградский государственный институт проектирования городов заключил договор с казанским горсоветом на составление генерального проекта планировки Большой Казани.

АРХИТЕКТУРНАЯ ВЫСТАВКА В КУЙБЫШЕВЕ

В здании куйбышевского горкомхоза открыта постоянная архитектурная выставка, организованная куйбышевским отделением Союза советских архитекторов.

УКРАИНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ГОТОВЯТСЯ К СЪЕЗДУ

Президиум всукраинского оргкомитета ЦОА, в порядке подготовки к всесоюзному съезду, решил создать совещание актива председателей комиссий, выделенных еще на 2 пленуме оргкомитета. На совещании будет просмотрен весь накопленный материал и организованы бригады для разработки вопросов, стоящих на повестке дня съезда.

К 15—20 февраля предполагается созвать областные конференции в четырех областях Украины.

СОДЕРЖАНИЕ №№ 1—12 „АРХИТЕКТУРЫ СССР“ за 1935 г.

Архитектура жилого интерьера. ✓
А. Урбан, VI, 11.

Архитектура московского метро.
Н. Я. Колли, IV, 3.

Великие творческие задачи, V, 2.

Вопросы архитектуры в легкой промышленности. Б. В. Гладков, VI, 7.

Итоги Всесоюзного творческого совещания архитекторов, VII, 1.

За укрепление архитектурных организаций на местах, IV, 1.

К новым победам, I, 1.

Конкурс форпроектов зданий Академии наук в Москве. Р. Хигер, III, 10.

Конструктивизм и функционализм.
Н. А. Милютин, VIII, 5.

Лучшие люди социалистической родины, XII, 1.

Московский метрополитен построен, II, 1.

Московский метро построен, III, 1.

«Новая архитектура». И. Л. Маца, IX, 3.

О природе архитектуры. И. Маца, III, 7.

Оргкомитет Союза советских архитекторов Л. М. Кагановичу, III, 4.

Основные вопросы архитектурной светотехники. А. Дамский, V, 72.

План социалистической Москвы, VIII, 1.

Планировка Москвы и мировые центры. Н. Несис, XII, 7.

Планировка промышленных районов.
М. П. Макотинский, VII, 27.

Сталинский устав колхозной жизни, III, 6.

Строительству новой Москвы — мощную техническую базу, IX, 1.

Уроки Всесоюзного творческого совещания, VI, 1.

ПРАКТИКА

Государственная библиотека СССР имени Ленина. Я. Корнфельд, II, 68.

Два дома на Садовой. В. Кусаков, XII, 44.

Дворец физкультуры завода им. Авиационного. И. Сосфенов, VII, 35.

Декорация и образ. Г. Зундблат, III, 29.

Дом культуры ЛОСПК в Ленинграде.
Е. А. Левинеон, VI, 48.

Жилой дом для инженерно-технических работников. И. З. Вайнштейн, XII, 38.

Жилой дом в Пименовском переулке в Москве. А. Власов, III, 29.

К вопросу о нормах проектирования театральных сооружений. М. Георгиевский, III, 37.

Конкурс проектов Дворца советов АЗССР (Баку). П. Фридолин, IV, 64.

Культура советского жилья. ✓
М. Барц, I, 20.

Невыразительная архитектура.
В. Кусаков, VIII, 19.

Новое здание гостиницы Моссовета.
А. И. Некрасов, II, 59.

Новые ленинградские постройки. ✓
I, 25.

Новые набережные Москвы. И. А. Француз, VIII, 22.

О доме культуры на проспекте Нирова в Ленинграде. В. Кусаков, VI, 51.

О проекте Центрального дома Аэрофлота. В. Кусаков, I, 23.

Опыт архитектурной реконструкции жилого дома. Д. Д. Булгаков, ✓
XII, 42.

Опыт проектирования квартала крупноблочного строительства в Москве. П. Ревякин, А. Зальцман, К. Соколов, III, 31.

Планировка курорта Сочи-Мацеста.
Н. З. Несис, IX, 43.

Планировка южного берега Крыма.
М. Я. Гинзбург, VI, 39.

Проект застройки Сталиногорска.
А. А. Галактионов, IV, 69.

Проект парка культуры и отдыха в Тифлисе. М. Я. Гинзбург, IX, 35.

Проект Центрального физкультурного комбината Средней Азии.
В. Калмыков, VI, 43.

Проектирование правительственного центра УССР в Киеве. А. Г. Молокин, IX, 11.

Проспект «Шарикоподшипника».
П. Диденко, VI, 37.

Работы 4-й планировочной мастерской Моссовета. Г. Бархин, I, 16.

Реконструкция Ленинграда, XII, 3.

Реконструкция театров Камерного и им. Станиславского в Москве.
В. Симбирцев, IX, 29.

Реконструкция центральных улиц Москвы. А. Родин, I, 10.

Центральная площадь, Дом советов и гостиница в Сталинске. В. Кусаков, III, 35.

Центральный дом Аэрофлота. Д. Чечулин, I, 22.

РЕКОНСТРУКЦИЯ МОСКВЫ

Социалистическая Москва. X—XI, 1.

Архитектурное лицо новой Москвы.
С. Е. Чернышев, X—XI, 6.

Новая территория

Новый юго-западный район. А. Н. Заславский, X—XI, 13.

Магистралы, улицы, набережные

Магистраль Всехсвятское — завод им. Сталина. Г. Я. Козелков, X—XI, 17.

Измайлово — площадь Дзержинского.
Н. Х. Поляков, X—XI, 21.

Площадь и проспект Дворца советов.
Б. М. Иофан, X—XI, 25.

Улица Дзержинского — Сретенка — 1-я Мещанская. Г. Б. Бархин, X—XI, 29.

Водная система и набережные Москвы.
И. А. Француз, X—XI, 33.

Площади

Реконструкция московских площадей.
Д. М. Аранович, X—XI, 37.

Озеленение города

Зелень в Москве. В. И. Долганов, X—XI, 45.

Центральный парк столицы. А. В. Власов, X—XI, 48.

Парк им. Сталина в Измайлово.
М. П. Коржев, М. И. Прохорова, X—XI, 50.

Планировка Сокольнического парка.
А. Я. Карра, X—XI, 54.

Застройка квартала

Квартал в новой Москве. П. И. Гольденберг, X—XI, 59.

Архитектура Москвы

Архитектура революционных лет.
Р. Я. Хигер, X—XI, 65.

Архитектурное наследство

- Московский кремль. Стены и башни. А. И. Некрасов. X—XI, 69.
- Архитектурные памятники Москвы до эпохи классицизма. А. И. Некрасов. X—XI, 77.
- Классицизм и ампиры в Москве. Д. Е. Аркин. X—XI, 82.
- Эпоха модерна в архитектуре Москвы. Л. И. Ремпель, Т. В. Вязниковцева. X—XI, 90.
- Как росла старая Москва. П. И. и Б. И. Гольденберг. X—XI, 94.
- Хроника. X—XI, 105.
- Приложение. Схема реконструкции Москвы.

ПРОМЫШЛЕННАЯ АРХИТЕКТУРА

- Архитектура культурно-бытовой группы на заводе. М. Г. Бархин. II, 55.
- Архитектурная организация промышленной территории. А. Э. Зильберт. II, 41.
- Архитектура производственного цеха. В. А. Мыслин. II, 46.
- Заметки о промышленной архитектуре. Д. Аранович. VIII, 11.
- Из истории промышленной архитектуры. И. С. Николаев. II, 35.
- Интерьер промышленных зданий. А. С. Фисенко. II, 51.

КОЛХОЗНАЯ АРХИТЕКТУРА

- Большая архитектурная задача. Н. Беккер и М. Полищук. I, 4.
- Архитектура агрогорода. В. Кокорин. I, 8.
- Клуб в колхозе. Р. Хигер. I, 6.

ТРАНСПОРТНАЯ АРХИТЕКТУРА

- Архитектура вокзалов. Г. Волошинов. V, 62.
- Задачи архитектуры на железнодорожном транспорте. Д. Шермергорн. V, 57.

ПЛАНИРОВКА ГОРОДА

- Ансамбль в архитектуре города. Л. А. Ильин. V, 41.
- Вопросы архитектурно-планировочного ансамбля. В. Лавров. V, 51.

АРХИТЕКТУРА ШКОЛЬНОГО ЗДАНИЯ

- Архитектура московских школ. Д. М. Аранович. XII, 14.

Архитектура школьного здания на Западе. V, 35.

- Новые ленинградские школы. В. Твельмейер. XII, 32.
- Новые формы школьного строительства. А. Щелоков. V, 25.
- Новые школы Москвы. Я. Корнфельд. V, 27.
- Опыт строительства школ на Западе. А. Люрса. V, 38.

АРХИТЕКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Дипломные проекты отделения промышленного строительства Военно-инженерной академии. М. Г. Бархин. III, 24.
- Учебный план архитектурного вуза. М. Серезинкин. III, 22.

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

- Всесоюзное творческое совещание архитекторов в Ленинграде 20—23 мая 1935 г.
- Архитектура Украины. Доклад А. Г. Молокина. VII, 14.
- Архитектурная практика Москвы. Доклад Н. Я. Колли. VII, 10.
- Архитектурные течения Ленинграда. Доклад Г. А. Симонова. VII, 7.
- Творческие задачи советской архитектуры. Доклад К. С. Алабяна. VII, 5.
- Прения. VII, 16.

В МАСТЕРСКОЙ АРХИТЕКТОРА

- Архитектор К. С. Мельников. ✓ Р. Хигер. I, 30.
- Творческий итог (работа проектной мастерской № 6 Моссовета). Н. Колли. III, 39.

ТВОРЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ

- М. Г. Бархин. VII, 39.
- А. А. Веснин и В. А. Веснин. IV, 40.
- А. В. Власов. IV, 55.
- М. Я. Гинзбург. V, 8.
- И. А. Голосов. IV, 49.
- Г. П. Гольц. V, 17.
- Б. М. Иофан. VI, 22.
- В. Д. Кокорин. VI, 34.
- А. Г. Мордвинов. V, 21.
- А. С. Никольский. IV, 52.
- Л. В. Руднев. VI, 30.
- С. С. Серафимов. V, 13.
- А. И. Таманян. V, 3.
- Н. А. Троцкий. IV, 59.
- В. А. Щуко. VI, 16.
- А. В. Щусев. IV, 45.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА

- Белый цемент для отделочных работ. Е. Костырко. III, 50.
- Качественная штукатурка и фреска. Б. П. Горбушин. IX, 50.
- Некоторые проблемы отделочных материалов в архитектуре. А. Пеганов. III, 47.
- Облицовочные материалы. С. Л. Алмазов. I, 66.

АРХИТЕКТУРА, СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ

Творческое совещание по вопросам синтеза искусств

- Архитектура и живопись. Доклад А. В. Щусева. II, 12.
- Архитектура и живопись. Содоклад В. А. Фаворского. II, 13.
- Архитектура и скульптура. Доклад В. С. Балихина. II, 16.
- Итоги творческого совещания. А. И. Бассехес. II, 3.
- Основы синтеза. И. Маца. II, 31.
- Проблема синтеза в советской архитектуре. Вступительный доклад Д. Е. Аркина. II, 8.
- Проблема синтеза в художественном наследстве. Доклад М. В. Алпатовова. II, 21.
- Синтез искусств в практике советских архитекторов. В. С. Балихин. VII, 20.
- Скульптура и архитектура. Содоклад И. Е. Хвойника. II, 19.
- Творческая дискуссия о синтезе искусств. II, 27.
- Фресковые росписи харьковского Краснозаводского театра. В. Седляр. I, 35.

ФАРФОР — ФАЯНС — СТЕКЛО

- Советская художественная посуда. А. Б. VII, 64.

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

- Архитектура Ленинграда в фотографиях. VII, 66.
- Архитектурно-планировочное наследство Москвы. В. Лавров. I, 44.
- Архитектурно-художественный облик Архангельского. С. В. Бессонов. VIII, 44.
- Вторая производная золотого сечения. А. Буров. III, 57.

Из истории архитектурных съездов.
Н. Соколова. VI, 54.

Индийская архитектура. А. Стрелков. I, 58.

Как развивался круг знаний архитектора. Ю. К. Милонов. XII, 48.

Капелла Пацци. А. Г. Цирес. VIII, 30.

Новейшие открытия в области античной архитектуры. VI, 63.

Новые открытия в Помпее. VI, 61.

О пропорциях в античной и готической архитектуре. Ю. Милонов. III, 52.

Раскопки Геркуланума. И. Бороздин. I, 52.

Улица зодчего Росси в Ленинграде. Н. В. Вейнерт. VII, 44.

АРХИТЕКТУРНЫЙ АРХИВ

Архитектурно-планировочные ансамбли Керчи. В. Шквариков. III, 58.

Из архитектурных коллекций ленинградского музея города. Н. М. Сирвинт. I, 73.

Малозвестные чертежи Луиджи Руска. Сообщение П. Дульского. I, 72.

Материалы для истории Инженерного замка. С. М. Земцов. IX, 63.

Рисунки С. В. Ноаковского, В. С. Корчагин. VII, 60.

Рисунок архитектора. Д. А. I, 75.

Росси и николаевская Россия. Н. В. Вейнерт. XII, 55.

Трактат Чарльза Камерона «Римские термы». В. Талепоровский. IX, 60.

Эжен Делакруа об архитектуре. Перевод А. Семенова. VIII, 60.

ЗА РУБЕЖОМ

Архитектура Ближнего Востока. Л. И. Ремпель. VII, 51.

Архитектура Соединенных штатов Америки. В. Олтаржевский. IX, 52.

Архитектурная планировка нового Рима. Л. И. Ремпель. II, 74.

Архитектурные выставки. VI, 64.

Новая больница Божон в Париже. VIII, 58.

Новое здание Манчестерской библиотеки. Б. Зельцле. VII, 58.

Новый дом Королевского института британских архитекторов. I, 42.

Современная планировка больниц. Стенлей Холл. VIII, 54.

БЛОКНОТ АРХИТЕКТОРА

Статьи: А. Л. Пастернака, В. Б. Вольфензона, Ю. Ю. Савицкого.

ПИСЬМА С МЕСТ

Архитектура советской Татарии. П. Дульский. VIII, 62.

Днепропетровск на путях социалистической реконструкции. Р. Б. Трестлинг. VI, 70.

АРХИТЕКТУРА И КНИГА

I, 77; II, 80; III, 63; VI, 65; VII, 68; IX, 71.

ПО СТРАНИЦАМ

ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

I, 79; III, 63; V, 77; VI, 66; VII, 70; VIII, 64; IX, 72; XII, 57.

ХРОНИКА

III, 66; IV, 74; V, 79; VI, 71; VII, 71; VIII, 68; IX, 74; X—XI, 105; XII, 61.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вып. 1. Афинский Акрополь. VIII.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Не забудьте, что срок Вашей подписки на

АРХИТЕКТУРУ СССР

истекает в декабре 1935 года

Для непрерывного и аккуратного получения журнала с начала 1936 года необходимо сдать подписку не позднее средних чисел декабря с таким расчетом, чтобы в Москву заказы поступили не позднее 27 декабря.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 72 руб., 6 мес. — 36 руб., 3 мес. — 18 руб.

Подписку направляйте почтовым переводом:

Москва, 6, Страстной бульвар, 11—Жургазобъединение, или сдавайте инструкторам и уполномоченным Жургаза на местах. Подписка также принимается повсеместно почтой и отделениями Союзпечати.

ме 21-913

ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр. Pages
Лучшие люди социалистической родины	1
Реконструкция Ленинграда	3
Планировка Москвы и мировые центры. Н. З. Нессис	7
ПРАКТИКА	
Архитектура московских школ. Д. М. Аранович	14
Новые ленинградские школы. Б. Твелькмейер	32
Жилой дом для инженерно-технических работников. И. З. Вайнштейн	38
Опыт архитектурной реконструкции жилого дома. Д. Д. Булгаков	42
Два дома на Садовой. В. М. Кусakov	44
АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО	
Как развивался круг знаний архитектора. Ю. К. Милонов	48
АРХИТЕКТУРНЫЙ АРХИВ	
Россия и николаевская Россия. Н. В. Вейнерт	55
ВО СТРАНИЦАХ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ	
На 2-м РАСШИРЕННОМ ПЛЕНУМЕ ВЕСЕСОЮЗНОГО ОРГКОМИТЕТА ССА	60
ФОНИКА	61

SOMMAIRE

Les meilleurs gens de la patrie socialiste	
La reconstruction de Léningrad	
L'aménagement de Moscou et les centres mondiaux, par N. Z. Nessim	
NOS RÉALISATIONS	
L'architecture des écoles de Moscou, par D. M. Aranovitch	
Les nouvelles écoles de Léningrad, par V. Tvelkmeyer	
La maison d'habitation pour les ingénieurs et les techniciens, par I. Z. Vainechtein	
L'essai de la reconstruction architecturale d'une maison d'habitation, par D. D. Boulgakov	
Deux maisons rue Sadovaia, par V. M. Koussakov	
L'HÉRITAGE ARCHITECTURAL	
Comment se développait le cercle des connaissances de l'architecte, par G. C. Milonov	
NOS ARCHIVES	
Russie et la Russie du temps de Nicolas I, par N. V. Veinert	
A TRAVERS LES REVUES ÉTRANGÈRES	
AU DEUXIÈME PLÉNUM ÉLARGI DU COMITÉ D'ORGANISATION PANUNIONISIE DE L'UNION DES ARCHITECTES SOVIÉTIQUES	
CHRONIQUE	

О Т Р Е Д А К Ц И Я

Иллюстрации к приложению «Афинский Акрополь» («Архитектура СССР» № 8 за 1935 г.) подобраны проф. Н. И. Бруновым, текст принадлежит В. Д. Блаватскому.

АРХИТЕКТУРА СССР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ
АРХИТЕКТОРОВ

Ответственный редактор К. С. Алабян
РЕДАКЦИЯ:
Москва, 2, Новинский бульвар, 9

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: 12 мес.—72 руб.,
6 мес.—36 руб., 3 мес.—18 руб.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, 6,
Страстной бульвар, 11, Жургазобъедине-
нием, уполномоченными Жургаза на
местах; повсеместно почтой и отделе-
нием Связьпечати

ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ
UNITED MAGAZINES AND NEWSPAPERS

L'architecture de l'URSS

REVUE MENSUELLE DE L'UNION
DES ARCHITECTES SOVIÉTIQUES

Rédacteur en chef K. Alabjan

ADRESSE DE LA RÉDACTION:
M O S C O U, 9, Bd. NOVINSKI

ADRESSEZ LES ABONNEMENTS:
MEJDUNARODNAYA KNIGA, MOSCOU,
URSS, 18, KOUZNETSKI MOST

REPRÉSENTATION COMMERCIALE DE
L'URSS SECTION DES LIVRES, 25, RUE DE LA
VILLE L'ÉVÊQUE, PARIS, VIII

Architecture of the USSR

MONTHLY MAGAZINE OF THE
ASSOCIATION OF SOVIET ARCHITECTS

Editor in chief K. Alabjan

EDITORIAL OFFICE:
M O S C O W, NOVINSKY BLVD, 9

SUBSCRIPTIONS ACCEPTED BY:
MEZHUNARODNAYA KNIGA, MOSCOW,
USSR, KUSNETSKY MOST, 18

АВКНИГА, 253, FIFTH AV., NEWYORK CITY USA
KNIGA LTD. BOOK HOUSE, ALDOWICH
W.C. 2, LONDON, ENGLAND

Architektur der UdSSR

MONATSSCHRIFT DES VERBAND
DER SOWJETARCHITEKTEN

Chefredacteur K. Alabjan

ADRESSE DER REDAKTION:
M O S K A U, NOVINSKI BLVD, 9

ABONNEMENTSANNAHME:
MEZHUNARODNAYA KNIGA, MOSK
UdSSR, KUSNETZKY MOST, 18

KNIGA BUCH UND LEHRMITTELDES
BERLIN, W. 35 KURFÜRSTENSTRASSE
POSTSCHECKKONTO BERLIN 12018
DEUTSCHLAND